

Алистер Маклин. Куда залетают орлы

Перевод с английского Н.ЦЫРКУН.
OCR&SpellCheck: The Stainless Steel Cat

Глава 1

Грохот четырех поршневых двигателей действовал на нервы и давил на барабанные перепонки. Уровень децибелов, прикинул Смит, тут как на электростанции где-нибудь в Сибири, работающей на предельных оборотах, но вхолостую, потому что холодыря в этой тесной, облепленной приборами кабине прямо-таки сибирская. Он бы все же предпочел быть сейчас на электростанции, с нее хоть не грохнешься в пропасть и не врежешься в скалу, а такой исход путешествия весьма вероятен, если не сказать неминуем, хотя пилот их "Ланкастера" и виду не подает. Смит отвел взгляд от серой пелены за лобовым стеклом, по которому бесполезно ерзали снегоочистители, и повернулся к мужчине, сидящему слева.

Командир авиазвена Сесил Карпентер чувствовал себя здесь словно дома. Всякие сравнения с Сибирью он отмел бы как плод безумного воображения. Похоже было, что тряска доставляла ему удовольствие, как нежное прикосновение умелого массажиста, грохот моторов убаюкивал, а температура воздуха создавала ощущение настоящего комфорта. Перед ним на выдвижном столике удобно покоилась книга. Насколько мог судить Смит, краем глаза узревший леденящую взор обложку, на которой была изображена ничем не прикрытая девушка с окровавленным ножом в спине, командир не относился к почитателям серьезной прозы.

– Великолепно, – одобрительно отозвался Карпентер, перевернув страницу, и глубоко затянулся дымом из старинной вересковой трубки, распространявшей благоухающий аромат дорогого табака. – Черт подери, умеет же этот парень писать. Жалко, тебе это рановато читать, Тримейн, – обратился он к розовощекому юноше в кресле второго пилота, – подрасти маленько. – Он разогнал густой дым, клубящийся вокруг, и осуждающе посмотрел на парня. – Пилот Тримейн, опять у вас на лице уныние?

– Да, сэр. То есть, никак нет, сэр.

– Типичный нынешний недуг, – с сожалением констатировал Карпентер. – Молодежь разучилась наслаждаться жизнью. Не умеет ценить такие маленькие радости, как вкус тонкого табака, а также не верит старшим командирам.

Тяжело вздохнув, он аккуратно отметил дочитанную страницу, закрыл книжку и выпрямился в кресле:

– Человек имеет право на покой в собственной кабине.

Он открыл стекло бокового окна. В кабину ворвались ледяное дыхание ветра и усилившийся грохот моторов. Карпентер сморщился и высунул голову наружу, прикрыв глаза ладонью правой руки. Через пять секунд он безнадежно покачал головой, зажмурился и несколько раз поморгал, преодолевая резкую боль, закрыл окно, стряхнул снег со своих пламенно-рыжих волос и великолепных холеных усов и обернулся к Смицу.

– Мало радости, майор, заблудиться ночью в буран над Европой, раздираемой войной.

– Опять заблудились, сэр? – спросил Тримейн.

– Человеку свойственно ошибаться, сынок. Смит вежливо улыбнулся.

– Вы хотите сказать, что мы сбились с курса, сэр?

– Почем я знаю? – Карпентер уселся поудобней, прикрыл веки и широко зевнул. – Я всего лишь водило. У нас есть штурман, у штурмана – радар, а у меня нет веры ни тому, ни

другому.

– Ну и ну, – покачал головой Смит. – Подумать только, сколько мне лапши на уши навешали в министерстве. Уверяли, будто у вас три сотни вылетов и вы знаете весь континент, как лондонский таксист свой город.

– Грязные инсинуации, пущенные в ход враждебными элементами, нежелающими, чтобы я занялся непыльной работенкой за письменным столом в Лондоне.

Карпентер взглянул на часы.

– Я предупрежу вас ровно за 30 минут до выброски. – Он еще раз посмотрел на часы и сурово нахмурился.

– Пилот Тримейн, злостное нарушение вами служебных обязанностей ставит под угрозу выполнение задания.

– Простите, сэр?

– Мне следовало получить кофе ровно три минуты назад.

– Есть, сэр. Момент, сэр.

Смит опять улыбнулся, потянулся, распрямляя затекшее тело, и вышел из кабины. В фюзеляже, этом промозглом, темном закутке, похожем на железный склеп, сравнение с Сибирью казалось еще более подходящим. Шум достигал почти невыносимого уровня, холод стоял зверский, а металлические ребристые стены, покрытые инеем, никак не создавали ощущения уюта. Так же, как и полотняные сиденья на металлических каркасах, привинченных к полу, – идиотский продукт дизайнерского функционализма. Попытка установить эти, рожденные воображением садиста, пыточные инструменты в исправительных учреждениях Ее Величества вызвала бы волну общенационального гнева.

В шести креслах этой дурацкой конструкции сидели, съезжившись, шестеро самых жалких на вид мужчин, каких только ему, Смиту, доводилось встречать. Все они, как и он сам, были одеты в форму немецких альпийских войск. Как и у него, у каждого было при себе два парашюта. Парни мелко дрожали, топя ногами и хлопая ладонями. В воздухе туманом стояло их замерзшее дыхание. Вдоль всего борта по верхнему краю фюзеляжа тянулась туго натянутая проволока, ведущая к выходному люку. К ней были прицеплены страховочные крюки, тросы от которых спускались к сложенным парашютам, и еще куча каких-то узлов. Из одного торчало несколько пар лыж.

Парашютист, сидевший с краю, смуглый парень латинского типа, поднял глаза на Смита. Никогда еще, подумал Смит, не видел он Эдварда Каррачолу таким подавленным.

– Ну? – уныло спросил Каррачолу. – Клянусь, они, там в кабине не лучше моего знают, где мы находимся.

– Похоже, он выбирает курс через Европу по запаху, – подтвердил Смит. – Но я не стал бы волноваться. Он остановился на полуслове – со стороны хвоста вошел сержант-стрелок с дымящимся кофейником и кружками в руках.

– И я тоже, сэр, – сержант вежливо улыбался. – Конечно, у командира есть свои маленькие слабости. Кофе, джентльмены? Он любит прикидываться, будто только и знает, что детективы почитать, а местонахождение будто ему ребята подсказывают.

Смит обнял замерзшими пальцами кружку с кофе.

– А вы-то знаете, где мы находимся?

– Конечно, сэр.

Он кивнул на металлические ступени, ведущие к турельной установке.

– Вон, сами взгляните.

Смит удивленно поднял бровь, поднялся по лесенке и заглянул в прицел установленного на турели пулемета. Сначала ничего не было видно в крошечной тьме, но постепенно где-то внизу неясно обозначилось призрачное свечение, вскоре превратившееся в геометрически четкую сетку городских огней. По лицу Смита пробежало недоумение, тут же сменившееся обычным невозмутимым выражением.

– Ну, ну, – он вернулся к своему кофе. – Что же им никто не подскажет – вся Европа погружена в темноту.

– Только не Швейцария, сэр, – терпеливо объяснил сержант.

– Это Базель.

– Базель? – Смит уставился на сержанта. – Базель! Господи

прости, он же отклонился от курса миль на семьдесят-восемьдесят. По плану полета мы должны держать на север от Страсбурга.

– Так точно, сэр, – у сержанта на все был готов ответ.

– Командир говорил, что не понимает планов полета. – Он улыбнулся, как бы извиняясь. – По правде сказать, сэр, это совершенно безопасный полет. Мы летим вдоль швейцарской границы, потом поворачиваем на юг от Шаффхаузена...

– Но это же территория Швейцарии!

– Ага! В ясную ночь можно видеть огни Цюриха. Говорят, у командира Карпентера там всегда забронирован номер в отеле "Бауэр-о-Лак".

– Что?

– Он говорит, что, если придется выбирать между немецким лагерем для военнопленных и интернированием в Швейцарии, он успеет совершить посадку по нужную сторону границы. А потом мы полетим над швейцарским побережьем озера Констанс, над Ландау, повернем к востоку, поднимемся на высоту восемь тысяч, где чистое небо, а там глазом не успеешь моргнуть – и мы у горы Вайсшпитце.

– Понятно, – без энтузиазма отозвался Смит. – А швейцарцы как – не возражают, что вы тут мелькаете?

– Довольно часто, сэр. Причем их протесты, как правило, не совпадают с нашими полетами. Командир Карпентер считает, что какой-нибудь – злоумышленник из люфтваффе нарочно нас дискредитирует.

– И пока вам это сходит с рук? – спросил было Смит, но сержант уже поднимался к турели и не слышал его.

"Ланкастер" в очередной раз плюхнулся в воздушную яму, Смит схватился за поручень, чтобы удержаться на ногах, а лейтенант Моррис Шэффер из управления стратегических служб США, заместитель Смита, выругался, потому что добрая порция горячего кофе выплеснулась ему на брюки.

– Этого только не хватало, – в сердцах сказал он. – Во мне ни капли боевого духу не осталось. Совсем скис. Уж лучше бы шлепнулись где-нибудь тут в Швейцарии. Представляете – шницель по-венски, яблочный струдель. После двух лет кормежки галетами, яйцами и маргарином – это как раз то, чего пожелала бы мамаша Шэффера для растущего организма своего сыночка.

– Держите карман шире, – мрачно проговорил Каррачولا. Он перевел взгляд на Смита и вперился в него немигающими глазами.

– Дерьмово припахивает это дельце, майор.

– Не понимаю, – спокойно ответил Смит.

– Кладбищем пахнет, вот что. Какова команда подобралась! – Он указал на трех парней, сидевших слева от него.

Это были гладко зачесанный Олаф Кристиансен, Ли Томас, низенький темноволосый валлиец – оба, похоже, забавлялись происходящим, – плюс Торренс-Смиз, аристократического вида мужчина, похожий на какого-нибудь французского графа, а на самом деле кроткий преподаватель из Оксфорда, видно, унесшийся мечтами в родные университетские стены. – Кристиансен, Томас, старина Смизи и ваш покорный слуга. Штафирки, цивильные клерки, чернильные души...

– Я знаю, кто вы такие, – не теряя выдержки, ответил Смит. В неровном гуле моторов легкий сбой в его голосе остался незамеченным.

– Да и сами-то вы хороши, – продолжил Каррачولا. – Майор Королевского шотландского полка! Наверно, надоело тянуть волюнку в Эль-Аламейне, вот вы и навязались нами командовать. Не в обиду будь сказано. Все мы одного поля ягоды. Взять вон лейтенанта Шэффера. На кой он здесь? Ковбой воздушный.

– Терпеть не могу лошадей, – громко объявил Шэффер. – Поэтому удрал из Монтаны.

– А Джордж что здесь забыл? – Каррачولا ткнул большим пальцем в сторону последнего члена команды Джорджа Хэррода, коренастого армейского сержанта-радиста, сидящего с выражением безмятежного покоя на лице. – Бьюсь об заклад, он ни разу в жизни с парашютом не прыгал.

– Скажу вам больше, – вежливо вставил Хэррод, – я впервые

в жизни сел в самолет.

– Он впервые в жизни сел в самолет, – с отчаянием в голосе повторил Каррачола. – Господи, просто похоронная команда какая-то. Нам необходимы профессиональные альпинисты–скалолазы, спасатели, десантники, а мы что имеем? – он медленно покачал головой. – Мы имеем не больше того, что мы имеем. Смит мягко начал:

– Мы – те, кого смог набрать полковник. Что скрывать – он ясно вчера сказал, что будь у него время...

Каррачола ничего не ответил, другие тоже промолчали, но не требовалось быть ясновидящим, чтобы понять, о чем они думали. Каждый мысленно перенесся на несколько часов и несколько сотен миль назад, в кабинет вице-адмирала Ролленда, официального помощника директора морских операций, а на самом деле – начальника британской контрразведки, и его заместителя, полковника Уайет–Тернера, который мрачно и неохотно инструктировал их насчет задания. Похоже, оба они тоже сознавали, насколько безнадежной была предстоящая операция.

– Чертовски извиняюсь и все такое, ребята, но сейчас особенно время – деньги. – Уайет–Тернер, огромный, краснолицый, пышноусый похлопал указкой по настенной карте Германии, найдя на ней точку к северу от австрийской границы, чуть западнее Гарлиш–Партенкирхена. – Наш человек попал сюда в два часа ночи, но эти умники из штаба экспедиционных сил сообщили нам об этом только сегодня в десять утра. Идиоты проклятые! Идиоты, потому что не дали нам сразу же знать, и вдвойне идиоты, что нас не послушали. Черт их подери, научатся они когда-нибудь нас слушать или нет? – Он яростно помотал головой и опять постучал указкой по карте. – Ну, в общем, он вот тут. Шлосс Адлер. Замок Орла. Ей–богу, точное название. Туда только орел и может залететь. А наша задача...

– Но откуда такая уверенность, что он именно здесь, сэр? – перебил его Смит.

– Уверенность обоснованна. "Москито", на котором он летел, совершил вынужденную посадку в десяти милях от этого места. Пилот успел сообщить по радио, прежде чем появился немецкий патруль. – Он замолк, угрюмо усмехнулся и продолжил: – Замок Адлер, майор Смит, – это гнездо штаба немецкой секретной службы и гестапо во всей Южной Германии. Только туда его и везти.

– А как его вообще занесло в те места?

– Такое вот везение. Прошлой ночью мы специально осуществляли массированный рейд на Нюрнберг и рассчитывали, что за целую сотню миль до самой австрийской границы не будет ни одного немецкого истребителя. По–видимому, какой-то шальной заблудившийся "мессершмитт". Но не в этом дело. Дело в том, чтобы его оттуда извлечь, пока он не запел.

– А он запоем, – пробурчал Томас. – Как пить дать. И какого черта они нас не слушают, а, сэр? Мы же за два дня их предупреждали.

– Ну что теперь канючить, – устало отозвался "Уайет–Тернер. – Теперь уже ничего не поправишь. Он, конечно, заговорит, это – факт. Так что надо его оттуда извлечь. Чем вы и займетесь.

После этих слов Торренс–Смиз деликатно откашлялся:

– Но ведь существуют парашютисты–десантники...

– Боязно, Смизи?

– Естественно, сэр.

– Замок Адлер недоступен и неприступен. Чтобы его захватить, нужен целый десантный батальон.

– Конечно, – вставил Кристиансен, – на организацию массированной десантной атаки времени нет...

Судя по энтузиазму, которым кипел Кристиансен, обсуждаемая операция его сильно привлекала. Уайет–Тернер одарил его взглядом ледяных глаз и на реплику не отреагировал.

– Секретность и ловкость – вот залог успеха. – продолжал он как ни в чем не бывало. – В этом, джентльмены, я уверен, вам нет равных. Как и в умении выжить в тылу врага. Тут вам опыта не занимать. Майор Смит, лейтенант Шэффер и сержант Хэррод будут выступать в своем основном профессиональном качестве, они

находятся в замечательной форме. Остальные с... хм... с несколько иными обязанностями...

– Да, все уже давно былшем поросло, сэр. – перебил его Каррачола. – По крайней мере, что касается Смизи, Томаса, Кристиансена и меня. Мы отстали от поезда. Понятия не имеем о современном оружии и технике рукопашного боя. О форме и речи нет. После двух лет сидения за конторским столом меня хватает только на то, чтобы пробежать пятьдесят метров за автобусом.

– Да вы ее моментально восстановите! – холодно парировал Уайет-Тернер. – Кроме того, все вы, не считая майора Смита, прекрасно знаете Западную Европу. Отлично говорите по-немецки. Сами увидите, что ваша боевая подготовка – в той мере, в какой она понадобится, – не хуже чем пять лет назад. У вас репутация исключительно ловких, находчивых и сообразительных людей. Если кто-то и способен выполнить это задание, то только вы. И потом, вы же добровольцы, не так ли?

– Добровольцы, – эхом отозвался Каррачола с непроницаемым видом. Он вопросительно посмотрел на Уайет-Тернера. – Есть, правда, еще один путь, сэр, – он сделал паузу и продолжил спокойно и неторопливо, – путь, стопроцентно гарантирующий успех.

– Ни адмирал Ролленд, ни я не претендуем на безошибочность решений, – медленно произнес Уайет-Тернер. – Мы упустили какую-то возможность? У вас есть радикальное решение?

– Да. Отдайте приказ поднять эскадрилью "Ланкастеров" с тяжелыми фугасками, и тогда в замке Адлер не останется никого, кто смог бы заговорить.

– Вряд ли это лучший выход, – негромко заговорил адмирал Ролленд, оторвавшись наконец от стены, на которой висела карта. Адмирал Ролленд всегда говорил негромко. Обладая такой невероятной властью, нет нужды напрягаться, чтобы тебя услышали. Он был невысок, седовлас, на лице, изборожденном морщинами, лежала печать значительности.

– Нет, – повторил он, – вряд ли это будет лучше. Боюсь, что ваша поразительная безжалостность – результат плохой информированности. Дело в том, что пленный генерал – лейтенант Карнаби – американец. Если мы уничтожим его, генерал Эйзенхауэр наверняка откроет второй фронт против нас, а не против немцев.

Он улыбнулся, чтобы смягчить упрек. – В наших отношениях с союзниками есть свои щекотливые моменты, которые следует учитывать. Вы не согласны?

Каррачола не ответил. Ему, видимо, нечего было сказать. И другим тоже. Полковник Уайет-Тернер прочистил горло.

– Ну, тогда так, джентльмены. В десять вечера на аэродроме. Вопросов нет, я правильно понял?

– Простите, сэр, – не согласился с ним и с горячностью выступил вперед сержант Джордж Хэррод. – Мы хотели бы узнать, в чем, собственно, дело? Что за птица такая, этот пленный? Какого дьявола мы должны рисковать своими головами?

– Довольно, сержант, – голос Уайет-Тернера прозвучал резко и властно. – Вам сообщили все, что необходимо знать...

– Если человека посылают почти на верную смерть, полковник, я думаю, он имеет право знать, за что ему, возможно, придется умирать, – негромко, почти извиняющимся тоном перебил его адмирал Ролленд. – Остальные знают. Хэрроду тоже следует это узнать. Все очень просто, сержант. Генерал Карнаби – координатор акции под названием "Операция "Оверлорд" – по открытию второго фронта. Скажу без преувеличения, ему известно о подготовке второго фронта больше, чем кому-либо еще.

Прошлой ночью он вылетел на встречу с партнерами для координации окончательных планов по высадке в Европе. Встреча должна состояться на Крите – русские соглашались на консультацию только там. У них нет самолета, на котором можно было бы уйти от немецких истребителей. Английский "Москито" способен на это, но вчера ему явно не повезло.

В комнате повисло тяжелое молчание. Хэррод потер ладонью глаза, медленно покачал головой, будто приводя в порядок мысли. Когда он заговорил, в его голосе уже не осталось и следа горячности. Слова медленно падали одно за другим.

– И если генерал заговорит...

– А он обязательно заговорит, – сказал Ролленд. В его тихом голосе звучала твердая уверенность. – Как только что заметил мистер Томас, – любой на его месте заговорил бы. Он потеряет контроль над собой. Мескалин и скополамин сделают свое дело.

– И он выложит им все планы по открытию второго фронта, – Хэррод говорил будто бы во сне. – Когда, где, как... Господи, сэр, мы же так все провалим!

– Точно. Провалим. Никакого второго фронта в этом году не откроется. Значит, еще месяцы войны, еще миллионы бессмысленно загубленных жизней. Теперь, сержант, понимаете огромную важность этого задания?

– Понимаю, сэр. Теперь понимаю, – Хэррод обернулся к Уайет-Тернеру. – Извините, что погорячился, сэр. Нервы, сэр.

– У всех у нас нервы, сержант. Итак, в десять на аэродроме, там проверим снаряжение, – полковник нерадостно улыбнулся.

– Боюсь, форма может совсем не подойти. Склад сегодня, закрылся.

Сержант Хэррод поудобнее устроился в кресле, похлопал замерзшими руками по плечам, угрюмо оглядел обмундирование, висевшее на нем мешком (оно было размера на три больше нужного), и, стараясь перекричать гул моторов, с горечью сказал:

– Да насчет формы он точно заметил.

– Зато соврал насчет всего остального, – хмуро отозвался Каррачола. – Я говорил и говорю, что надо было бомбардировщики послать.

Смит, который все еще стоял у правого борта, зажег сигарету и внимательно оглядел его. Открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал, решив, что ребят сейчас лучше не трогать.

В кабине вольно раскинувшийся в кресле Карпентер по-прежнему предавался чтению, покуривая трубку и прихлебывая кофе. Пилот Тримейн не разделял его безмятежности. Он нес вахту, попеременно взглядывая на панель управления, мутную тьму за лобовым стеклом и расслабленную фигуру старшего офицера, которого, казалось, вот-вот одолеет сон. Вдруг Тримейн резко подался вперед, несколько секунд пристально вглядываясь в пространство, и потом взволнованно обратился к Карпентеру.

– Там, внизу, Шаффхаузен, сэр!

Карпентер страдальчески вздохнул, захлопнул книжку, допил кофе, с новым тяжелым вздохом потянулся, открыл боковое стекло и сделал вид, что изучает тускло мерцающие внизу огоньки. Но высовываться наружу, подставляя лицо пронизывающему ветру, уже не стал.

Закончив эту процедуру, он обратился к Тримейну.

– Видит Бог, – восторженно произнес он, – вы правы, юноша! Что за великая удача – иметь рядом с собой такого надежного человека. Ей-богу, великая удача! –И пока Тримейн ошарашенно глядел на начальника, тот успел передать по внутренней связи:

– Майор Смит, объявляю 30-минутную готовность. –Потом снова повернулся к Тримейну: – Курс юго-восток на Бодензее. И ради Бога, держитесь по швейцарскую сторону границы.

Смит снял наушники и посмотрел на шестерку сидящих перед ним мужчин.

– Ну вот и все. Осталось полчаса. Будем надеяться, там, внизу, теплее, чем здесь.

Ни у кого не нашлось слов, чтобы прокомментировать это сообщение. И никаких других надежд тоже ни у кого не обнаружилось. Парашютисты молча переглянулись и стали неуклюже подниматься на ватных ногах. Потом тоже неуклюже, медленно начали готовиться к выброске. Одеревеневшими пальцами они помогали друг другу разместить под парашютами груз, потом втискивались в лыжные брюки. А сержант Хэррод даже облачился, надев поверх всего, в огромную, не по размеру куртку, с трудом застегнул ее на "молнию" и натянул на голову капюшон. Кто-то хлопнул его по спине. Хэррод оглянулся.

– Крайне неприятно говорить об этом, – неуверенным тоном произнес Шэффер, – но вряд ли ваша рация выдержит удар при приземлении, сержант.

– Почему же? – Хэррод помрачнел. – У других же выдерживала.

– Может быть. Но по моим прикидкам в момент приземления ваша скорость достигнет ста восьмидесяти миль в час. И все из-за того, что, осмелюсь предположить, у вас возникнут трудности с раскрытием парашюта.

Хэррод посмотрел на Шэффера, потом на остальных пятерых товарищей, не надевших куртки, и ткнул себя в грудь.

– Вы хотите сказать, что это следует надеть после приземления?

– Вот именно, – задумчиво проговорил Шэффер, – так наверняка будет лучше.

И он улыбнулся Хэрроду, которому удалось почти искренне улыбнуться в ответ. Даже губы Каррачолы слегка шевельнулись в пародии улыбки. Все почувствовали, как тяжелое напряжение, в котором они пребывали во время полета, разом спало.

– Ну вот, пришла пора мне отрабатывать свое командирское жалование, а вам, юным пилотам, отдыхать и восторженно наблюдать за моими действиями. – Карпентер внимательно посмотрел на часы. – Два пятнадцать. Давайте, Тримейн, меняться местами.

Они расстегнули привязные ремни и переместились из кресла в кресло. На новом месте Карпентер установил спинку и приладил ремень так, чтобы чувствовать себя максимально удобно. Затем надел шлемофон и включил связь.

– Сержант Джонсон? – Карпентер не утруждал себя соблюдением субординационных формальностей. – Проснулись?

Зажатый со всех сторон приборами, штурман сержант Джонсон во время полета ни минуты не вздремнул в своей крохотной и на редкость неудобной нише. Склонившись над радионавигационной панелью, он как раз уточнял курс, выверяя его по карте, компасу, высотомеру и спидометру.

– Я не сплю, сэр.

– Если мы с вашей помощью врежемся в склон Вайсшпитце, – пригрозил Карпентер, – я разжалую вас в механики: в бортмеханики второго класса, Джонсон!

– Не хотелось бы, сэр. Мы будем на месте через Девять минут.

– Впервые в жизни о чем-то договорились. – Карпентер отключил связь, открыл лобовое стекло и выглянул наружу. Слабый свет луны помогал мало: видимость была почти нулевая. В мутно-мглистом пространстве мелькали только редкие снежинки. Карпентер стряхнул с пышных усов снег, закрыл окно, с сожалением посмотрел на потухшую трубку и аккуратно положил ее в карман.

Действие с трубкой послужило Тримейну последним сигналом, означавшим, что командир закончил подготовительные мероприятия.

– Хреново, сэр? – уныло спросил он. – Я имею в виду – определить, где тут эта самая Вайсшпитце?

– Хреново? – Голос Карпентера звучал почти весело.

– Хреново? Отчего бы это? Такая большая гора! Не промахнемся. Никак не промахнемся, малыш.

– В том-то и дело, что гора. – Тримейн многозначительно помолчал. – Плато, на которое мы должны сбросить этих людей, – всего три сотни метров шириной. Сверху горы, сбоку обрыв. И еще эти, как их, адиабатические ветры, которые дуют, куда хотят. Подует чуток на юг – врежемся в скалу, чуток на север – они ухнут в пропасть... Триста метров!

– А вы чего хотели бы? – строго спросил Карпентер.

– Чтобы вас тут аэропорт Хитроу ожидал? Триста метров! Да это мечта пилота! Мы сажали эту старую керосинку на посадочную полосу в одну десятую этого замечательного плато.

– Да, сэр. Взлетно-посадочная полоса с огнями – штука хорошая. Но на высоте больше двух сотен метров прицельно сбросить людей на такую плешку...

Тримейна прервал сигнал внутренней связи. Карпентер

включился на прием.

– Джонсон?

– Да, сэр. – Джонсон склонился над навигационной панелью, следя за белым пятнышком справа от центра.

– Цель поймал, сэр. Там, где и ожидал. – Он перевел взгляд с экрана на стрелку компаса. – Курс ноль–девять–три, сэр.

– Молодец. – Карпентер улыбнулся Тримейну, внес поправку к курсу и принялся что-то насвистывать себе под нос. – Глянь–ка из окошка, сынок. А то у меня от этой сырости усы обвисли.

Тримейн открыл окно, высунулся, насколько мог, но не увидел ничего, кроме серой мглы. Сев на место, он молча помотал головой.

– Не падай духом, куда эта плешка не денется, – спокойноотреагировал Карпентер.

– Сержант, – обратился он по внутренней связи, – готовность пять минут.

– Всем пристегнуться! – передал сержант–стрелок приказ семерке, выстроившейся в цепочку вдоль борта. – Готовность пять минут.

Они молча пристегнули карабины своих парашютов к протянутому тросу, стрелок внимательно проверил каждое сцепление. Крайним к выходному люку стоял сержант Хэррод, которому предстояло первому прыгать. Следующим – лейтенант Шэффер, самый опытный в группе парашютист, ему было поручено подстраховать Хэррода. Дальше – Каррачولا, потом Смит – как старший в команде он предпочитал держаться посередке, – за ним Кристиансен, Томас и Торренс–Смиз. За Смизи стояли наготове двое механиков, которые должны были скинуть вслед за последним парашютистом снаряжение. Сержант–стрелок занял свое место у люка. Опять в воздухе почувствовалось напряжение.

В кабине за стеной фюзеляжа, где замерла цепочка парашютистов, Карпентер в пятый раз за последние несколько минут открыл боковое окно. Обвисшие усы утратили свою великолепную пышность, но командир, видно, решил, что в данный момент есть кое–что поважнее мужественной внешности. На этот раз он надел защитные очки, стекла которых приходилось то и дело очищать от снега мягкой замшей, но все равно ничего не было видно, кроме возникающего из глухой тьмы и исчезающего в ней же снега. Он закрыл окно.

Раздался сигнал внутренней связи. Карпентер включил прием, выслушал сообщение и кивнул.

– Готовность три минуты, – сказал он Тримейну. – Курс ноль–девять–два.

Тримейн произвел соответствующую корректировку. Он уже не смотрел ни на пульт управления, ни на боковую панель, целиком сосредоточившись на трех объектах: компас, высотомер, Карпентер. Возьми он сейчас всего на один градус южнее, чем нужно, и "Ланкастер" врежется в склон горы; если он снизит высоту на какой–нибудь десяток метров, произойдет то же самое; если пропустит вовремя поданный Карпентером сигнал, операция закончится прежде, чем начнется. Его юное лицо застыло, тело окаменело, и он вел "Ланкастер" с точностью, какой еще никогда не достигал в управлении. Только глаза выдавали напряжение: машинально они перебегали с одного объекта на другой: компас, высотомер, Карпентер – компас, высотомер, Карпентер, нигде не задерживаясь дольше секунды.

Карпентер в очередной раз открыл окно и выглянул наружу. Он опять ничего не увидел, кроме серой мутной мглы. Продолжая всматриваться, он поднял левую руку и сделал движение ладонью вверх. В тот же миг рука Тримейна двинула ручку скорости. Грохот двигателей перешел в мерный гул. Карпентер как ни в чем не бывало уселся на место, продолжая тихонько насвистывать. Он спокойно, даже беззаботно посмотрел на приборную доску, потом, обернувшись к Тримейну, как бы между прочим, спросил:

– Вы там, в летной школе, слышали что–нибудь про такую странную штуку, как критическая скорость полета?

Тримейн торопливо бросил взгляд на приборную доску и тут же увеличил скорость. Карпентер улыбнулся, взглянул на часы и

дважды нажал кнопку связи.

Над головой сержанта–стрелка, стоящего у выходного люка, зазвенел звонок. Он посмотрел на застывшие в напряженном ожидании лица готовых к прыжку людей и кивнул.

– Осталось две минуты, джентльмены.

Он попробовал приоткрыть дверцу, чтобы убедиться, что ее не заклинит в нужный момент. В отсек сразу ворвался рев двигателей, а с ним свистящий порыв ледяного ветра. Парашютисты обменялись взглядами, в которых прочитывалось беспокойство, не укрывшееся от сержанта, и он сказал, прикрыв дверцу:

– Да, джентльмены, в такую погоду и собаку за порог не выгонишь.

Командир Карпентер, опять высунувшийся из окна, вполне разделял это мнение. Пять секунд на этом арктическом холоде под снежным обстрелом – и лицо покрывается ледяной коркой, пятнадцать секунд – и кожа теряет чувствительность, которая с адской болью возвращается, когда снова окажешься в относительно тепле кабины. Но Карпентеру пришлось терпеть, чтобы углядеть Вайсшпитце. Он прилежно тер замшей защитные очки и терпеливо, немигающим взглядом всматривался в серую мглу, надеясь увидеть цель раньше, чем самолет врежется в гору.

А глаза Тримейна двигались все по тому же маршруту: компас, высотомер, Карпентер – компас, высотомер, Карпентер. Правда, теперь Тримейн чуть дольше задерживал взгляд на Карпентере, ожидая сигнала. Левая рука Карпентера была в постоянном движении, но это не был ожидаемый сигнал: он просто барабанил по колену.

Прошло десять секунд. Пять. Еще пять. Тримейн чувствовал, как в этой ледяной коробке лицо его заливает горячий пот. В душу вползал страх, тот панический страх, от которого теряешь голову, страх, которого он не испытывал никогда в жизни. Даже не знал, что такое бывает. И тут он каким-то шестым чувством ощутил, как что-то переломилось: Карпентер прекратил барабанить по колену.

Он поймал цель. Точнее он ее почувствовал, угадал, где именно гора должна быть. А потом постепенно, едва ощутимо она стала приобретать зримые, а не воображаемые очертания, материализоваться из небытия. И вдруг, совсем неожиданно, ясно мелькнула гладкая поверхность почти вертикального склона горы и тут же пропала, нырнула во тьму. Карпентер удобно уселся в кресло, оставив окно открытым, и нажал кнопку связи.

– Сержант Джонсон? – Слова звучали глухо и неровно – не оттого, что командир волновался; просто его оледеневшие губы с трудом их выговаривали.

– Сэр? – Даже в этом лаконичном отзыве, искаженном передатчиком, слышалось достаточно тревоги.

– Мне больше нравится обращаться к вам по должности, а не по званию – штурман, – уточнил Карпентер.

– Сэр?

– Расслабьтесь. Я вижу гору. Можете спать дальше. Он отключил связь и нажал другую кнопку, у себя над головой. Над люком в отсеке фюзеляжа зажегся красный свет.

Сержант–стрелок взялся за ручку дверцы.

– Минуту, джентльмены. – Он рванул дверцу на себя, поставил на зажим. – Когда зажжется зеленый...

Он не закончил – отчасти потому, что его и так поняли, отчасти, чтобы не напрягаться зря, потому что слов почти не было слышно в реве моторов и свисте ветра.

Все молчали – все равно голосов было не услышать. Парашютисты просто обменялись взглядами, которые говорили красноречивее слов: если тут, в кабине, творится черт знает что. каково же будет в воздухе? По сигналу сержанта они цепочкой двинулись к выходному люку.

Первым шел Хэррод, с лицом мученика–христианина, идущего ко рву со львом. Своим первым и последним львом. "Ланкастер", похожий на гигантского черного птеродактиля, несясь вдоль гладкого обледеневшего бока Вайсшпитце, почти касаясь его крылом. Тримейну, заглянувшему в открытое со стороны Карпентера окно, казалось, что крыло самолета буквально царапает

поверхность горы. Он по-прежнему чувствовал, как пот стекает у него по лицу, а губы пересохли. Украдкой – так, чтобы Карпентер не заметил, облизал их, но это не помогло, они остались сухими.

А вот у Хэррода, на которого обрушился снежный шквал, губы не пересохли. Во всем остальном его мысли и чувства были очень близки тем, что теснились в голове и груди Тримейна. Он стоял перед открытым люком, упираясь руками в борт фюзеляжа, чтобы удержаться на ногах. И под натиском ветра его лицо сохраняло выражение полной невозмутимости. Он смотрел вперед, как будто гипнотизируя глазами пространство, где крыло бомбардировщика, казалось, вот-вот заденет склон горы.

Над дверцей все еще горел красный свет. Сержант-стрелок ободряюще похлопал Хэррода по плечу. Тот не сразу очнулся от своего гипнотического состояния и, отступив на полшага внутрь отсека, отвел руку сержанта.

– Не толкайся, приятель! – Ему пришлось кричать, чтобы быть услышанным. – Если мне суждено покончить жизнь самоубийством, позволь сделать это по старинке, своими руками.

– И он занял прежнюю позицию.

В эту самую секунду Карпентер еще раз взглянул в боковое окно и подал сигнал, которого ждал Тримейн, – легкий жест левой рукой. Тримейн тотчас накренил бомбардировщик и сразу же его выпрямил.

Склон горы медленно удалялся. Самолет лег на курс, выбранный Карпентером, и шел вдоль узкого плато. Командир в последний раз высунулся в окно и левой Рукой медленно – невыносимо медленно, как показалось Тримейну, – нащупал кнопку над боковым окошком, немного подождал и нажал ее.

Сержант Хэррод, задрав голову вверх, увидел, как красный свет сменился зеленым, вобрал голову в плечи, зажмурился и, конвульсивно дернув руками, бросился в снежную мглу.

Причем не так, как полагается. Вместо того, чтобы прыгнуть, он просто сделал шаг вперед – и его при раскрытии парашюта все еще крутило в воздухе. Следующим прыгал Шэффер – он выполнил это образцово, чистенько, прижав ступни и колени.

Потом вниз пошли Каррачола и Смит.

Смит взглянул вниз и сжал губы. Едва различимый в серой мгле, Хэррод болтался, как шут на проволоке. Стропы парашюта переплелись, и чем отчаяннее сержант пытался их расправить, тем больше они запутывались. Радииста уносило влево. Смит наблюдал за его быстро исчезающей из виду фигурой и молил Бога, чтобы он не угодил в пропасть. Слава Богу, с другими все было в порядке. Кристиансен, Томас и Смит расположились в небе рядом. чуть ли не касаясь друг друга. Вполне нормально спускались.

Еще до того, как последний из парашютистов, Торренс-Смиз, выпрыгнул из самолета, сержант-стрелок кинулся в хвост самолета. Он быстро подбежал к ящику для багажа, стащил с него брезент, и извлек оттуда скрючившуюся фигурку. Это была маленькая девушка с огромными темными глазами и тонкими чертами лица, закутанная в кучу всякого тряпья, под которым оказался непромокаемый костюм. За плечами – парашют. Она совсем закоченела, и едва могла двигаться. Но у сержанта были на ее счет свои инструкции.

– Скорее, мисс Эллисон: – Он обнял ее за талию и подтолкнул в сторону люка. – Нельзя терять ни секунды.

Он почти протащил ее вдоль фюзеляжа, мимо механика, который готовился выпихнуть вниз второй парашют с поклажей. Мэри Эллисон полуобернулась к нему, словно желая что-то сказать, но вместо этого рванулась к люку и выпрыгнула во тьму.

Контейнер со снаряжением последовал за ней.

Некоторое время сержант смотрел во тьму. Потом потер ладонью подбородок, недоверчиво покачал головой, отступил вглубь отсека и потянул на себя тяжелую дверцу люка. "Ланкастер" нырнул в снежную мглу. Спустя несколько секунд гул его моторов растаял в ночном небе.

Глава 2

Смит подогнул колени, свел вместе ступни и так, сгруппировавшись, ушел ногами в глубокий снег. Ветер неистово рвал шелк парашюта. Он быстро собрал его, скрутил и закопал в снег, примял для верности тяжелым тюком, который снял со спины.

Здесь, на твердой поверхности, пусть и на высоте больше двух тысяч метров снегопад был не таким сильным, как метель наверху, но видимость оказалась ничуть не лучше, потому что резкий ветер поднимал сухой снег и крутил его в воздухе. Смит оглянулся вокруг, но никого и ничего не увидел.

Замерзшими, неслушающимися руками он с трудом достал из кармана фонарь и свисток. Повернувшись поочередно на восток и на запад, он свистнул и осветил фонарем. Первым на сигнал явился Томас, затем Шэффер, через две минуты подошли остальные.

Все, кроме сержанта Хэррода.

– Складывайте парашюты сюда и притаптывайте, – приказал Смит. – Зарывайте их поглубже. Хэррода на земле кто-нибудь видел?

Все молча покачали головами.

– Последний раз я его заметил, когда он в воздухе пронесся мне наперерез, как эскадренный миноносец в бушующем море, – сказал Шэффер.

– Да, я помню, – кивнул Смит. – У него стропы перепутались.

– Было дело. Но, по-моему, ему ничего не грозило, он находился почти у самой земли, – добавил Шэффер.

– Где он мог приземлиться, по-вашему?

– Да тут где-нибудь. Не волнуйтесь, майор. Что с ним могло случиться! Ну, коленку вывихнул, шишку набил.

– Зажгите фонари, – оборвал его Смит. – Рассредоточьтесь, надо найти его.

Группа цепью пошла на поиск, светя перед собой фонарями.

Смит явно не разделял оптимизма Шэффера.

Он был сосредоточен и угрюм.

Вскоре его позвал Каррачола. Он стоял на краю голого утеса, с которого ветром смело весь снег, и светил фонарем прямо перед собой. В снежной постели, полузанесенный белым покрывалом, лежал распростертый на спине сержант Хэррод с открытыми глазами. Похоже они уже не чувствовали, как их засыпает снег.

Смит опустился на колени, подсунул руку под плечи Хэррода и приподнял тело. Голова сержанта свалилась набок, как у тряпичной куклы. Смит опять опустил его на снег и попробовал нащупать пульс на шейной артерии.

– Мертв? – спросил Каррачола.

– Да. Шею сломал. – Лицо Смита было непроницаемым. – Должно быть, запутался в стропях и неудачно приземлился. – Бывает, – сказал Шэффер. – Я слышал про такое. –И, помедлив, добавил: – Я возьму рацию, сэр?

Смит кивнул. Шэффер стал на колени и принялся нащупывать пряжку ремня, на котором держалась рация. Смит остановил его:

– Нет, не там. Ключ у него на шее, а застежка – на груди.

Сняв рацию, Шэффер поднялся, держа ее в руках, и взглянул на Смита.

– Поздно, наверное, спохватились. Такое падение, должно быть, и передатчик повредило.

Смит молча взял рацию, поставил на землю, вытащил антенну. Замигал красный глазок передатчика, показывая, что все в порядке. Смит включил приемник, повернул ручку настройки, послышалась музыка. Он выключил рацию и отдал Шэфферу.

– Ей больше повезло, чем сержанту Хэрроду, – коротко сказал он. – Пошли.

– Надо бы его закопать, – предложил Каррачола.

– Нет надобности. – Смит покачал головой и жестом показал на падающий снег. – Через час его покроет снег. Давайте лучше поищем снаряжение.

- Только Бога ради не выпустите веревку, – возбужденно сказал Ли Томас.
- Беда с вами, кельтами, – успокаивающе отозвался Шэффер.
- Никому у вас веры нет. Чего зря волну гнать! Ваша жизнь в надежных руках Шэффера и Кристиансена. Не робейте. Мы вас не отпустим до последней минуты. Рухнем, если что, все вместе.
- Томас в последний раз опасливо заглянул в чернеющую перед ним бездну и потихоньку начал спуск. Склон плато, на котором они высадились, был почти вертикальным. Черная отвесная поверхность поблескивала льдом. Обследовав ее с помощью фонаря, Томас убедился, что зацепиться здесь решительно не за что.
- Когда его подняли, он с досадой пнул ботинком лыжи, торчащие из кучи снаряжения.
- Они тут очень кстати, – угрюмо прокомментировал он. – Ну прямо в самый раз, кататься с этих гор.
- Что, так круто? – спросил Смит.
- Чистая вертикаль. Гладкая, как стекло. И дна не видно.
- Как по-вашему, майор, какая тут глубина?
- Кто знает, – пожал плечами Смит. – Мы сейчас на высоте две тысячи метров. Карты на такой высоте детальных описаний не дают. Проверим веревкой.
- Трехсотметровый моток нейлоновой веревки находился в холщовом мешке – так, как ее упаковали на фабрике. Она была чуть толще обыкновенной бельевой веревки, но проволоочный стержень делал ее необычайно прочной, и каждый ее метр был тщательно проверен на разрыв. Смит привязал к одному концу скальный молоток и начал спускать его вниз. Несколько раз молоток задевал о невидимые преграды, и каждый раз майор освобождал его. Наконец напряжение веревки ослабло.
- Все. – Смит отошел от края. – Видимо, это дно.
- А если она не дошла до конца? – спросил Кристиансен. – Может, зацепилась за какой-нибудь чертов выступ где-нибудь на полпути?
- Я дам вам знать, – коротко ответил Смит.
- Вы мерили? – спросил Каррачолла. – Какая глубина?
- Шестьдесят метров.
- И еще остался кусок веревки, – усмехнулся Томас. – чтобы связать гарнизон замка Адлер. Никто не засмеялся в ответ на шутку. Смит сказал:
- Мне нужен крюк и два переговорных устройства.
- Метрах в четырех от края пропасти они расчистили снег и вбили крюк в скалу. Смит сделал двойную петлю, просунул в нее ноги, пропустил веревку под свой поясной ремень и повесил на шею передатчик. Трое из шестерки приготовились страховать его. Шэффер стоял рядом, со вторым переговорным аппаратом в руках.
- Смит тщательно проверил, не повредит ли острая кромка скалы веревку в том месте, где она свешивалась в пропасть, и подал сигнал к спуску. Сам по себе спуск был делом нехитрым. Как и говорил Томас – падай себе и следи только, чтобы лицо об отвесную скалу не ободрать. И к лучшему, подумал майор, что в темноте не видишь, куда летишь.
- При приземлении его ноги почти на треть метра ушли в снег. Но под снежной подушкой была твердая почва. Смит зажег фонарь и обвел им вокруг себя. Это было ровное, полого спускающееся вниз плато. Он снял с себя веревочную петлю и передал по связи:
- Порядок. Начинайте спуск. Сначала снаряжение, потом сами.
- Веревка уползла вверх. Через пять минут два тюка со снаряжением уже лежали на плато. Потом появился Кристиансен.
- Так, наверное, и моя бабка спустилась бы. – весело сказал он.
- Прогуляйтесь с фонарем, посмотрите, где лучше сойти в долину, да глядите, ради Бога, не свалитесь. – приказал Смит. Кристиансен ухмыльнулся и отправился на рекогносцировку. Похоже, хорошее настроение никогда его не покидало, он умел наслаждаться жизнью. Постепенно спустились и остальные. Наверху остался только Шэффер. Оттуда раздался его грустный голос.
- А мне–то как? Сами съехали, а мне замерзшими руками

веревку перебирать? Надо было раньше думать!

– Кто-то и подумал, – терпеливо ответил Смит. Проверьте, хорошо ли веревка держится на крюке, и скиньте ее всю сюда вниз.

– Понял! – удовлетворенно заметил Шэффер. Не успели спустить его, как вернулся Кристиансен.

– Не так плохо, – доложил он. – Тут шагах в пятидесяти к востоку обрыв. Я не стал проверять, насколько он высокий и крутой, к вашему сведению, я женатый человек. Но пологий склон с западной стороны, кажется, довольно приличный. Там деревья растут.

– Деревья? На такой высоте?

– Ну, конечно, не мачтовый лес. Карликовые сосны. Однако спрятаться в них можно.

– Действительно, неплохо, – согласился Смит. – Там и розобьем лагерь.

– Так скоро? – с недоверием переспросил Шэффер. – Может, спустимся пока, насколько успеем, майор?

– Нет необходимости. Если даже мы начнем спуск с первым лучом, то когда рассветет, этот лесок останется далеко позади.

– Шэффер прав, – раздумчиво проговорил Каррачола. – Лучше начнем двигаться прямо сейчас. Ты как считаешь, Олаф? – обратился он к Кристиансену.

– Мнение Кристиансена не имеет значения, – спокойно, но ледяным тоном сказал Смит. – Как и ваше, Каррачола. Это вам не семинар, а военная операция. Приказы не обсуждаются. Нравится вам или нет, но адмирал Ролленд назначил командиром меня. Я принял решение, и мы останемся здесь. Постарайтесь усвоить это.

Все пятеро выразительно переглянулись и взялись за снаряжение. Вопросов больше не было.

– Сразу ставим палатки, босс? – спросил Шэффер.

– Да.

В словаре Шэффера, подумалось Смит, "босс" звучало более уважительно, чем "майор" или "сэр".

– Потом горячая еда, кофе и попробуем связаться по радио с Лондоном. Стащите эту веревку, Кристиансен. Не будем подвергать испытанию нервы наблюдателей из замка Адлер.

Кристиансен кивнул и начал стягивать веревку. Но когда ее свободный конец повис в воздухе, Смит неожиданно громко крикнул, прыжком бросился к Кристиансену и схватил его за руку.

Кристиансен в недоумении перестал тянуть и оглянулся.

– Господи, – Смит провел тыльной стороной ладони по лбу.

– Это же надо! Едва успел!

– Да в чем дело? – спросил Шэффер.

– Вы двое. Поднимите меня. Живо! Пока эта чертова веревка не исчезла.

Двое мужчин подняли его вверх Смит схватился за парящий конец веревки, подтянул его к земле и надежно связал с другим концом.

– Теперь, может быть, вы нам объясните... – вежливо начал Торренс-Смиз.

– Шифровальная книжка, – Смит вздохнул. – Список частот, позывные и шифр – все это осталось у Хэррода.

– Не возражаете, если я отправлюсь за ней, босс? – спросил Шэффер.

– Или хотите, я поднимусь? – вызвался и Кристиансен.

– Спасибо. Но это моя промашка, и исправлять ее мне. К тому же я единственный среди вас, кто занимался скалолазанием. Как вы понимаете, подъем будет посложнее спуска. Ну ладно. Время терпит. Давайте сначала поставим палатки и поужинаем.

– Если не исправитесь, Смиз. – сказал Шэффер, – уволью. Даю неделю сроку. – Он поскреб ложкой дно миски и передернул плечами – Мое строгое христианское воспитание не позволяет сказать вслух, что я думаю о вашей стряпне. – При чем тут я, – обиделся Торренс-Смиз. – Они нам впихнули какие-то подозрительные банки. – Он помешал в котелке на плитке сомнительного вида гуляш и с надеждой оглядел сидящих

полукругом в скудно освещенной палатке мужчин. – Добавки никто не желает?

– Дурацкая шутка, – сурово ответил Шэффер.

– Вы еще не пробовали его кофе, – посоветовал ему Смит, – вот тогда пожалеете, что были таким привередливым с гуляшом. – Он поднялся и высунул голову из палатки. – Надеюсь, я управлюсь за час. Если Хэррода еще не совсем занесло.

Все сразу посерьезнели. Если сержанта замело, Смигу долго его не разыскать.

– Ну и чертова погода, – сказал Шэффер. – Я пойду с вами.

– Спасибо. Не надо. Я сам поднимусь и спущусь. Веревка, конечно, не подъемник, но одному с ней легче управиться. А вам тоже дам дело. – Он вышел из палатки и быстро вернулся с рацией, которую поставил перед Шэффером. – Не за тем я отправляюсь наверх за этой шифровальной книжкой, чтобы какой-нибудь безрукий идиот сломал эту игрушку. Берегите ее как зеницу ока, лейтенант.

– Есть, сэр, – серьезно ответил Шэффер.

Смит, засунув за пояс пару крюков и молоток, привязался к веревке двойной петлей, ухватился за свободный конец и начал подъем. Он сильно преувеличивал свою подготовку – она была самая начальная. Ну, впрочем, что тут особенного, тяжелая физическая работа, не более того. Ему пришлось, держа ноги почти под прямым углом, шагать по вертикальному склону. Устав до изнеможения, он дважды отдыхал, повиснув на веревке, дожидаясь пока утихнет боль в плечах и руках, и когда наконец, истекая потом, с трудом перевалился через край отвеса, силы почти оставили его. Он явно недооценил коварное воздействие высоты на непривыкший организм.

Несколько минут он пролежал лицом вниз, пока пульс и дыхание не пришли в относительную норму – хотя какая норма может быть на такой высоте! Потом поднялся и проверил, как держится крюк, за который привязана веревка. Он держался на вид крепко, но для верности Смит несколько раз ударил по нему молотком.

Отойдя на несколько шагов от края пропасти, он расчистил снег и легонько вбил один из крюков, которые принес с собой. Проверил, насколько легко он может вывалиться. Затем стукнул по нему еще молотком и пропустил через него конец веревки, который крепко держал первый крюк. И пошел прочь по склону, насвистывая "Лорелею". Мелодия, как он прекрасно понимал, была далека от безупречности, но вполне узнаваема. Из тьмы возникла фигура и бегом бросилась к нему, спотыкаясь и увязая в глубоком снегу. Это была Мэри Эллисон. Она остановилась в двух шагах от него, положив руки на бедра.

– Ну! – Ему было слышно, как стучат от холода ее зубы. – Не больно ты торопишься!

– Не медлил ни минуты, – извиняющимся тоном ответил Смит.

– Только съел горяченького и выпил кофею.

– Ты, ты, чудовище, эгоист несчастный! – Она сделала быстрый шаг ему навстречу и обняла за шею. – Ненавижу.

– Знаю. – Он снял перчатки и нежно дотронулся до ее щеки.

– Ты замерзла совсем.

– Надо же – замерзла! Конечно, замерзла. Я чуть не очурилась в этом самолете. Почему ты не сунул мне туда грелку или костюм с электроподогревом, или еще что-нибудь эдакое? Я-то думала, что ты меня любишь!

– Я не могу запретить тебе так думать, – мягко сказал он, поглаживая ее по спине. – Где твоё снаряжение?

– Тут недалеко. И, пожалуйста, прекрати меня оглаживать, как лошадь.

– Ну и слог у тебя! Ладно, давай соберем твоё барахло. Они пошли, утопая в глубоком снегу. Мэри крепко держала его руку. Помолчав, она с любопытством спросила:

– А какой ты придумал предлог, чтобы вернуться сюда? Запонку потерял?

– Да мне в самом деле надо было кое за чем вернуться. Я целый спектакль разыграл – в самую последнюю минуту. Насчет шифровальной книжки в кителе сержанта Хэррода.

- Он что, потерял ее? Выронил? - Она от удивления остановилась. - Это же опасно...
- Не выронил. Она у него в кителе, - мрачно ответил Смит.
- Он тут, наверху. Мертвый.
- Мертвый? - Она замерла, потом схватила его за руки. И повторила: - Он мертв. Этот милый человек. Я слышала, как он сказал, что ни разу в жизни не прыгал с парашютом. Неудачно приземлился?
- Похоже, что так.
- Они молча подобрали ее вещи, и Смит понес их к краю обрыва. Мэри спросила:
- А что же теперь? Где книжка?
- погоди минутку. Надо понаблюдать за веревкой.
- Зачем?
- Надо.
- Ладно, можешь не говорить, я ведь всего лишь несмышленная девчонка. А ты знаешь, что делаешь.
- Хорошо бы так.

Они молча постояли, сосредоточенно глядя на веревку, как будто здесь, на высоте две тысячи метров, в этой веревке таился какой-то скрытый смысл. Смит дважды попытался зажечь сигарету, но снег тут же гасил ее. Шли минуты: три, может быть, четыре, им казалось, что прошло тридцать или сорок. Он чувствовал, как стоящая рядом девушка сильно дрожит - он понял, что она изо всех сил стискивает зубы, чтобы они не стучали, и постарался защитить ее от ветра. Он и сам заколечел. Смит уже собрался уходить, когда веревка сильно дернулась и второй вбитый им крюк вырвало из гнезда. Смит проверил натяжение - веревка была натянута как струна, но первый крюк держался крепко.

- Что за черт, - начала было Мэри, но тут же осеклась, бессознательно перейдя на шепот.
- Замечательно, - пробурчал Смит. - Кто-то меня крепко не любит...
- Если бы эта штука не выдержала, мы не смогли бы спуститься. - Голос девушки дрожал уже не от холода. - Спрыгнули бы, - успокоил ее Смит. Он взял ее за руку, и они двинулись вперед. Снег опять усилился, свет фонаря мало помогал, но не прошло и двух минут, как они нашли тело сержанта Хэррода, бесформенно громоздившееся под белым покровом. Смит снял с него снежный саван, расстегнул китель, достал висевшую на цепочке шифровальную книжку, повесил цепочку себе на шею, а книжку положил во внутренний карман своей альпийской формы.
- Теперь надо было перевернуть Хэррода. Задача не из приятных - к этому Смит был готов, но он не ожидал, что это дело может оказаться почти невыполнимым. Труп буквально вмерз в ледяную могилу. Второй раз за эту ночь майор почувствовал, как горячий пот, растапливая снег, струится по его лицу. Ему все же удалось перевернуть труп. Окоченевшая рука Хэррода теперь торчала вверх, к небу, откуда шел снег. Смит стал на колени, поднес ближе фонарь и тщательно осмотрел затылок сержанта.
- Что ты делаешь? - спросила Мэри. - Что ищешь? - Она опять перешла на шепот.

- Шея сломана. Хочу выяснить, каким образом он ее сломал.
- Он взглянул на девушку. - А тебе незачем смотреть.
- Не волнуйся. - Она отвернулась. - Не собираюсь. Одежда на трупе обледенела. Капюшон треснул в руках Смита, обнажив голову и шею. Но майор наконец обнаружил то, что искал - красную отметину на шее. Кожа была разорвана. Он поднялся, взял труп за ноги и оттащил немного вниз по склону.
- А теперь что? - Мэри, сама того не желая, снова смотрела на Смита с ужасом. - Теперь-то что ищешь?
- Камень, - коротко ответил Смит. В его голосе слышалось ледяное раздражение, и хотя Мэри понимала, что оно направлено не против нее, она остерегалась от дальнейших расспросов.
- Смит расчистил снег вокруг головы Хэррода. Внимательно огляделся, медленно поднялся, взял Мэри за руку и повел прочь. Через несколько шагов он остановился, вернулся назад и опять перевернул труп так, чтобы рука не торчала. Пройдя

половину пути до обрыва, Смит внезапно сказал:

– Кто-то ударил Хэррода сзади в шею. Я думал, – что, может быть, он ударился о выступ скалы или камень. Но там везде гладко.

– Поблизости есть огромный выступ.

– Но нельзя же сломать голову о камень и побежать, чтобы упасть на ровном месте. Его кто-то ударил тяжелым металлическим предметом – рукояткой пистолета или ножа. Кожа повреждена, но синяка нет, потому что шея была сломана уже потом. Когда он был без сознания. Чтобы мы подумали, будто это несчастный случай. Это, должно быть, произошло на скале, и, по-видимому, когда он стоял на ногах. Удар в шею, потом перелом, и уже тогда его столкнули с выступа. Да, хитрая это штука, камень, – горько заметил Смит. – Никаких следов. Мэри остановилась и пристально посмотрела на него.

– Ты понимаешь, что говоришь? – Она поймала его взгляд, взяла его за руки и быстро заговорила вновь. – Прости, конечно, ты все понимаешь. Джон, мне страшно. Даже все эти месяцы в Италии я так не боялась, как теперь. – Она замолчала и продолжила: – А нельзя это все как-нибудь иначе объяснить?

– Ну, разве что он сам себя ударил или пострадал от руки снежного человека.

Она посмотрела на него долгим взглядом, глаза ее казались огромными на осунувшемся лице.

– Я этого не заслужила, Джон. Ты меня пугаешь.

– Я сам испуган.

– Не верю.

– Если нет, то теперь, черт побери, самая пора испугаться. В десятке метров от подножья скалы Смит приостановил спуск. Он дважды обмотал левую ногу веревкой, проделал то же самое с левой рукой, зубами стащил правую перчатку, сунул ее за пазуху, вытащил "люгер", снял с предохранителя и начал спускаться дальше, притормаживая левой рукой. Следовало ожидать, что тот, кто пытался стянуть вниз веревку, дождется, пока Смит спустится вниз. Внизу, однако, его никто не поджидал. Во всяком случае, в том месте, где он спускался. Он описал круг фонарем, но никого и ничего не обнаружил, а следы, если они и были, давно запорошил снег. С пистолетом в одной руке и с фонарем в другой он прошел вдоль склона шагов тридцать вперед, потом назад. Тот, кто пытался стянуть веревку, будто растворился. Смит подергал веревку. Через минуту он принял вещмешок Мэри, а потом и ее саму. Она стащила с себя двойную петлю, Смит развязал узел, стянул веревку и свернул. Чтобы проделать эту операцию, его заочневшим рукам понадобилось минут пятнадцать.

Неся на одном плече веревку, на другом вещмешок, майор проводил Мэри до расщелины в боковой части склона.

– Палатку не ставь, – предупредил Смит. – Разверни ее, положи спальный мешок на одну ее половину, заберись в него и палаткой же накройся сверху. Через полчаса тебя засыплет снег. Под ним ты согреешься, и он скроет тебя от любителей ночных прогулок. Я вернусь на рассвете.

Он пошел прочь, потом остановился, обернулся. Мэри по-прежнему стояла там, где он ее оставил и смотрела вслед. Она не опустила плечи, не состроила жалобной гримаски, и все же в ее одинокой фигурке была пронзительная беззащитность. Смит секунду поколебался, затем решительно повернулся, подошел к ней, расстелил на снегу палатку и спальник, дождался пока она залезла внутрь, застегнул "молнию" и до подбородка укрыл ее краем палатки. Она улыбнулась ему. Он подвернул под нее свободный край палатки и, не сказав ни слова, ушел.

Найти лагерь оказалось просто – в окошке палатки горел свет. Смит сбил с себя снег, нагнулся и вошел. Кристиансен, Томас и Каррачола то ли спали, то ли делали вид, что спят.

Торренс-Смиз возился со своими взрывателями, детонаторами и прочей мурой, а Шэффер читал книжку в мягкой обложке – на немецком языке, курил сигарету – тоже немецкую – и присматривал за рацией. Он отложил книгу и посмотрел на Смита.

– Ну как – порядок?

– Порядок. – Смит достал из кителя шифровальную книжку. –
Прошу простить, что задержался, думал, не найду его. Здорово
там наверху метет.

– Мы дежурируем по очереди. По полчаса, – сказал Шэффер. –
Светать начнет через три часа.

– А кого вы тут опасаетесь? – улыбнулся Смит.
– Снежного человека.

Улыбка исчезла с губ Смита так же неожиданно, как и
появилась. Он взял шифровальную книжку и долго всматривался в
пометки, запоминая позывные, частоты и прочее, а потом кодируя
сообщение. За это время Шэффер покинул пост и залез а спальник,
а его место занял Торренс-Смиз. Смит сложил бумажку, на
которой записал закодированное сообщение, сунул в карман,
поднялся, взял рацию и резиновый кожаный чехол, чтобы защитить ее от
снега.

– Пойду пройдуся, – сказал он Торренс-Смизу. – Тут
деревья мешают приему. Да и людей будить не хочется. Я скоро.
Отойдя от палатки шагов на двести (дважды он менял
направление), Смит стал на колени, прикрыв рацию. Вытянул
телескопическую антенну и включил передатчик. Но только когда
он отбил позывные в пятый раз, ему ответили. Видно, не
очень-то ждали его сигнала.

– Говорит Дэнни Бой, – прокаркал кто-то. Сигнал был
слабый, пропадающий, но различимый. – На связи Дэнни Бой.
Прием.

Смит проговорил в микрофон:

– Это Бродсворд. Могу я поговорить с папой Макри или
матушкой Макри? Прием.

– Извините. Нельзя. Прием.

– Шифровка, – ответил Смит. – Прием.

– К приему готов.

Смит вытащил из кармана бумажку и поднес ее к фонарю. На
ней были нацарапаны две строчки – бессмысленный набор букв, а
под ними – перевод; "Приземлились нормально, Хэррод мертв,
погода отличная, ждите сообщений в восемь". Смит зачитал
шифровку и добавил: "Передайте это папе Макри до семи.
Обязательно".

Торренс-Смиз удивленно взглянул на Смита.

– Уже вернулись? Все в порядке?

– Не пробиться, – огорченно ответил Смит. – Горы мешают.

– Может, надо было понастойчивее попытаться?

– Три минуты пытался. Дольше опасно.

– Видно, пеленгаторы рядом? – удивил его вопросом
Торренс-Смиз.

– Да уж видно, так, – саркастически ответил Смит. – Где
нам было знать, что в замке Адлер окажутся пеленгаторы.

– Да уж, где нам, – устало улыбнулся Торренс-Смиз. –
Помнится, кто-то говорил, что в замке находится южная
квартира штаба немецкой секретной службы. Извините, майор. Дело
не в том, что я старею, хотя, конечно, и в этом тоже. Но у меня
мозги совсем задубели от холода и недосыпа.

Смит стащил ботинки и маскировочный костюм, забрался в
спальный мешок и поставил рядом с собой рацию.

– Значит, надо соснуть. Мне не нужен взрывник, который не
сможет отличить детонатор от дверного звонка. Валяйте.

Отключайтесь. Я подежурю.

– Но мы договорились по очереди...

– Разговорчики. – оборвал его Смит. – Не соблюдаете
субординацию. – Он улыбнулся. – Не сомневайтесь, Смиз, у
меня сна ни в одном глазу. Мне все равно сегодня не уснуть.

Первое – явная ложь, подумал Смит, а второе – несомненная
истина. У него не то что сна не было ни в одном глазу – он был
предельно измотан, и дай он себе волю хоть на миг, сон тут же
его свалит. Но то, что спать он нынче не будет, это точно;
никакой силой нельзя было заставить его сомкнуть глаза.

Однако посвящать в эти тонкости Торренс-Смиза не стоило.

Глава 3

В небе разлилась предрассветная серая мгла. После скудного завтрака – если он вообще заслуживал такого названия – Смит и его люди упаковали палатку и спальные мешки. Все делалось молча: обстановка не располагала к разговорам. Смит заметил, что после трех часов отдыха они выглядели более изможденными, чем раньше. Интересно, подумал он, как же он сам – то смотрится, вообще не соснув ни минуты. Хорошо, что в списке их снаряжения зеркала не предусматривались. Он взглянул на часы.

– Через десять минут отчаливаем, – объявил он. – До солнца нужно успеть скрыться в перелеске. Сейчас я отлучусь ненадолго. Видимость улучшается, пройду, погляжу, нет ли спуска поудобнее. Может, повезет.

– А если не повезет? – съехидничал Каррачола.

– На этот случай у нас в распоряжении триста метров нейлоновой веревки, – ответил Смит.

Он натянул свой маскировочный костюм и направился в сторону утеса. Убедившись, что его не видно за рощицей карликовых сосен, майор сменил направление и бегом бросился вверх.

Мэри Эллисон, услышав скрип шагов по снегу, выглянула одним глазом из-под угла засыпанной снегом палатки. При звуках первых тактов "Лорелеи" она растегнула спальный мешок и села. Возле нее стоял Смит.

– Неужели пора?

– Да, пора. Пошли.

– Я даже глаз не успела сомкнуть.

– Я тоже. Все следил за этой чертовой рацией. И за тем, как бы какой-нибудь любитель ночных прогулок не выбрал маршрут в эту сторону.

– Ты из-за меня не спал?

– Не спал и все. Мы уже снялись. Выступаем через пять минут. Оставь палатку и спальник здесь, они тебе больше не понадобятся. Возьми еды, немного воды. И ради Бога, держись от нас подальше. – Он посмотрел на часы. – Ровно в семь мы остановимся. Сверим часы. Ровно в семь. Смотри, не наткнись на нас.

– За кого ты меня принимаешь? Смит не стал объяснять, за кого он ее принимает. Он уже спешил к группе. Ниже по склону горы деревья были по-настоящему большими. Рассветало.

Склон Вайшпитце оказался очень крутым. Смит шел первым, за ним цепочкой пятеро остальных. Они все время скользили и падали; слава Богу, думал Смит, что снег смягчает удары. Утренний туман был им на руку – во всяком случае, до тех пор, пока они не достигли деревьев, в цепочке не умолкали проклятья из уст спотыкающихся и падающих, но звучали они несерьезно – опасности не было, все шло своим чередом и к тому же они наконец почувствовали себя совсем спокойно, укрывшись за густой сосновой порослью.

Мэри Эллисон следовала за ними на расстоянии двухсот метров. Мэри не так часто приходилось падать, потому что ей в отличие от них не мешала тяжелая выкладка. Она не боялась, что ее заметят или что она нечаянно чересчур близко подойдет к ним: в горах. в безветренном морозном воздухе звук голосов раздавался очень ясно: по нему можно было довольно точно судить о расстоянии, которое отделяло ее от группы. Она опять посмотрела на часы: было без двадцати семь.

Смит поглядывал на циферблат еще чаще. Ровно в семь майор остановился и поднял руку, дожидаясь, пока подойдут все пятеро.

– Мы, должно быть, прошли полпути. – Он стряхнул с себя тяжелую выкладку и аккуратно положил на снег. – Надо разобраться в обстановке.

Сняв с себя снаряжение, они направились вправо. Не прошло и минуты, как лес начал редеть, и по сигналу Смита все упали на четвереньки и дальше поползли по-пластунски. В руках Смита

была подозрная труба, у Кристиансена и Томаса – цейсовские бинокли. Адмирал Ролленд предусмотрел буквально все.

Картина, открывшаяся их глазам, была сказочно прекрасной. Они словно оказались в невиданной стране, в мире грез, в том дивном краю, куда не доводилось ступать человеку с тех пор, как он впервые поднял руку на брата своего. И эта чудная, небывалая страна, лежавшая перед ними, эта золотая мечта – приют самой злодейской на свете организации – немецкого гестапо. Это немыслимое сочетание не укладывалось в голову. Долина напоминала чашу, открытую ветрам с севера, а с востока и запада окруженную горами. На юге возвышалась громада Вайсшпитце.

Невообразимо прекрасная картина. Вайсшпитце, грозная вершина, вторая по величине гора Германии. Ее блистающая в лучах утреннего солнца белизна, ее четкий безупречный силуэт рельефно выделялись на фоне безоблачной сини небес. Высоко, у самой вершины можно было разглядеть чернеющий выступ скалы, откуда нынешней ночью спустились Смит и его спутники. А прямо перед ними, почти на той же высоте, где они сейчас залегли, высился Замок Орла – Шлосс Адлер. Название эта крепость получила поистине точное: недоступное орлиное гнездо, разместившееся в горной выси. Замок был построен там, где склоны Вайсшпитце плавно переходили в долину, на высокой вулканической подушке. С севера, запада и востока его окружали скальные обрывы. С этих сторон он был неприступен, а с юга к нему вела узкая перемычка.

Замок казался воплощением средневековой сказки. Фантастической сказки золотого века. Но то была чистая иллюзия. Его возвели в середине XIX века, по прихоти баварского монарха, страдавшего множеством недостатков, из которых не последнее место занимала мания величия. Но даже враги не могли бы обвинить его в отсутствии вкуса. Замок – крепость идеально вписывался в долину, а долина будто специально была создана для того, чтобы в ней разместилось это чудо.

Шлосс Адлер был построен в форме квадрата. В восточной и западной части его украшали две круглые башни (восточная была выше). Две башни поменьше, но столь же великолепные, красовались на южной стороне и смотрели на громаду Вайсшпитце. С того места, где лежал сейчас Смит, была видна внутренняя часть двора, вход в который надежно защищали массивные чугунные ворота. Солнце еще поднялось недостаточно высоко, чтобы осветить весь замок, но тем не менее его неправдоподобно белые стены сверкали будто мраморные. Внизу, под стенами каменного вала, лежало в долине Голубое озеро, окруженное соснами, глубокое и сияющее синевой, которое вместе с зеленью деревьев, белизной снега и яркой голубизной неба пленяло взор своей прелестью. Эта невиданная красота, подумалось Смицу, настолько совершенна, что, увидев ее на открытке, никто не поверил бы, что она существует на самом деле.

С того места, где они сейчас лежали, можно было видеть, что полоса сосен тянется до самого озера. Добраться до него незамеченными, стало быть, труда не составит. Почти такая же лесная полоса была и на противоположной – восточной – стороне долины. Две широкие зеленые ленты, поднимаясь с озера вверх к югу, чуть ли не встречались у вершины одного из отрогов Вайсшпитце.

На высоком берегу озера расположилась небольшая деревенька. Она вся состояла из единственной широкой улицы, длиной метров в двести, железнодорожной станции, двух церквушек и кучи разбросанных на значительном расстоянии друг от друга домиков. Дорога, начинающаяся у южной границы деревеньки, вилась "через долину, доходя до скалы, на которой стоял замок. Тут она становилась узкой петляющей тропинкой, подводящей прямо к огромным воротам заднего двора. Но тропу занесло снегом, и попасть в замок можно было только по канатной дороге. Два троса тянулись из деревеньки прямо в крепость. Они держались на трех опорах. Как раз сейчас вагончик фуникулера одолевал последнюю часть пути по направлению к замку. Казалось, что подъем идет

почти вертикально.

На берегу озера, примерно в миле от деревни, виднелись геометрически точно поставленные бараки, явно напоминающие армейские казармы.

– Черт меня разрази, – Шэффер с трудом заставил себя оторваться от этого пейзажа. – Неужто это настоящее, босс?

Вопрос не требовал ответа. Шэффер выразил общие чувства, и тут ни прибавить, ни убавить. Лежа в снегу, они наблюдали, как, медленно дергаясь на подвеске, вагончик проходит последние метры на пути к замку. Казалось, ему никогда их не одолеть. Но вот вагончик исчез из виду под крышей верхней станции канатной дороги, встроенной в западное подножье крепости. Напряжение спало, и Шэффер откашлялся.

– Босс, – сказал он спокойным тоном, – у меня тут назрела пара вопросов. Так сказать, требующих разъяснения. Ну, например, за неимением лучшего объяснения я бы решил, что там, на озере, – казармы.

– Совершенно точно. Казармы и есть. И не просто казармы. Это тренировочная база егерских батальонов альпийских стрелков вермахта.

– Черт, альпийские стрелки! Знай я об этом, никогда бы не согласился на подобную прогулку. Почему никто не сказал об этом самому дорогому и любимому сыночку мамы Шэффер?

– Я думал вы знаете, – мягко сказал Смит. – И понимаете, почему мы в форме альпийских стрелков. Состав учебных батальонов постоянно меняется. Что такое шесть новых лиц среди шестисот новых лиц? Думаю, не столь уж и много. Ну, а второй вопрос?

– А, да. Второй. Это насчет самого Шлосс Адлера. Мы вроде бы позабыли взять с собой самолет. Как же туда заберемся?

– Вопрос интересный, – согласился Смит. – Надо подумать. Но вот что я вам скажу. Если полковник Уайет–Тернер смог проникнуть в штаб немецкого верховного командования и, что особенно важно, выбраться оттуда целым и невредимым, то Шлосс Адлер в сравнении с этим – прогулка.

– А что, он правда туда просочился? – переспросил Шэффер.

– А вы не знали?

– Откуда? – раздраженно ответил Шэффер. – Я вчера только вообще о нем услышал.

– С сорокового по сорок третий год он провел в Германии. Служил в вермахте, потом в штабе верховного главнокомандующего в Берлине. Говорят, лично знаком с Гитлером.

– Ну надо же. – Шэффер надолго замолчал и наконец вынес заключение: – Да, парень, видно, тертый.

– Пожалуй. Но если ему такое удалось, то и нам удастся.

Придумаем что-нибудь. Давай-ка отползем поглубже в лесок.

Они вернулись в укрытие, оставив впереди Кристиансена с подозрительной трубой. После того, как был разбит бивуак, сварен и выпит кофе, Смит объявил, что хочет еще раз попробовать связаться с Лондоном. Он достал рацию и уселся на рюкзаке в нескольких метрах от всей компании, расположившись так, чтобы переключатель рации не был виден. Затем включил передатчик и начал выстукивать позывные, одновременно другой рукой повернув переключатель в нерабочее положение. Трудился так долго, но наконец сдался и огорченно покачал головой.

– В этом лесу вам ни за что не установить связи, – заметил Торренс–Смиз.

– Должно быть, так, – согласился с ним Смит. – Попробую на опушке. Может, там повезет. Он закинул передатчик на плечо и напрямик зашагал по глубокому снегу. Решив, что удалился на достаточное расстояние, быстро оглянулся. Лагерь скрылся из виду. Майор повернул под прямым углом влево и заторопился вверх по отрогу туда, где еще осталась проложенная ими тропа. Когда он тихонько засвистел "Лорелею", из своего укрытия за упавшей сосной появилась Мэри.

– Привет, дорогой, – радостно сказала она.

– Что за нежности, – в тон ей ответил он. – Сейчас восемь часов. Папа Макри ждет. Говори потише.

Он сел на лежащую сосну, повернул ручку и почти тут же

установил связь. Сообщение из Лондона доносилось едва слышно, но четче, чем прежде.

– Папа Макри ждет, – прокаркал голос издалека. – Оставайтесь на связи.

Смит услышал голос адмирала Ролленда, который не мог спутать ни с чьим другим.

– Докладывайте обстановку, Бродсворд. Смит сверился с бумажкой, на которой шифром и обычными словами было записано:

"Лес–запад–замок–спуск–сегодня вечером". Смит зачитал текст в шифровальном варианте. Последовала пауза, Ролленд, видимо, расшифровывал донесение. Потом послышался его голос.

– Понял. Приступайте. Хэррод погиб случайно?

– Нет. Убит. Прием.

– Врагом? Прием.

– Нет. Каков прогноз погоды? Прием.

– Ухудшается. Ветер умеренный до сильного. Снег. Прием.

Смит взглянул на безоблачное небо. Он решил, что Ролленд что-то перепутал.

– Время следующего сеанса определить трудно. Прием.

– Остаюсь в штабе до окончания операции, – ответил Ролленд. – Удачи. До свидания. Смит выключил радио и задумчиво

сказал Мэри:

– Он как-то неуверенно проговорил эти слова – "до свидания".

В штабе военно-морских операции Уайтхолла адмирал Ролленд и полковник Уайет-Тернер мрачно смотрели друг на друга, стоя по обеим сторонам радиопередатчика.

– Итак, бедняга был убит, – без выражения проговорил Уайет-Тернер.

– Дорогая цена за подтверждение нашей правоты, – грустно добавил Ролленд. – Правильно вы сказали –бедняга. В тот момент, когда он получил в руки передатчик, мы подписали ему смертный приговор. Интересно, кто будет следующим. Смит?

– Нет, не Смит, – Уайет-Тернер уверенно покачал головой.

– Есть люди, обладающие шестым чувством. А у Смита есть шестое, седьмое, восьмое и девятое – он настоящая радарная установка, нацеленная на предупреждение опасности. Я убежден, что Смит уцелеет при любых обстоятельствах. Я не случайно выбрал его. Он наш лучший европейский агент.

– После вас самого. Но не забывайте, полковник, что могут возникнуть обстоятельства, которые даже вы не смогли предусмотреть.

– Это верно. – Уайет-Тернер взглянул Ролленду прямо в лицо. – Как вы думаете, сэр, каковы его шансы?

– Шансы? – Ролленд ответил долгим невидящим взглядом. – Какие еще шансы? Шансов никаких.

Примерно то же самое думал и Смит, зажигая сигарету и глядя на стоящую рядом девушку. Ему не хотелось, чтобы она разгадала его мысли. Только увидев перед собой Шлосс Адлер, он с полной ясностью осознал невозможность выполнения поставленной перед ними задачи. Знай он заранее, какова в действительности обстановка, он бы сильно призадумался: соглашаться ли на участие в этой операции? Тем не менее он взялся. И надо было действовать.

– Ты уже взглянула на этот замок? – спросил он Мэри.

– Фантастика. Только как выгнать оттуда генерала Карнаби?

– Очень просто. Прогуляемся туда вечером и заберем его с собой.

Мэри недоверчиво посмотрела на него, ожидая разъяснений.

Их не последовало. Тогда она переспросила:

– И все?

– И все.

– Просто, как все гениальное. Ты, небось, долго думал. – И, поскольку он упорно молчал, она продолжила, не без сарказма: – Войти, конечно, не проблема. Подойти к парадному входу, и позвонить.

- Вроде того. Дверь или окно откроется, я улыбнусь, скажу тебе "спасибо" и войду.
- Что?
- Улыбнусь, скажу тебе "спасибо". Война – не причина отказываться от хороших манер...
- Бога ради! – возбужденно воскликнула она. – Если не хочешь говорить серьезно...
- Нет, именно ты откроешь мне дверь, и я войду, – терпеливо пояснил Смит.
- Ты в своем уме?
- В Германии серьезно относятся к подбору кадров. Шлосс Адлер не исключение. Ты, – то, что им нужно. Молодая, сообразительная, симпатичная, сумеешь готовить, убирать, пришивать пуговицы полковнику Крамеру.
- Какому еще Крамеру? – в голосе прозвучало то же замешательство, что было написано у нее на лице.
- Заместителю начальника германской секретной службы.
- Ты сошел с ума, – убежденно произнесла Мэри.
- Еще бы, иначе я не связался бы в эту бодягу. – Он посмотрел на часы. – Я тут задержался, боюсь, как бы не вызвать подозрений. Мы выступаем в пять. Ровно в пять. Внизу в деревне есть кабачок к востоку от главной улицы. Называется "Дикий олень". Смотри не ошибись. Во дворе сарай, там хранят пиво. Он всегда на замке, но сегодня в нем будет торчать ключ. Встретимся там ровно в восемь.
- Она повернулся, чтобы идти, но она схватила его за руку.
- Откуда тебе известно? – требовательно спросила она. – Про кабачок и склад, и ключ, и про полковника Крамера, и...
- Тихо-тихо, – Смит покачал головой и приложил палец к ее губам. – Руководство для разведчиков, золотое правило номер один.
- Она отвернулась и опустила глаза на снег. Голос ее прозвучал глухо и горько:
- "Никогда никому ничего не говори сверх необходимого". – Она молча взглянула на него снизу вверх. – Даже мне?
- Вот именно, малышка, – он легонько потрепал ее по щеке.
- Не опаздывай.
- Смит двинулся вниз по склону, а она с застывшим лицом смотрела ему вслед.
- Лейтенант Шэффер лежал, зарывшись в снег за сосной, и смотрел в подзорную трубу. Услышав за спиной скрип снега, он приподнялся и увидел ползущего к нему Смита.
- Подать сигнал нельзя было? – недовольно спросил Шэффер.
- Извини, ребята говорят, вы хотите мне что-то показать.
- Да, – Шэффер протянул Смицу трубу. – Сюда взгляните. По-моему, это интересно. Возьмите пониже.
- Смит увидел покрытое снегом подножие горы, двух солдат с карабинами, держащих на поводках четырех собак.
- Так, – задумчиво пробормотал Смит. – Понятно.
- Это доберман-пинчеры, босс.
- Факт, что не той-терьеры, – согласился Смит. Он перевел трубу чуть повыше. – Еще и прожекторы.
- Он опустил трубу, поймав в нее патрулирующих солдат с собаками, и на этот раз заметил высокое. заграждение из колючей проволоки, оцеплявшее замок.
- И еще эта проволока.
- Проволока, – рассудительно ответил Шэффер, – создана для того, чтобы ее перекусывать или чтобы через нее перелезть.
- Попробуйте, приятель, ее перекусить или перелезть и поджаритесь, как котлетка. Напряжение две тысячи триста вольт. Как на самых качественных электрических стульях.
- Шэффер покачал головой.
- Подумать только, на какие расходы идут люди, чтобы обеспечить себе уединение.
- Итак, проволока, прожекторы и доберманы, – подвел итог Смит. – Неужели эта нехитрая комбинация остановит нас, лейтенант?
- Конечно, нет. Остановит? Ни в коем случае, – сказал Шэффер и, помолчав, не сдержался: – Черт побери. как все–

таким вы предполагаете...

– Решим, когда время подойдет, – ответил Смит.

– Хотите сказать, подумаете и сами решите, – с упреком сказал Шэффер. – Не бойтесь все брать на себя?

– Мне еще рановато помирать.

– А мне? – зашелся опять Шэффер. – Какого черта меня сюда забросили? Это, между прочим, совсем не моя война, майор.

– Я тоже не рад, что попал сюда, – честно ответил Смит.

Шэффер приготовился одарить его недоверчивым взглядом, но вдруг замер, задрвав вверх голову. Где-то в небе зажужжал вертолет. Они оба услышали его одновременно. Он летел с севера над озером и направлялся прямо на них. Это была тяжелая военная машина, и даже с такой дистанции на ее борту ясно была видна свастика. Шэффер начал было отползать в гущу деревьев.

– Шэффер, на выход, – скомандовал он сам себе. – За тобой гонятся ищейки.

– Вряд ли, – ответил Смит. – Оставайтесь на месте и накиньте на голову маску.

Они оба надели на головы шапки, так что чернели только глаза да труба Смита. На расстоянии тридцати метров они были невидимы, даже сверху.

Вертолет летел над долиной, по-прежнему держа курс точно на тот пятачок, где прятались Смит и Шэффер. Когда расстояние между ними сократилось до нескольких сотен метров, Смит почувствовал себя не в своей тарелке: неужели им так не повезло, что враг узнал об их вылазке или заподозрил о ней? Может быть, в замке слышали ночью гул моторов "Ланкастера", и какой-нибудь умный и достаточно бдительный тип – а их наверняка в Шлосс Адлере полно – догадался о причинах появления бомбардировщика в этом уединенном уголке Германии. Может, ребята из Альпийского корпуса как раз сейчас прочесывают лес, а он, Смит, оказался таким наивным, что даже не выставил часового... Внезапно, почти приблизившись к ним, вертолет резко повернул влево, спланировал на двор замка, завис на несколько секунд и медленно опустился. Смит незаметным жестом вытер лоб и принял к окуляру трубы. Из вертолета по лестнице спустился какой-то мужчина. Судя по мундиру, из старших офицеров. Да нет, пожалуй, это был очень высокий чин. Смит с многозначительным лицом передал трубу Шэфферу:

– Взгляните-ка.

Шэффер впился глазами в трубу и опустил ее только тогда, когда наблюдаемый вошел в двери замка.

– Что, ваш приятель, босс?

– Да, я его знаю. Это рейхсмаршал Юлиус Роземейер. Генштаб вермахта.

– Первый раз в жизни вижу рейхсмаршала, и при мне нет моей снайперской винтовки, – пожаловался Шэффер. – Интересно, что тут понадобилось его превосходительству.

– То же, что и нам, – коротко ответил Смит.

– Генерал Карнаби?

– Если речь идет о допросе координатора союзников по вопросам второго фронта, капрала не пошлют.

– А не замысливают ли они вывезти отсюда старину Карнаби? – забеспокоился Шэффер.

– Это у них не выгорит. Гестапо своих пленников не уступит. Вермахт у гестапо по струнке ходит.

– Приказания будут?

– Будут. Двигайте отсюда к ребятам, Шэффер. У них там кофе остался на плитке. Через час пусть меня кто-нибудь сменит.

Как ни сомневался Смит, но прогноз погоды, переданный адмиралом Роллендом, сбывался. Погода действительно стала ухудшаться. К полудню солнце скрылось за серой пеленой облаков, и с востока подул резкий ветер. Вскоре повалил снег, сначала редкий, потом все гуще и гуще, а по мере того как усиливался ветер, ужесточался и мороз. Похоже, ночь будет не из приятных, подумал Смит. Но именно такая ночь с нулевой видимостью и ненастьем, когда не хочется высовывать нос за дверь, и была им нужна. При ясной луне проникнуть в замок оказалось бы

трудновато. Смит взглянул на часы.

– Пора идти. – Он неуклюже поднялся и похлопал себя по груди, чтобы восстановить кровообращение. – Будьте добры, позовите Томаса.

Рюкзаки и тюки быстро сложили и закинули за плечи. Явился Томас, который вел наблюдение. Он выглядел далеко не таким бодрым, как обычно, и не от того только, что последний час он провел на пронизывающем ветру.

– Эта идиотская рация так и не заработала? – спросил он Смита.

– Безнадежно. Шесть раз пытался – все зря. А что?

– Это я хотел спросить: а что? – с горечью ответил Томас.

– Жаль, не удалось убедить адмирала выбросить сюда десант. Только что прибыл еще один учебный батальон.

– Что ж, очень хорошо, – спокойно ответил Смит. – Старики решат, что мы новички, а новички подумают, что мы тут давно ошиваемся.

Томас задумчиво посмотрел на Смита.

– Очень-очень хитро, – и, поколебавшись, предложил: – А может, рассеемся, пока не поздно.

– В каком смысле?

– Да ладно, сами знаете, в каком, – встрял Каррачола. – Речь идет о наших жизнях. Какого черта лезть на рожон? Что мы забыли в этой долбаной деревне? И как вы рассчитываете извлечь из замка Карнаби? Если нам следует совершить самоубийство, объясните, с какой стати. Сделайте милость. Вы должны.

– Ничего я вам не должен, – без выражения ответил Смит. – И ничего не буду объяснять. Что вам положено, узнаете. В свое время.

– Вы, Смит, – ясно выговорил Торренс–Смиз, – дьявол с железными нервами.

– Это я уже слышал, – равнодушно отозвался Смит.

Железнодорожная станция возле деревни была крохотной двухколейкой с тупиком–депо. Как все такие тупички, она казалась довольно неприглядной, отличалась примитивным аскетизмом архитектуры и свойственным таким местам печальным духом безнадежного ожидания. Этот дух разрухи и запустения проник всюду. А в эту безлюдную ночь, под яростным ветром и снежной метелью в тусклом свете качающихся фонарей станция казалась призрачным местом, забытым Богом и людьми. И это было очень кстати.

Смит провел своих людей через пути под навес станционного здания. Они прошли мимо закрытого книжного киоска, багажного отделения, кассы предварительной продажи билетов и остановились.

Смит поставил рацию, сбросил с плеч рюкзак, скинул маскировочный костюм и вразвалку пошел вдоль путей – экономные баварцы не предусмотрели тут перрона как излишнюю роскошь. Он остановился у двери с надписью "Камера хранения", попробовал открыть. Она была заперта. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он вытащил из кармана связку отмычек и через несколько секунд открыл дверь. Майор тихонько свистнул, и в мгновение ока к нему подбежала вся группа. На ходу снимая с себя снаряжение, они зашли вовнутрь. Шэффер, замыкающий цепочку, приостановился и прочитал надпись над входом.

– Ну, надо же, – покачал он головой. – Камера хранения!

– Чем плохо? – рассудительно заметил Смит.

Он пропустил Шэффера вперед, прикрыл дверь и запер ее. Прикрутив фонарь так, что он давал узкий луч света шириной в палец, – он провел группу вдоль багажных полок в дальний конец помещения, к окну. Это было самое обычное подъемное окно, но он осмотрел его очень внимательно, стараясь при этом, чтобы свет от фонаря не проник наружу. Особенно тщательно обследовал он оконный переплет и, вытащив нож, отжал боковую планку, под которой обнаружился сплетенный двойной шнур. Он обрезал провод, поставил на место боковую планку и проверил нижнюю. Она легко подалась.

– Любопытное зрелище, – заметил Шэффер. – И чего все это ради?

- Не всегда удобно пользоваться входной дверью. А иногда, войдя в дверь, удобнее уйти через окно.
- Вот что значит юность, растроченная на распутство и кражи со взломом, - сказал Шэффер с укором. - Как вы догадались о сигнализации?
- Даже на самой маленькой станции в багажном отделении хранятся кое-какие ценности, - терпеливо объяснил Смит. - Но не каждая из них располагает средствами, чтобы держать круглосуточную охрану. Часто сторож, кассир, контролер, носильщик и начальник станции выступают в одном лице. Так что багажное отделение просто запирают. Однако что толку запирают дверь, если грабитель может влезть в окно. Поэтому окно забирают решеткой или снабжают сигнализацией. Раз решетки нет и планка ходит туда-сюда, ясно, что установлена сигнализация.
- Это для вас ясно, - хмуро сказал Каррачولا. - Вся эта фигня с отмычками и сигнализацией. Вы говорили, что служили в Шотландском королевском полку?
- Точно.
- Странную вам там дают подготовку. Очень даже странную.
- Вы хотите сказать - всестороннюю, - беззлобно ответил Смит. - А сейчас давайте-ка пойдем выпьем чего-нибудь.
- Это дело, - оживился Каррачولا. - Пива, к примеру. Выпью свою кружку одним духом, а то начнешь смаковать, наверняка допить не успеешь. К тому же, глядишь, больше и шанса не будет.
- Хорошее пиво надо пить с умом, - тоном знатока сказал Смит.

Он подождал, пока вышел последний из группы, запер дверь и догнал своих на выходе из здания вокзала. Теперь они шли налегке, без снаряжения. Все были одеты в форму егерского батальона, Смит - в майорскую, Шэффер - лейтенантскую, остальные - в сержантскую. Нельзя сказать, чтобы мундиры были безупречно подобраны, точно так же, как и сама команда. Но на деревенской улице или в переполненном кабаке поздним вечером вряд ли кто обратит на них внимание. Смит во всяком случае на это крепко надеялся.

Они шли по самой обыкновенной улице типичной высокогорной альпийской деревушки. Дома, тянувшиеся по обеим сторонам, солидные бревенчатые строения, видно, уже много лет достойно выдерживали натиск суровых зим и готовы были и дальше столь же надежно служить своим хозяевам. Почти все они были выстроены в виде деревянных шале с серыми навесами и балконами по всему фасаду. Некоторые, более современные, были украшены затейливыми чугунными решетками.

Фонари не горели, но затемнение тоже не соблюдалось. Из незанавешенных окон на дорогу падал свет. Где-то в южном конце улицы сквозь снежную пыль ярко светили огни, будто парящие в небе. Смит невольно остановился, завороченный этим невиданным созвездием. Его спутники тоже. Эти огни Шлосс Адлера, орлиной крепости, казались невероятно далекими, недостижимыми, как лунные кратеры. Мужчины долго в молчании смотрели на них, потом переглянулись и, не сговариваясь, двинулись дальше. Громко скрипели на морозе их ботинки, в вечернем воздухе плыл пар их замерзающего дыхания.

Главная - и единственная улица была безлюдной. Вполне естественно, что в такую ночь, как эта, жизнь на открытом воздухе замирает. Зато в домах она кипела: из окон доносились взрывы смеха, пение, гул голосов. Колонна запаркованных грузовиков свидетельствовала о том, чьи это были смех и песни. Для проходящих военную подготовку на Голубом озере альпийских стрелков на много миль вокруг был только один центр развлечений. Деревенские погребки были набиты егерями вермахта, армейской элитой. Шэффер уныло сказал:

- Что-то мне расхотелось пить, босс.
- Ерунда, - подбодрил его Смит. - Естественное смущение перед встречей с незнакомыми людьми. - Он остановился у дверей кабака под названием "Три короля". - Вот, кажется, нечто подходящее - подождите-ка меня.

Он поднялся по ступенькам, открыл дверь и заглянул

внутри. Оставшиеся внизу переглядывались, вовсе не спеша следовать за ним. Австрийская рвущая за душу музыка, ностальгически напомнившая об ушедших и более счастливых временах, текла из открытой двери. Она не произвела на них впечатления. Сейчас им было не до музыки. Смит покачал головой, затворил дверь и присоединился к ожидавшим его товарищам.

– Полным-полно народу. Плунуть негде, – он кивнул через дорогу в сторону другого погребка, маленького низенького домишка, срубленного из толстых дубовых бревен, сильно пострадавшего от времени. – Посмотрим, что там предложат. Но и здесь ничего не смогли предложить. С жестом сожаления, но тем не менее твердо Смит закрыл и эту дверь.

– Все забито, – объявил он. – И не тот класс для офицеров и младшего командного состава вермахта. Но вот там еще что-то, похоже, приличное виднеется, а?

Упорное молчание указывало на то, что остальные пятеро не разделяют этих надежд, тем более, что следующий кабачок выглядел ничем не лучше двух предыдущих заведений. Он назывался "Дикий олень". Над вывеской красовался покрытый снегом вырезанный из дерева олень.

Смит поднялся по ступенькам и открыл дверь. Навстречу ему вырвался оглушительный шум оркестра. Смит почти физически ощутил удар по барабанным перепонкам. По сравнению с этой какофонией гул, который доносился из дверей двух других заведений, казался церковной тишиной. Под аккомпанемент расстроенных аккордеонов целый полк гремел "Лили Марлен". Смит взглянул на своих, кивнул и вошел в дверь.

Кристиансен, проходя вслед за другими, взял Шэффера за руку и ошарашенно спросил:

– Он что, дурака валяет? Называется – нашел тихое местечко, мало народу.

– Их тут, как сельдей в бочке, – признал Шэффер.

Глава 4

Может быть, сельдь в бочку набивают и поплотнее, но в "Диком олене" тоже яблоку было некуда упасть. Смит еще не доводилось видеть такой тесноты. Тут было не меньше четырех сотен человек. С удобством разместить такую прорву народа можно было бы разве что в помещении величиной со средних размеров вокзал, но никак не в деревенском кабачке. Хотя он был и не маленький. Зато очень ветхий.

Пол из сосновых досок заметно подгнил, стены покосились, а массивные закопченные потолочные балки, казалось, вот-вот рухнут. В центре зала стояла громадная черная печь, которую топили дровами с такой щедростью, что железная крышка раскалилась докрана. Прямо из-под нее торчали двухдюймовые трубы, тянувшиеся вдоль стен – примитивный, но очень эффективный вариант центрального отопления. Зал был уставлен темными дубовыми скамьями с высокими спинками, так что он как бы разделялся на отсеки.

Там же разместилось десятка два столов с резными деревянными столешницами толщиной дюйма в три. Стулья были им под стать. Заднюю стену занимал массивный дубовый бар с кофеваркой. За ним виднелась дверь, которая, очевидно, вела на кухню. Скудное освещение обеспечивалось подвешенными к потолку закопченными масляными лампами.

Смит переключил внимание с интерьера на гостей. Как и следовало ожидать, клиентура состояла из обитателей казарм, расположившихся поблизости. В одном углу сидели несколько местных жителей, мужчин со спокойными, худыми, обветренными лицами типичных горцев. Почти все они были одеты в затейливо вышитые кожаные куртки и тирольские шляпы. Они мало разговаривали и тихо пили, как и еще одна группка цивилизованных граждан (их было около дюжины), явно не местного вида, которые

тянули шнапс из маленьких стаканчиков. Но 90 процентов посетителей были солдатами немецкого Альпийского корпуса. Кто-то из них стоял, кто-то сидел, но все с воодушевлением орали "Лили Марлен". В припадке романтической ностальгии в такт они размахивали литровыми пивными кружками, и количество пива, пролитого на мундиры товарищей и просто на пол, сравнимо было со средних размеров ливнем.

За стойкой бара возвышался хозяин-гигант за сотню килограммов весом с круглым, как луна, лицом. Под его началом несколько девушек проворно наполняли кружки, заставляя ими подносы. Еще несколько бегали по залу, подавая полные и собирая пустые кружки. Одна из них остановила на себе взгляд Смита.

И неудивительно. Удивительно было бы если кто-нибудь из присутствующих не обратил на нее внимания. Но такого не случилось. Будь у нее другое личико, не такое простодушное, она наверняка стала бы победительницей конкурса на звание "Мисс Европа". Пусть даже она не была безупречно красива, а всего лишь мила и обаятельна лицом, зато ее фигура восполняла все несовершенства. Одета в клетчатую юбочку и тирольскую блузку с низким вырезом, она, должно быть, приносила своему хозяину по местным меркам целое состояние. Всеобщее внимание, которое она к себе привлекала, не всегда выливалось в одни только бросаемые на нее восхищенные взгляды. "Не будь на ней корсета, ходить бы ей в синяках", – подумал Смит. Приблизившись к нему, она тряхнула своей белокурой головкой и приветливо улыбнулась.

– Чем могу служить, мой господин?

– Темного пива, пожалуйста, – вежливо ответил Смит –
Шесть.

– С удовольствием, мой господин, – она вновь оборотисто улыбнулась, одарив его впридачу долгим оценивающим взглядом васильковых глаз, и величественно удалилась. Шэффер, с ошарашенным видом глядя ей вслед, тронул Смита за плечо.

– Теперь наконец-то я понял, зачем оставил родную Монтану, босс, – в его голосе звучало то же удивление, что было написано на его лице. – Совсем не из-за лошадей. – Не отвлекайтесь, лейтенант, – Смит задумчиво посмотрел вслед девушке, потер подбородок и медленно проговорил: – Кельнерши лучше осведомлены о том, что происходит в округе, чем любой шеф полиции, а эта штучка, похоже, знает об этом лучше всех. Да, надо, пожалуй, попробовать.

– Что попробовать? – подозрительно переспросил Шэффер.

– Закинуть удочку.

– Я первый ее приметил, – обиделся Шэффер.

– Будешь вторым, – пообещал Смит. Игривый смысл его слов не вязался с холодным взглядом глаз, шаривших по залу. – Когда получишь пиво, погуляй, послушай, не упомянет ли кто-нибудь Карнаби или рейхсмаршала Роземейера.

Приметив свободный стул, он направился к нему и сел, вежливо кивнув мутноглазому капитану, что-то втолковывавшему двум лейтенантам. Капитан почти никак не среагировал на присутствие Смита. Впрочем, как заметил Смит, вообще никто не обратил внимания ни на него самого, ни на его спутников. Аккордеонисты более-менее дружно закончили игру примерно на одной ноте, и пение умолкло. Несколько секунд четыре сотни солдат в ностальгическом молчании пребывали наедине с Лили Марлен, притулившейся к фонарю у казармы, а потом, как по команде, тишину разорвал гул голосов. Четыре сотни солдат с недопитыми кружками в руках не в силах предаваться сентиментальному порыву слишком долго.

Смит увидел направляющуюся в их сторону девушку с шестью кружками на подносе. Она ловко лавировала в толпе, привычным жестом отражая поползновения восхищенной солдатни. Она разнесла пиво спутникам Смита, и те сразу же рассеялись по залу. Девушка огляделась, нашла Смита, заодно улыбнулась, подошла и поставила перед ним пиво. Прежде чем она успела отстраниться, он обхватил ее за талию, привлек к себе и усадил на колени.

Сидевший напротив капитан прервал беседу, негодуя уставился на Смита, открыл было рот, чтобы высказаться, но, встретив

упреждающий взгляд Смита, решил, что лучше не вмешиваться, и разговор потек своим чередом. Смит же, переведя взгляд на девушку, ущипнул ее за талию, похлопал по колену и улыбнулся насколько мог самодовольно.

– Как же зовут мою альпийскую розочку? – проговорил он.

– Хайди, – она попыталась освободиться от объятий, но не особенно настойчиво. – Пожалуйста, герр майор. Мне надо работать.

– Самая важная работа – развлекать солдат фатерлянда, – громко заявил Смит. Не выпуская Хайди, он сделал большой глоток из кружки и продолжал уже потише, не отводя кружку от лица. – Хочешь, спою тебе песенку?

– Какую еще песенку? – вяло спросила Хайди. – Я тут всякого наслушалась.

– У меня лучше получается свистеть. Слушай, – и он стал тихонько насвистывать "Лорелею". Нравится? Хайди было напряглась, но сразу же расслабилась и кокетливо улыбнулась.

– Очень мило, герр майор. Уверена, вы и поете замечательно.

Смит со стуком поставил кружку, вызвав явное неудовольствие на другом конце стола, и поднес руку к губам, чтобы вытереть пену. Хайди по-прежнему улыбалась ему, но глаза ее были серьезны.

Прикрыв рот рукой, Смит спросил:

– Кто эти люди у стойки? Гражданские? Не оборачивайся.

– Гестапо, – она сделала демонстративную попытку освободиться от объятий. – Из замка.

– Один из них читает по губам, – Смит опять поднес кружку ко рту. – Они следят. У тебя в комнате через пять минут.

Двинь меня хорошенько.

Хайди недоуменно взглянула на него, вскрикнула от боли, почувствовав, как он совсем не игриво ущипнул ее, отпрянула, размахнулась и звонко – так что слышно было по всему залу – шлепнула его по щеке. Голоса стихли, руки замерли, не донеся кружку до назначения, и все глаза обратились в их сторону. Смит, как и задумывал, оказался в центре всеобщего внимания. Так мог вести себя только тот, кому не было необходимости таиться.

Хайди вскочила, аккуратно расправила юбку, подобрала со стола записку, которую заранее положил Смит, и удалилась, высоко держа головку. Смит с раскрасневшимся лицом гневно поднялся, собираясь уйти, но его остановил капитан. Это был щеголеватый молодчик, типичный выкормыш гитлерюгенда, вышколенный и умеющий держать себя в руках, но под пивными парами немного утративший над собой контроль. В его налившихся кровью глазах читалась уверенность в собственной значимости и правоте.

– Ваше поведение недостойно звания офицера вермахта, – во всеуслышание заявил он.

Смит ответил не сразу. Гнев и обида постепенно слиняли с его лица, и оно стало непроницаемым. Не мигая уставился он на капитана, и тот, не выдержав, первым отвел глаза. Когда Смит заговорил, голос его звучал так тихо, что его вряд ли слышали за соседним столом.

– Надо добавлять герр майор, если вы обращаетесь ко мне, малыш, – сказал он ледяным тоном. В его глазах тоже сквозило холодом. – Майор Бернд Гиммлер. Вам, возможно, знакомо мое имя?

Он многозначительно помолчал, и капитан под его взглядом сразу как бы стал меньше ростом. Гиммлер, шеф гестапо, был человеком, наводившим ужас на всю Германию. И собеседник мог оказаться его родственником.

– Обратитесь ко мне утром в восемь. – коротко бросил Смит.

И ушел, не дожидаясь ответа. Капитан, мигом отрезвев, молча кивнул и бессильно опустил на стул. Пока Смит шел к двери, болтовня возобновилась. Для солдат, засланных в это отдаленное место, единственным развлечением было пиво, пиво в огромных количествах. Естественно, что подобные инциденты случались то и дело и, конечно, тут же забывались.

По пути Смит ненадолго остановился возле Шэффера:

– Сорвалась рыбка.

– Еще бы – с таким заходом. А, кстати, что вы ему сказали, этому капитану? – полубопытствовал Шэффер.

– Дал понять, что я родственник Гиммлера.

– Босса гестапо? – недоверчиво переспросил Шэффер. – Рискнете.

– Я не могу позволить себе полагаться на случай, – загадочно ответил Смит. – Пойду попытаю счастья в "Дубовом дворе". Может, там больше повезет. Вернусь через десять минут.

Не позже.

Он оставил Шэффера рассеянно смотреть себе вслед, жестом отстранил шедшего ему навстречу Каррачолу и вышел. Сделав несколько шагов по деревянной мостовой, он остановился и быстро огляделся. Улица была пуста. Он повернул за угол и свернул во двор "Дикого оленя". Там он нашел деревянный сарайчик.

Убедившись, что слежки нет, он осторожно открыл дверь.

– Восемь часов, – бросил он в темноту. – Пошли.

Послышался шелест одежды, и на пороге появилась Мэри. Она сильно дрожала, лицо ее посинело от холода. Она вопросительно посмотрела на Смита, но он молча взял ее за руку и быстрым шагом повел к черному входу в кабачок. Они очутились в тесной прихожей, слабо освещенной масляной лампой, поднялись по лестнице и остановились у второй двери справа. Дверь без труда открылась.

Комната была маленькая, просто обставленная. Судя по чехлам из веселенького ситца и туалетным принадлежностям на трюмо, здесь обитала женщина. Мэри села на кровати, похлопывая себя по бокам в попытке согреться и без особого восхищения посмотрела на Смита.

– Представляю, как тебя забавляет эта игра, – грустно сказала она. – Ты тут в своей стихии.

– Инстинкт, – объяснил Смит.

Он склонился над плохо горевшей масляной лампой у кровати, прибавил свет и, окинув глазами комнату, взял в углу потрепанный кожаный саквояж, бросил его на кровать и раскрыл. Там лежала женская одежда. Он обхватил Мэри за плечи и заставил встать.

– Не тяни время. Снимай свои шмотки. Все до нитки. И переодевайся. Здесь все, что нужно. Мэри смотрела, не понимая.

– Переодеваться в это? Какого черта?

– Не спорь. Быстро!

– Ладно, – сдалась она. – Отвернись по крайней мере.

– Не волнуйся, – примирительно сказал Смит. – У меня совсем другое на уме.

Он подошел к окну, постоял, глядя в щель между ситцевыми занавесками и снова заговорил.

– Поторапливайся. Ты явишься как будто с автобусом из Штайнгадена, который прибывает через 20 минут. С этим саквояжем. Там осталась одежда. Зовут тебя Мария Шенк, ты из Дюссельдорфа, кузина девушки, которая здесь работает. У тебя туберкулез. поэтому ты вынуждена была оставить работу на фабрике и для поправки здоровья приехала в горы. Кузина помогла тебе устроиться на работу в Шлосс Адлере. Здесь твои документы, разрешение на проезд, рекомендации и письма с правильными штемпелями в доказательство всего сказанного. Они в сумочке, которая лежит в саквояже. Все понятно?

– Кажется, все, – неуверенно ответила девушка. – Но неужели нельзя объяснить...

– Бога. ради, только одно: все понятно или нет? – нетерпеливо прервал ее Смит. – Время, малышка, время. Все понятно?

– Мария Шенк, Дюссельдорф, фабрика, туберкулез, здесь кузина, Штайнгаден – да, все понятно.

Она натянула через голову плиссированное синее платье, расправила его и удивленно заметила:

– Точно мой размер! Просто как на меня сшито!

– Оно и было сшито специально для тебя. – Смит повернулся

проинспектировать результат. – 36–26–36, или как там. Мы, гм, зашли к тебе на квартиру и позаимствовали одно платье в качестве образца. Наша фирма работает четко.

– Вы влезли ко мне в дом? – медленно переспросила она.

– Зато теперь ты прилично выглядишь, – рассудительно ответил Смит, Он оценивающе оглядел ее. – Очень тебе идет.

– Приятно слышать, – с чувством сказала она. В глазах ее было замешательство. – Должно быть, все это готовили неделями – одежду и документы!

– Да, это не быстро делается, – подтвердил Смит. – Техотдел особенно тщательно работал над твоими бумагами. Пришлось потрудиться, прежде чем впустить тебя в клетку со львом.

– Не быстро... – раздумчиво проговорила Мэри. – Не быстро! Но самолет генерала Карнаби разбился только вчера утром. – Она внимательно смотрела на него, и на ее лице смущение сменилось неприкрытой злостью. – Вы знали, что он разобьется!

– Наконец-то и ты угодила в яблочко, малышка, – весело откликнулся Смит. Он нежно похлопал ее по плечу. – Мы его и подставили.

– Не хлопай меня! – горячо выкрикнула она, но тут же овладела собой и продолжала уже спокойным тоном, хотя в глазах ее все еще сверкал гнев: – Да была ли вообще аварийная посадка?

– Можешь быть уверена. Самолет еле сел, на аэродроме Баварского спасательного авиаотряда. Местечко называется Оберхаузен, пять миль отсюда. Кстати, мы оттуда будем улетать.

– Улетаем оттуда, – повторила она и осеклась, в отчаянии покачав головой. – А в самолете, я слышала, ты говорил, что если операция провалится или вам придется рассеяться, надо встречаться у швейцарской границы.

– Неужели? – в голосе Смита прозвучало любопытство. – Я, видно, что-то напутал.

– И ты осмелился рисковать жизнью американского генерала и планами по открытию второго фронта...

– Вот почему я так спешу в Шлосс Адлер, – Смит откашлялся. – Я должен быть там прежде, чем они сообразят, что никакой это не американский генерал и что он знает о втором фронте не больше, чем я об обратной стороне Луны.

– Так он подсадной?

– Его фамилия Джонс, – подтвердил Смит, – Картрайт Джонс. Американский актер. Трагик он никудышный, но Карнаби из него недурной, похожи они как две капли воды. В глазах девушки мелькнул ужас.

– Вы рискуете жизнью невинного человека...

– Ему хорошо заплатят, – перебил ее Смит. – Двадцать пять тысяч долларов за один выход. Это будет пик его профессиональной карьеры.

В дверь легонько стукнули два раза. Плавным движением руки Смит выхватил пистолет – автоматический маузер. Еще одно движение – и майор оказался у двери, резко отворил ее. Вошла Хайди, и Смит закрыл за ней дверь.

– Ну вот, кузины в сборе, – объявил, он. – Мэри, это Хайди. Я удаляюсь.

– Ты уходишь?! – озадаченно воскликнула Мэри. – А мне-то что делать?

– Хайди все скажет.

Мэри с сомнением посмотрела на девушку.

– Хайди?

– Хайди. Наш лучший агент в Баварии с 1941 года.

– Лучший... – Мэри покачала головой. – Не верится что-то.

– Вот и другим не верится, – Смит восхищенно обзрел прелести Хайди. – Черт меня раздери, какая роскошная маскировка!

Смит вышел через черный ход из кабачка и оказался в кромешной тьме, выжидая, пока привыкнут глаза. Ему показалось, что с тех пор, как они закатились в "Дикий олень", снегопад усилился. Ветер тоже заметно посвежел. В общем,

мороз крепчал.

Смит свернул налево, поднялся на две ступеньки и не сдержал возгласа досады: споткнувшись о какой-то невидимый предмет, он полетел в сугроб.

Трижды перевернувшись в снегу – на случай, если его поджидает вооруженный противник, он по-кошачьи ловко вскочил на ноги с маузером в одной руке и фонарем – в другой. Он зажег фонарь и посветил вокруг. Улица была пуста.

Да, людей на ней не было, зато Смит разглядел, обо что споткнулся. Это было тело мужчины в форме сержанта Альпийского корпуса, лежавшего на снегу лицом вниз. Смит нагнулся и перевернул труп. Под ним краснело огромное пятно, китель пропитался кровью. Майор направил луч фонаря на лицо трупа. Теперь для этого человека все в прошлом – университетская тишина, медовые пряники к чаю – в чем виноват именно он: обвинение Смит видел на этом мертвом лице.

Неподвижные глаза Торренс-Смиза смотрели на него с безмолвным упреком. С окаменевшим лицом Смит поднялся, посветил перед собой фонарем. На снегу никаких следов борьбы. Но борьба наверняка была: несколько пуговиц на кителе было вырвано с мясом, а воротник оторван. Смизи не дешево отдал свою жизнь. Не выпуская из рук фонарь, Смит медленно прошел по узкому проулку. Остановился. Следы на снегу, темные пятна на протоптанной дорожке, брызги крови на деревянной стене кабачка – так вот где они схватились. Смит выключил фонарь, сунул в карманы пистолет и фонарь, вернулся на главную улицу. По одну ее сторону находился "Дикий олень", откуда опять раздавалось нестройное пение, по другую, за почтой – ярко освещенная телефонная будка. В ней, оживленно говоря что-то в трубку, стоял человек в военной форме, которого Смит раньше не видел. А улица была по-прежнему пуста.

Шэффер непринужденно развалился у стойки, всем своим видом демонстрируя полную беззаботность. Но его выдавали мрачные глаза и пальцы, которые нервно крутили сигарету.

– Смизи, – шептал он, – неужели Смизи! Вы уверены, босс?

– Уверен, – Смит выговорил это с тем же окаменевшим лицом. Из него как будто разом выкачали все силы. – Ты говоришь, он выскочил отсюда минуты через три после моего ухода? Значит, он побежал не за мной. А кто еще из наших выходил?

– Понятия не имею, – Шэффер переломил сигарету пополам, бросил ее на пол. – Столько народу было. К тому же есть и другой выход... Поверить не могу. Почему именно старина Смизи?

Почему Торренс-Смиз? Он был самый смысленный из нас.

– Потому и погиб, – сумрачно сказал Смит. – А теперь слушай внимательно. Пора тебе кое-что узнать. Шэффер взглянул ему прямо в лицо и сказал:

– Давно пора...

Смит заговорил тихим голосом, на беглом немецком, стараясь держаться спиной к гестаповцам, сидевшим у другого конца стойки. Через пару минут он увидел Хайди, входившую через дверь за баром, но сделал вид, что не заметил ее. Она тоже. Сразу же после ее появления голоса начали стихать, и установилась почти полная тишина. Смит тоже замолк и посмотрел туда, куда смотрели другие – в сторону двери.

У ребят был повод притихнуть: Бог знает, сколько времени они не видали женщин. В дверях стояла Мэри Эллисон, одетая в плащ, перетянутый поясом, с шарфом на голове и саквояжем в руке. Женщины и вообще-то нечасто появляются в Высоких Альпах, женщины без сопровождения и того реже, а одинокие красивые и молодые – просто никогда. Некоторое время Мэри неуверенно постояла у входа, как бы не зная, туда ли она попала и что ей дальше делать. Но, увидев Хайди, выронила саквояж, и лицо ее загорелось радостью. Чистая Марлен Дитрих в "Голубом ангеле", – подумалось Смиуту. С такой внешностью и таким актерским дарованием она смогла бы стать звездой Голливуда, и путь ее был бы усеян золотыми слитками. При полном молчании гостей Мэри и Хайди бросились навстречу друг другу и обнялись.

– Мария, моя дорогая Мария! – голос Хайди дрожал, и Смит подумал, что в Голливуде могли бы вымостить золотыми слитками две дорожки. – Наконец-то ты приехала!

– Я рада тебя видеть снова, – воскликнула Мэри, пылко обнимая и целуя Хайди. – Как замечательно, что мы увиделись, кузина! Волшебнo! Волшебнo! Волшебнo! А ты разве сомневалась, что я приеду?

– Видишь, что тут творится! – Хайди даже не попыталась понизить голос и выразительно обвела зал глазами. – Это же дикари! Без пистолета тут за порог не сунешься. Они себя называют "батальоном охотников". Меткое название!

Солдатня дружно заржала, и в зале постепенно воцарилась обычная, атмосфера. Хайди, взяв Мэри за руку, подвела ее к цивилильной компании у стойки бара и остановилась возле смуглого, жилистого мужчины с умным лицом. Вид у него был очень-очень суровый.

– Мария, это капитан фон Браухич. Он... гм... работает в Шлосс Адлере. Капитан, – моя кузина Мария Шенк. Фон Браухич слегка поклонился.

– Везет вам с кузинами, Хайди. А мы вас ждали, фрейлейн Шенк, – он улыбнулся. – Но, конечно, не предполагали, что вы так прелестны. Мэри улыбнулась в ответ и удивленно переспросила:

– Ожидали?

– Ожидали, – сухо вставила Хайди, – потому что капитан по должности должен знать обо всем, что здесь происходит.

– Хайди, ты запугаешь кузину. Выставляешь меня в зловещем свете, – он взглянул на часы. – Фуникулер отправляется через десять минут. Если фрейлейн окажет мне честь сопровождать ее...

– Фрейлейн надо сначала зайти ко мне в комнату, – твердо сказала Хайди. – Умыться и выпить кофе со шнапсом. Разве вы не видите, что она промерзла до костей?

– И правда, у нее зубы стучат, – улыбнулся фон Браухич. – А я думал, это стучит мое сердце. Ну, раз так, тогда поедem следующим рейсом.

– И вместе со мной, – уточнила Хайди.

– С вами обеими? – фон Браухич с улыбкой покачал головой.

– Что за чудесная ночь.

– Разрешение на проезд, удостоверение личности, рекомендации, – перечислила Хайди. Затем она выудила документы из-под блузки и протянула Мэри, сидевшей на кровати.

– План замка и инструкции. Запомни и верни. Я их повезу сама. Тебя, может быть, обыщут. Здешние ребята страшно подозрительны. А сейчас придется выпить этот чертов шнапс. Браухич обязательно принохается к тебе, чтобы проверить. Он все всегда проверяет. Самый подозрительный из всех.

– А мне он показался очень приятным человеком, – мягко сказала Мэри.

– Зато он очень неприятный офицер гестапо. – сухо отпаривала Хайди.

Когда Хайди вернулась в бар, к Смиу и Шэфферу уже присоединились Каррачола, Томас и Кристиансен. Со стороны все пятеро, попивающие пиво и непринужденно болтающие, казались вполне беззаботными, но если бы кто-нибудь вслушался в их тихий разговор, он почувствовал бы их отчаянную тревогу.

– Значит, вы не видели старину Смизи? – тихо спросил Смит. – Никто не видел, как он ушел? Куда же он все-таки направлялся?

Вопрос остался без ответа, только Кристиансен спросил:

– Можно я пойду посмотрю?

– Не стоит, – ответил Смит. – Время слишком позднее для прогулок.

Обе двери "Дикого оленя" резко и шумно распахнулись, и в каждую вошли по полдюжине солдат со "шмайсерами" на изготовку. Они выстроились вдоль стен, держа пальцы на курке. Глаза их смотрели спокойно и цепко.

– Ну, ну, – пробормотал Кристиансен. – Вот для меня война и кончилась.

Внезапно наступившую тишину не нарушил, а скорее

подчеркнул топот сапог: в зал вошел полковник. Он оглядел присутствующих. Гигант-хозяин, с изменившимся от страха лицом, торопясь подбежал к нему, опрокидывая на ходу стулья.

– Полковник Вайснер! – Не надо было обладать тонким слухом, чтобы уловить в голосе хозяина дрожь. – Ради Бога, что случилось?..

– Вы тут ни при чем, мой друг, – слова звучали успокаивающе, но тон, каким они были сказаны, не позволял расслабиться. – Но у вас тут скрываются враги государства!

– Враги! – Цвет лица хозяина стал из розового бледно-серым. Кроме Того, он начал заикаться. – Кк-ак? У? Ме-ня? У Йозефа Вартмана?

– Тихо! – полковник поднял руку, требуя внимания. – Мы разыскиваем дезертиров из Штутгартской военной тюрьмы. При побеге они убили двух офицеров и сержанта. Следы ведут сюда.

Смит кивнул и прошептал на ухо Шэфферу:

– Очень умно. Очень.

– Итак, – лающим голосом продолжал Вайснер, – если они здесь, то скоро будут в наших руках. Прошу старших офицеров 13-го, 14-го и 15-го отрядов выйти вперед. – Он подождал, пока два майора и капитан встали перед ним по стойке "смирно". – Вы знаете в лицо всех ваших людей?

Все трое кивнули.

– Хорошо. Вам следует...

– Нет необходимости, полковник, – Хайди вышла из-за стойки бара и встала перед Вайснером, почтительно убрав руки за спину. – Я знаю человека, которого вы ищете. Их главаря.

– А! – улыбнулся полковник Вайснер, – очаровательная...

– Хайди, герр полковник. Я обслуживала ваш столик в Шлосс Адлере. Вайснер галантно поклонился.

– Разве можно вас забыть!

– Вот он, – ее лицо пылало гражданским гневом и радостью от возможности выполнить свой долг. Театральным жестом она указала на Смита. – Вот, кого вы ищете, герр полковник. Он – он меня ущипнул!

– Милая Хайди! – полковник Вайснер снисходительно улыбнулся. – Если мы станем арестовывать каждого, кто попытается...

– Дело не в том, герр полковник. Он спросил меня, что я знаю или слышала о человеке, которого называют генералом Карнаби.

– Генералом Карнаби! – улыбка слетела с губ полковника. Он посмотрел на Смита, подал знак своему патрулю и вновь обратился к Хайди. – И что же вы ему ответили?

– Герр полковник! – Хайди распирало ощущение важности собственной персоны. – Надеюсь, я достойная дочь Германии. И я дорожу доверием, которое оказывают мне в замке. – Она указала в угол зала. – Капитан гестапо фон Браухич может за меня поручиться.

– Нет нужды. Мы не забудем ваш поступок, милое дитя. – Он отечески потрепал ее по щеке, потом обернулся к Смицу, и в голосе его зазвучал металл.

– Где ваши соучастники? Отвечайте немедленно.

– Немедленно, мой дорогой полковник? – Взгляд, который Смит бросил на Хайди, был столь же холоден, как голос полковника. – Извольте сперва расплатиться. Сначала тридцать Серебренников даме...

– Вы болван, – презрительно отозвался полковник Вайснер. – Хайди – истинная патриотка.

– Это точно, – серьезно подтвердил Смит.

Мэри с ужасом наблюдала, стоя за занавеской в неосвященной комнате Хайди, как Смита и его людей вывели из "Дикого оленя" и сопроводили туда, где стояло несколько военных автомобилей. Пленников быстро рассадил по двум машинам, взревели моторы, и через минуту они скрылись за поворотом. Мэри постояла, уставившись невидящими глазами на падающий снег, потом плотно задернула занавески и ушла вглубь комнаты.

– Как же это случилось? – прошептала она. Чиркнула спичка – Хайди зажгла масляную лампу.

- Ума не приложу, – пожала плечами Хайди. – Кто-то, должно быть, напел полковнику Вайснеру. А я указала пальцем.
- Ты... ты?
- Его все равно вычислили бы через пару минут. Они тут чужаки. Зато теперь мы с тобой вне подозрений.
- Вне подозрений! – Мэри недоверчиво посмотрела на нее. – Но мы же теперь отрезаны от своих!
- Ты так считаешь? – задумчиво протянула Хайди. – А мне в этой ситуации больше жаль полковника Вайснера, чем майора Смита. Наш майор нигде не пропадет. Или начальство в Уайтхолле нам лгало? Когда мне сообщили, что он должен сюда прибыть, добавили, что я должна слепо доверять ему. Он, как штопор, – именно так они сказали, – вывернется из самой безнадежной ситуации. Интересно они там, в Уайтхолле, выражаются. Так что я верю в него. А ты разве нет?
- Ответа не последовало. В глазах Мэри стояли слезы. Хайди тронула ее за плечо и мягко спросила:
- Ты сильно любишь его? Мэри молча кивнула.
- А он тоже тебя любит?
- Не знаю. Просто не знаю. Он с головой ушел в эти дела,
- с трудом выговорила Мэри, – и даже, если любит, сам себе в этом не признается.
- Хайди с минуту смотрела на нее, качнула головой и сказала:
- Зачем только они тебя послали! Разве ты сможешь... – она осеклась, снова мотнула головой и неожиданно закончила: – Поздно уже. Пошли. Нельзя заставлять ждать фон Браухича.
- Но если он не сможет убежать? Да и как тут убежишь! – она раздраженно ткнула пальцем в бумаги, валявшиеся на постели. – Ведь они первым делом свяжутся с Дюссельдорфом насчет этих рекомендаций.
- Хайди спокойно ответила:
- Он не бросит тебя в беде.
- Да, – печально согласилась Мэри, – вряд ли он так поступит.
- Большой черный "мерседес" мчался по занесенной снегом дороге, проложенной вдоль озера. "Дворники" едва справлялись с густыми хлопьями, которые плотно ложились на лобовое стекло. Это была очень дорогая и комфортабельная машина, но ни сидевший рядом с водителем Шэффер, ни Смит на заднем сиденье не ощущали ни малейшего удобства – ни физического, ни морального. Если говорить о моральной стороне дела, то перед ними маячила мрачная перспектива: операция обречена на провал, не успев начаться. О физической и говорить нечего: того и другого стиснули с обеих сторон: Шэффера – водитель и охранник, Смита – тоже охранник и сам полковник Вайснер; к тому же у них сильно ныли ребра – парни при "шмайсерах", уперев стволы в бок пленникам, дали им как следует прочувствовать свою боевую мощь.
- Насколько Смит мог судить, они находились где-то на полдороге от деревни до казарм. Еще полминуты – и они въедут в ворота лагеря. Всего полминуты. И ни секунды больше.
- Остановите машину! – холодным, властным тоном с ноткой угрозы произнес Смит. – Немедленно, слышите? Мне нужно подумать.
- Полковник Вайснер с изумлением уставился на него. Смит даже не обернулся в его сторону. Казалось, он едва сдерживает гнев – гнев человека, чьи приказы всегда выполняются беспрекословно, отнюдь не жертвы, покорно идущей на смерть.
- Вайснер поколебался, но все же отдал приказ притормозить.
- Ну и болван же вы! Круглый идиот! – гневный голос Смита звучал тихо и зловеще, так тихо, что только полковник мог услышать его. – Вы почти наверняка все испортили, и, если это так, клянусь Богом, утром вы лишитесь погон!
- "Мерседес" скатил на обочину и остановился. Передняя машина исчезла в темноте. Вайснер резко, но с едва заметной дрожью в голосе, спросил:
- Какого черта, что вы болтаете?
- Вам, конечно, известно об американском генерале Карнаби? – Смит приблизил сощуренные глаза к лицу Вайснера. –

Ну? – он словно выплевывал слова в лицо полковнику.

– Вчера вечером я обедал в Шлосс Адлере. Я... Смит ответил взглядом, полным недоверия.

– Полковник Пауль Крамер, начальник штаба Канариса, вам рассказал? Вайснер молча кивнул.

– А теперь это разнеслось по всем углам. С ума сойти можно. Боже, теперь точно покатаются головы, – он потер ладонью глаза, бессильным жестом уронил руку, невидящим взглядом посмотрел вперед и, качнув головой, медленно выговорил:

– Сам я не могу принять решение, – он достал из кармана удостоверение и протянул Вайснеру, который изучил его в тусклом свете фонарика. – Немедленно в казармы! Мне нужно срочно связаться с Берлином. Мой дядя даст инструкции.

– Ваш дядя? – Вайснер с усилием оторвался от документа, голос его дрожал, как и луч фонарика, который он держал в руке.

– Генрих Гиммлер?

– А кто же вы думали, – рявкнул Смит. – Микки Маус? – Он понизил голос до шепота. – Искренне желаю вам никогда не иметь счастья встретиться с ним, полковник Вайснер.

Смит дал Вайснеру возможность немножко оправиться от неожиданности и прийти в себя, потом наклонился вперед и довольно чувствительно ткнул в бок водителя.

– В казармы, живо!

Автомобиль рывком взял с места. Шоферу было достаточно того, что он успел услышать из уст племянника страшного Генриха Гиммлера, шефа гестапо. Смит повернулся к охраннику, сидевшему сбоку.

– Прекрати пихать меня в бок этой дурацкой штукой! – он со злостью оттолкнул от себя ствол автомата.

Охранник, который тоже слышал про Гиммлера, кротко прибрал свой "шмайсер". В следующую секунду он согнулся от дикой боли, получив удар в живот прикладом своего же автомата, а еще через секунду полковник Вайснер прилип к стеклу "мерседеса", ствол того же "шмайсера" уперся ему в правое ухо.

– Если ваши люди шевельнутся, убью на месте.

– О'кей, – раздался с переднего сиденья голос Шэффера. – Их пушки у меня.

– Останавливай, – скомандовал Смит.

Машина затормозила. Через лобовое стекло видны были огни пропускного пункта казарм. До них было метров двести. Смит подтолкнул Вайснера автоматом.

– На выход!

Несмотря на душившую его ярость, Вайснер понял, что ему придется послушаться приказа. Он вышел из машины.

– Три шага вперед, – скомандовал Смит. – Лицом в снег. Руки за голову. Шэффер, держи их на прицеле.

Через двадцать секунд Шэффер сидел за баранкой "мерседеса". Три человека лежали лицом вниз в снегу, четвертый все еще корчился от удара на обочине.

– Неплохо исполнено, молодой Гиммлер, – одобрительно сказал Шэффер.

– Редко так везет, – трезво оценил положение дел Смит. – Поосторожнее возле казарм, как бы часовые чего не заподозрили.

Со скоростью двадцать миль в час они миновали главные ворота и, как им показалось, все сошло благополучно. Еще бы, на радиаторе автомобиля развевался треугольный флажок – личный штандарт коменданта лагеря, и, ясное дело, никому бы не пришло в голову следить за передвижениями полковника Вайснера.

Через полмили за вторыми воротами дорога, следуя извиву озера, резко повернула направо. Опасный поворот был отмечен белым штакетником, который при иных обстоятельствах был бы хорошо заметен, но в эту ночную пору, заметенный снегом, неразличимо слился с окружающей белизной. Шэффер притормозил на повороте. По его лицу явно пробежала какая-то мысль, он сильнее нажал на тормозную педаль и вопросительно взглянул на Смита.

– Отличная идея, – теперь пришел черед Смита выражать одобрение партнеру. – Из тебя еще получится неплохой агент.

"Мерседес" остановился. Смит собрал автоматы и пистолеты,

отобранные у Вайснера и его парней, включил зажигание и выскочил из двинувшейся вперед машины. Просунув руку через боковое окно дверцы водителя, он держал руль, прибавляя ходу по мере того, как разгонялся "мерседес". За несколько метров до обрыва он в последний раз скорректировал направление и резко отскочил в сторону. Деревянный штакетник не смог сдержать мчащуюся на него громаду. Рев мотора, работавшего на максимальных оборотах, заглушил треск дерева; "мерседес" прошел сквозь преграду как нож сквозь масло, перевалил через край обрыва и исчез из виду.

Смит и Шэффер остановились у неповрежденной секции штакетника, успев увидеть, как автомобиль, перевернувшись вверх дном, все еще с горящими фарами, ударился о поверхность озера. Высоко поднявшийся подсвеченный фарами столб воды расцвел радугой. Когда вода улеглась, в озере хорошо было видно место, где утонула машина – огни ее горели по-прежнему. Смит и Шэффер переглянулись, и Смит стянул свою форменную фуражку и швырнул ее вниз. Она упала на пузырящуюся воду, фосфоресцирующую огнями исходящего снизу света. Потом свет погас.

– Невелика беда, – отходя от штакетника, пожал плечами Шэффер. – Тачка–то не наша. Ну что, возвращаемся в деревню?

– Ни в коем случае, – откликнулся Смит. – Пошли. В другое место.

Сжимая в руках добытое оружие, они двинулись в том направлении, в котором ехали. Не успели они пройти и полусотни метров, как услышали гул моторов и увидели огни фар, осветивших проломанный штакетник. В считанные секунды Смит и Шэффер укрылись в сосняке.

– Вон оно что, герр полковник, – сержант альпийских стрелков с автоматом наперевес опасно наклонился над краем обрыва. – Слишком большая скорость, слишком поздно оценили обстановку. Глубина озера в этом месте больше ста метров, герр полковник. Так что с концами.

– Может, с концами, а может, и нет. Эти мерзавцы способны на что угодно. – Голос полковника Вайснера отчетливо доносился до ушей тех, о ком шла речь. В нем звучала досада. – Они запросто могли все это подстроить, чтобы нас обдурить. Часть людей пошлите поискать в роще. Пусть прочешут местность с фонарями. Еще часть людей отправьте машиной на полкилометра в сторону лагеря. Вы с ними, сержант. И пусть несколько человек рассредоточатся вдоль обрыва. Выполняйте.

Шэффер посмотрел на Смита.

– Насколько я понимаю текущий момент, босс, вряд ли стоит сейчас двигаться в деревню. Вот ведь старая лиса этот Вайснер, а?

– А я что говорил? – пробурчал Смит. – О'кей, о'кей. Не спорю.

Прошло пять минут. Сквозь редкий снег, пробивающийся через густые ветви сосен, засветились огоньки фонарей. Это означало, что цепочка солдат, шаря перед собой фонарями, двинулась на юг в поисках беглецов. Полковник Вайснер нервно прохаживался взад–вперед возле своего автомобиля. Голова его мерно покачивалась, как будто в такт мыслям. Он часто поглядывал на часы. Смит заметил, что он подошел к штакетнику, там где он уцелел, и внимательно вгляделся в гладь Голубого озера.

Вскоре слышались неясные голоса возвращавшихся солдат.

Сержант подошел к машине полковника и доложил:

– Никаких следов, герр полковник.

– Неоткуда им и взяться, – буркнул Вайснер. – Там на воде плавает фуражка. Жалкий конец для таких отважных ребят, сержант. Жалкий конец.

Глава 5

Вагончик фуникулера медленно поплыл от нижней станции, начав свой долгий подъем к замку. Опасный, просто невозможный подъем, подумала Мэри. Вглядевшись в темноту сквозь лобовое стекло, она различила в снежной пелене первую опору. Вторая и третья были еще не видны, их присутствие угадывалось по парящим в небе огонькам. Не она же первая преодолевает этот путь, тупо вертелось в ее мозгу, люди постоянно ездят на этой штуковине, и ничего. Вагончик, рассчитанный на двенадцать пассажиров, снаружи был выкрашен в яркий красный цвет, внутри хорошо освещен. Сидений в нем не предусматривалось, но вдоль стен тянулись поручни. Их необходимость вырисовывалась немедленно и с угрожающей очевидностью. Яростный ветер безжалостно раскачивал утлый вагончик. Кроме двух солдат и одного штатского пассажирами были фон Браухич, Мэри и Хайди. Хайди как опытная старожилка надела толстое шерстяное пальто и меховую шапку. Фон Браухич, держась одной рукой за поручни, другой обнимал за плечи Мэри. Ободряюще улыбнувшись ей, он спросил:

– Страшно?

– Нет, – ответила она совершенно искренне, потому что теперь у нее просто не осталось сил, чтобы бояться. К тому же, даже в самой безнадежной ситуации она оставалась профессионалом. – Нет, не страшно. Но меня мутит. А этот фуникулер никогда не срывается?

– Никогда, – фон Браухич вложил в ответ всю присущую ему убедительность. – Держитесь за меня, и все будет в порядке.

– Прежде то же самое он говорил мне, – холодно сказала Хайди.

– Фрейлейн, – терпеливо объяснил Браухич, – я щедро одарен Господом, но мне не удалось отрастить себе третью руку. И потом – привилегия гостям.

Спрятав в ладони горящую сигарету, Шэффер, опершись о телеграфный столб, внимательно вглядывался вдаль. И спрятанная сигарета, и озадаченное выражение лица объяснялись непонятными событиями у ворот казармы. Там царило оживление: освещенные ярким светом прожекторов, туда-сюда сновали охранники. Шэффер переменял положение и посмотрел вверх. Снег почти прекратился, луна готова была выйти из облаков, и в ее неясном свете смутно виднелась на поперечине столба фигура Смита. Майор деловито орудовал ножом, уникальным приспособлением, снабженным в числе прочих нужных вещей кусачками для проволоки. Восемь раз щелкнули кусачки, и восемь концов телефонного провода упали на-снег. Смит сложил нож, спрятал в карман, обхватил руками столб, соскользнул вниз и ухмыльнулся.

– Пустячок, а приятно.

– Это отвлечет их маленько, – согласился Шэффер.

Прихватив автоматы, они двинулись на восток, скрывшись за стволами сосен.

Вагончик раскачивался сильнее прежнего. Он вышел на последнюю дистанцию пути – почти вертикальный подъем. Рука фон Браухича по-прежнему лежала у Мэри на плече, сама она все так же смотрела в темноту, прижавшись лицом к стеклу. Ей казалось, что они уже достигли небес. В разрыве облаков выплыла луна и осветила сказочный замок. Теперь ей сделалось по-настоящему страшно, она облизала пересохшие губы и инстинктивно передернула плечами. Это не ускользнуло от бдительного ока фон Браухича. Он уже наверное в двадцатый раз за это краткое путешествие ободряюще сжал ей плечо.

– Не беспокойтесь, фрейлейн. Все будет хорошо.

– Надеюсь, – ответила она едва слышно.

Неожиданно разлившийся по долине лунный свет Смит и Шэфферу был совсем некстати. Они как раз старались по возможности незаметно прокрасться к багажному отделению станции. К счастью, оставаясь в тени навеса, они прошли вдоль путей до гидравлического амортизатора, где кончалась линия, и

посмотрели вверх. Как ясным днем контрастно выделялось красное на белом – к нижней станции приближался вагончик фуникулера; второй как раз преодолевал последние метры пути к верхней станции, над которой блестел под луной Шлосс Адлер. Смит нагнулся к замку багажного отделения, достал отмычку. Через несколько секунд они с Шэффером были уже внутри. Смит нашел место, где они оставили свое снаряжение, отрезал кусок нейлоновой веревки, обмотал ее вокруг пояса и сунул в холщовую сумку несколько Ручных гранат и взрывчатку. Тут Шэффер выразительно откашлялся, и Смит вопросительно посмотрел на него.

– Босс, – сказал он, сопроводив это короткое слово кивком на окно. – Босс, вам не приходило в голову, что полковник Вайснер мог догадаться о нашем тайнике? Я к тому, что к нам могут наведаться гости.

– Что верно, то верно. – признал Смит. – Странно будет, если нас тут не навестят. Поэтому я и отрезал от веревки лишь кусок и забрал гранаты и взрывчатку только из наших с тобой рюкзаков. Так что пропажу не заметят – моток огромный, от него почти не убыло, а что было в наших рюкзаках, никто не знает.

– А рация...

– Если мы выйдем на связь отсюда, нас сразу засекут. Если возьмем ее с собой, они поймут, что "мерседес" ушел на дно без нас. Так ведь?

– Примерно так.

– Так что пойдем на компромисс. Мы вынесем ее отсюда, но сразу после связи в безопасном месте вернем.

– Что вы имеете в виду под "безопасным местом"? – прямодушно спросил Шэффер. – В целой Баварии для нас не найдется такого места.

– Одно есть, в двадцати метрах отсюда. – Он кинул Шэфферу связку отмычек. – Тебе никогда не приходилось бывать в баварском дамском туалете?

Шэффер поймал связку, посмотрел Смиту прямо в лицо, качнул головой и вышел. Светя перед собой фонариком, он шел вдоль путей, пока луч фонаря не осветил дверь с надписью "Damen". Шэффер пожал плечами и принялся подбирать отмычку.

Медленно, натужно вагончик фуникулера одолел последние метры подъема, вошел под крышу верхней станции, судорожно дернулся и остановился. Дверь открылась. и пассажиры вышли. Они проследовали через станцию, встроенную в северо-западную часть фундамента замка, по тоннелю с тяжелыми железными дверями, охраняемыми часовыми. Выйдя из верхних ворот, они оказались у двора замка, вход в который закрывали массивные чугунные ворота, где стояли вооруженные до зубов солдаты с доберман-пинчерами. Во дворе было светло как днем – свет падал из незанавешенных окон. Посередине двора разместился вертолет, доставивший утром в Шлосс Адлер рейхсмаршала Роземейера. Пилот или механик под брезентовой накидкой, только мешавшей ему, потому что снег уже кончился, копался в моторе, светя себе небольшой, но мощной дуговой лампой. Мэри обернулась к фон Браухичу, все еще по-хозяйски державшему ее за плечо, и жалобно улыбнулась.

– Сколько тут солдат! Вообще, кругом одни мужчины, а женщин совсем не видно. А если мне захочется совершить побег из этого мужского царства?

– Легче легкого. – И фон Браухич одарил ее очаровательнейшей из своих улыбок. – Вы прыгаете из окна спальни, летите сто метров вниз – и вот она, свобода!

Дамская комната на вокзале оказалась довольно непрезентабельным уголком, бедно обставленным грубо сколоченным столом, жесткими скамьями и стульями на выщербленном полу.

Превзойти его по части аскетичности могло бы только подобное учреждение в Англии. В черной железной печке угасал огонь.

Смит уселся на столик, поставил перед собой рацию, вынул из кармана шифровальную книжку и листок бумаги. Он проверил

текст, выпрямился и протянул книжку Шэфферу.

- Сожги! Каждую страницу отдельно.
- Каждую отдельно? Всю книжку. А она нам больше не понадобится?

Смит отрицательно покачал головой и взялся за настройку радиации.

В штабе разработки операций в Уайтхолле было гораздо теплее. Сосновые поленья весело трещали в огромном камине. Двое мужчин, сидевших по обеим его сторонам, выглядели далеко не такими молодцами, как двое тех, что сидели в эту минуту возле затухающих угольков в Баварских Альпах. Адмирал Ролленд и полковник Уайет-Тернер откровенно клевали носами. Но как только раздался сигнал вызова из большого передатчика, возле которого дежурил гражданский радист, сон как рукой сняло. Они переглянулись и вскочили с мест.

- Бродсворд вызывает Дэнни Боя. – Голос звучал тихо, но отчетливо.
- Бродсворд вызывает Дэнни Боя. Слышите меня?

Прием.

Радист проговорил в микрофон:

– Слышу вас. Прием.

– Готовы? Прием.

Ролленд и Уайет-Тернер стояли за плечом радиста, который быстро наносил на бумагу бессвязные буквенные сочетания. Через несколько секунд текст был расшифрован: "Торренс-Смиз убит, Томас, Кристиансен и Каррачола арестованы".

Пробежав глазами текст, Ролленд и Уайет-Тернер как по команде взглянули друг на друга с одним и тем же мрачным выражением лиц. А карандаш радиста выводил на бумаге дальнейший текст: "Неприятель считает, что Шэффер и я мертвы. Рассчитываем, войти внутрь в течение часа. Подготовьте транспорт через девяносто минут. Прием"

Адмирал Ролленд выхватил микрофон у радиста.

- Бродсворд! Бродсворд! Вы знаете, кто я, Бродсворд?
- Я знаю, кто вы сэр. Прием.
- Уходите. Бродсворд. Уходите немедленно. Спасайтесь.

Прием.

- Вы... должно быть... шутите. – Эти слова были произнесены медленно, с долгими паузами.
- Вы меня слышали? – Ролленд проговорил это особо отчетливо.
- Вы меня слышали? Это приказ, Бродсворд.
- Мэри уже там. Конец связи. Передатчик умолк.
- Он прекратил передачу, сэр, – тихо сказал радист.
- Прекратил, – автоматически повторил Ролленд. – Боже мой – прекратил.

Уайет-Тернер вернулся к камину и опустил в кресло. Он будто сделался меньше ростом.

- Это моя вина, – едва слышно прошептал полковник, невидяще посмотрев на адмирала Ролленда, севшего напротив. – Я один во всем виноват.
- Мы сделали то, что должны были сделать. Мы оба виноваты, полковник, к тому же идея была моя. – Он перевел глаза на огонь. – И за это мне отвечать особо.
- Это самый тяжелый день в моей жизни, – угрюмо проговорил Уайет-Тернер. – Хуже не придумаешь. Я, наверное, стал слишком стар.
- Все мы, наверное, стали слишком старыми. – Правым указательным пальцем Ролленд начал загибать пальцы левой руки. – Кабинет начальника штаба, Портсмут. Сработала сигнализация. Ничего не пропало. Раз.
- Ничего, – устало подтвердил Уайет-Тернер. – Но явно сняты фотокопии.
- Второе. Саутгемптон. Пропала схема передвижения кораблей. Третье. Плимут. Сигнализация в штаб-квартире ВМС не работает. И мы не знаем, что это означает.
- Можно догадаться.
- Догадаться можно. Дувр. Исчезает план гавани Малберри. Ошибка? Халатность? Неизвестно. Пятое. Пропал сержант охраны штаба в Бредли. Это может означать, что угодно.

Уайет-Тернер вернулся к камину и опустил в кресло. Он будто сделался меньше ростом.

– Это моя вина, – едва слышно прошептал полковник, невидяще посмотрев на адмирала Ролленда, севшего напротив. – Я один во всем виноват.

– Мы сделали то, что должны были сделать. Мы оба виноваты, полковник, к тому же идея была моя. – Он перевел глаза на огонь. – И за это мне отвечать особо.

– Это самый тяжелый день в моей жизни, – угрюмо проговорил Уайет-Тернер. – Хуже не придумаешь. Я, наверное, стал слишком стар.

– Все мы, наверное, стали слишком старыми. – Правым указательным пальцем Ролленд начал загибать пальцы левой руки. – Кабинет начальника штаба, Портсмут. Сработала сигнализация. Ничего не пропало. Раз.

– Ничего, – устало подтвердил Уайет-Тернер. – Но явно сняты фотокопии.

– Второе. Саутгемптон. Пропала схема передвижения кораблей. Третье. Плимут. Сигнализация в штаб-квартире ВМС не работает. И мы не знаем, что это означает.

– Можно догадаться.

– Догадаться можно. Дувр. Исчезает план гавани Малберри. Ошибка? Халатность? Неизвестно. Пятое. Пропал сержант охраны штаба в Бредли. Это может означать, что угодно.

- Да, что угодно. Там хранились схемы всех береговых передвижений войск по плану операции "Оверлорд".
- И, наконец, последнее. Получены донесения из Франции, Бельгии, Нидерландов. Четыре явно ложные. Три остальных невозможно проверить...
- Они надолго замолчали. Прервал паузу Уайет-Тернер.
- Если раньше могли быть какие-то сомнения, теперь они рассеялись. - Он сказал это, на поднимая глаз от огня. - Немцы всюду насовали своих людей, а у нас на континенте почти никого не осталось. И вот теперь пришла очередь Смита и его группы.
- Смит и его группы, - эхом отозвался Ролленд. - Смит и его группы. Их можно уже списать.
- Уайет-Тернер спросил, понизив голос так, чтобы не услышал радист:
- И операцию "Оверлорд", сэр?
- И операцию "Оверлорд" тоже, - пробормотал Ролленд.
- Разведка - главное в современной войне, - горько изрек Уайет-Тернер. - Я, кажется, не первый провозгласил эту истину?
- Без разведки как без рук. - Адмирал Ролленд нажал кнопку селектора. - Подайте мою машину. Вы со мной, полковник? На аэродром?
- И гораздо дальше. Если позволите, сэр.
- Мы ведь все обсудили, - пожал плечами адмирал. - Хотите кончить самоубийством?
- Уайет-Тернер достал из шкафа автомат "стен" и, повернувшись к Ролленду, улыбнулся:
- Нет. Но готов встретиться с неприятелем, сэр.
- Что ж, если так хотите... - без улыбки ответил адмирал.
- Слыхал, что сказал этот парень? - Смит выключил передатчик и стрельнул глазами в Шэффера. - Можем выйти из игры.
- Сейчас? Сейчас смываться? - зло переспросил Шэффер. - Разве не понятно, что, если мы смоемся, через несколько часов они доберутся до Мэри? - Он многозначительно помолчал, словно убеждаясь, что Смит постиг смысл сказанного, и закончил: - А как только они возьмут ее, через десять минут у них в руках будет Хайди.
- Ну, ты даешь, лейтенант, - попробовал урезонить его Смит, - ты всего-то пять минут и видел, ее.
- Ну и что? А сколько Антоний разговаривал с Клеопатрой? А Парис с Еленой? А Ромео? - Он запнулся и с вызовом выпалил: - И мне плевать, что она иностранка, из вражеской страны.
- Она родилась и выросла в Бирмингеме, - устало проговорил Смит.
- Англичанка?
- Пошли, - скомандовал Смит. - Давай отнесем рацию. С минуты на минуту могут заявиться посетители.
- Они отнесли передатчик в багажное отделение, заперли за собой дверь и уже приближались к воротам станции, когда послышался шум грузовиков, едущих с сиреной. Свет фар залил станционную площадь у ворот. Смит и Шэффер вжались в стену здания вокзала. Ведущий грузовик резко затормозил метрах в десяти от них.
- Они прошмыгнули через рельсы и спрятались в густой тени за помещением касс. Сержант, который руководил поисками на берегу озера, в сопровождении четырех солдат, вышибив из автомата замок, зашел в багажное отделение, светя фонарем.
- Почти тут же он вновь появился на пороге.
- Передайте капитану. Они не ввали. Снаряжение здесь! - Один из солдат побежал с донесением, а остальным он скомандовал: - Вытаскивайте их барахло и грузите в машину.
- Мои последние носки, - жалобно процедил Шэффер. - А также зубная щетка и...
- Он осекся. Смит схватил его за руку. Сержант остановил солдата, который тащил рацию, взял ее в руки и замер. Его освещенное чьим-то фонариком лицо хорошо было видно: удивление сменилось на нем сначала непониманием, а потом твердой

уверенностью.

– Капитан, – крикнул сержант. – Капитан! Офицер появился почти сразу.

– Рация, капитан! Она теплая, очень теплая! На ней работали не больше пяти минут назад.

– Не больше пяти минут назад? Невозможно! – Он уставился на сержанта. – Если только...

– Да, герр капитан, если только...

– Окружить станцию, – громко скомандовал капитан. – Обыскать все помещения.

– Господи, – простонал Шэффер. – Ну что бы им не оставить нас в покое!

– Живо! – скомандовал Смит. Он взял Шэффера за руку, и они двинулись вперед до знакомой двери в дамскую комнату. Стараясь не греметь, Смит в несколько секунд открыл отмычкой замок. Они вошли внутрь и заперлись.

– Эта строка не украсит моего некролога, – печально заметил Шэффер. Слова были сказаны легко, но смысл их был невесел.

– Какая именно?

– "Отдал жизнь за родину в женском туалете в Верхней Баварии". А что говорят наши друзья по ту сторону двери?

– Если заткнешься, можем услышать.

– Когда я говорю "все помещения", это значит все!

–пролаял капитан командным голосом. – Если дверь заперта, взломайте. Если не можете взломать замок, прострелите его. Если не хотите через пять минут сдохнуть, держите в уме, что это крайне опасные типы, наверняка вооруженные украденными "шмайсерами". И своего оружие у них полно. Не пытайтесь брать живыми. Стреляйте на поражение.

– Ну, слышал? – спросил Смит.

– Боюсь, что да.

Раздался щелчок – Шэффер взвел затвор. Они стояли плечом к плечу в полной темноте, прислушиваясь к звукам – переключке голосов, стуку прикладов о дерево, треску ломавшейся доски, случайной автоматной очереди: видимо, дверь никак не открывалась... Преследователи приближались.

– Так, теплее... – пробормотал Шэффер.

Невидимая рука, схватив за ручку дверь, яростно затрясла ее. Смит и Шэффер, не говоря ни слова, прижались к стене по обеим сторонам дверного проема. Тяжелый удар едва не вышиб дверь. Другой – и дверь начала подаваться. Еще два таких, подумал Смит, – и все. Но удары прекратились.

– Господи, Ганс, – сказал голос за дверью, – что у тебя в башке – ты что, читать не умеешь?

– А что? – начал было другой голос обиженным тоном, но тут же перешел на извиняющийся. – Damen! Mein Gott! Damen!

– Вот если бы ты провел столько лет, как я, на русском фронте... – дальше уже не было слышно.

– Благодарю тебя, Господи, за наше общее англосаксонское наследие, – жарко прошептал Шэффер.

– Ты это о чем? – осведомился Смит. Он опустил "шмайсер" и обнаружил, что ладони у него вспотели.

– О неуместном чувстве приличия, – пояснил Шэффер.

– Это чувство пришлось как нельзя более кстати, как и высокоразвитый инстинкт самосохранения, – сухо прокомментировал Смит. – Как по-твоему, хочется ли встречаться с парочкой патентованных убийц, вроде нас с тобой, зная, что первый, кто попадет под руку, тут же будет срезан автоматной очередью? Поставь себя на их место. Каково было этим ребятам? Тебе бы такое понравилось?

– Мне бы не понравилось, – честно признался Шэффер.

– Вот и им тоже. Поэтому они и схватились за первый же предлог не слишком усердствовать. Думаешь, они вправду решили, что нас тут никак не может быть? Просто им меньше всего на свете хотелось нас обнаружить.

– Идите вы со своей психологией. Главное – Шэффер спасен! Спасен!

– Не уверен, – отрезал Смит.

– А в чем дело? – осторожно поинтересовался Шэффер.

– Мы с тобой, – тоном школьного учителя объяснил Смит. – не единственные, кто способен поставить себя на место другого. Можешь смело прозакладывать свою башку за то, что и капитан, и особенно сержант кумекают не хуже нашего – видел, как он насчет рации-то сообразил. Кто-нибудь из них наверняка наткнется на эту закрытую дверь и заставит солдат рискнуть ради посмертного железного креста. То есть я хочу сказать, что Шэффер еще не спасен.

– Что же будем делать, босс? – тихо спросил Шэффер.

– Это уже не смешно.

– Организуем диверсию. Вот отмычка. Вставь ее в замок и будь готов повернуть в любой момент. Придется поспешить – этих ребят долго дурачить не получится.

Он достал гранату, прошел к окну в комнате. Оно замерзло, но Смит нащупал замок и тихонько приоткрыл раму. Крайне осторожно, дюйм за дюймом он увеличивал щель и наконец смог просунуть наружу голову.

Голову ему не отстрелили. Пятеро солдат, став цепью метрах в десяти от него, направили автоматы в сторону входной двери. Мечтают пристрелить, как кроликов, подумал Смит.

Его внимание привлек пустой грузовик, стоящий рядом со зданием – свет его фар и помог Смицу отыскать окно, в которое он сейчас глядел. Рассчитывая на то, что грузовик сделан по обычному типу, майор выдернул чеку, сосчитал до трех, швырнул ее под задние колеса и прижался к стене умывальной.

Два взрыва – гранаты и бензобака – раздались почти одновременно. На голову Смицу посыпались осколки разбитого стекла; в барабанные перепонки ударило взрывной волной. Смит не сделал никакой попытки узнать масштабы причиненных им разрушений – и менее всего из-за недостатка времени. Просто потому, что высунуть голову из окна в ярком зареве горящего грузовика значило бы совершить самоубийство. К тому же ветер погнал языки огня прямо на помещение, в котором они находились. Смит на четвереньках прополз через умывальную комнату и поднялся на ноги только в раздевалке.

Шэффер, держа в руке отмычку, вставленную в замок, при виде Смита тотчас приоткрыл дверь.

– В горы, босс? – осведомился он.

– В горы.

Железнодорожные пути, как и следовало ожидать, оказались безлюдны – все бросились к грузовику. Смит и Шэффер добежали до грузовика и не сбавляли темпа, пока не почувствовали себя в относительной безопасности на взгорье восточной границы деревни. Тут они наконец смогли перевести дыхание и поглядеть назад. Станция горела. Не то, чтобы вся занялась огнем, но рыжие сполохи и столбы черного дыма, поднимавшиеся в разных местах, оставляли мало надежды на то, что пожар можно будет скоро потушить.

– Не позавидуешь им сейчас, – сказал Шэффер.

– Да, пожалуй.

– Значит, они скорее всего смоются оттуда вслед за нами.

В замке они держат доберман-пинчеров и в лагере наверняка тоже. Приведут их на станцию, дадут чего-нибудь нашего понюхать, те возьмут след – вот и все. От Смита и Шэффера клочья полетят. Я еще могу справиться с егерями, босс, но перед доберман-пинчерами я пас.

– А я думал, ты только лошадей боишься.

– Мне все равно, лошади или доберманы. Я боюсь всех четвероногих. – Он бросил мрачный взгляд на горящую станцию. –

Ветеринар из меня бы не получился.

– Не грусти, – подбодрил его Смит. – Мы тут не задержимся настолько, чтобы успеть встретиться с твоими четвероногими друзьями.

– Нет? – недоверчиво переспросил Шэффер.

– Пора нам с тобой в замок. Мы ведь для того и явились.

Не забыл?

– Да нет, не забыл. – Языки пламени уже достигали метров десяти в высоту. – Вот пришли и загубили симпатичную

станцию...

– Это, между прочим, вражеская была станция, – напомнил Смит. – Пошли. Поглядим, какой прием нам подготовили в Шлосс Адлере.

Как раз в эту минуту Мэри Эллисон получила возможность оценить гостеприимство замка. Ей оно показалось весьма прохладным. Шагая вместе с фон Браухичем и Хайди, она оглядывала огромный зал: каменные стены, плиты, темный дубовый потолок. Дверь в дальнем конце зала открылась, и оттуда вышла девушка. В ней чувствовалась особая уверенность, даже властность; она не шла, а шествовала по огромному залу. Нельзя было не признать, что девушка была отменно хороша: высокая, белокурая, голубоглазая. Такую девушку можно было изображать на плакатах в третьем рейхе. Но смотрели эти голубые глаза очень холодно.

– Добрый вечер, Анна-Мария, – приветствовал ее фон Браухич. Его голосу тоже недоставало сердечности. – Это новенькая, фрейлейн Мария Шенк. Мария – это секретарь полковника, она курирует женский персонал.

– Долго добирались сюда, Шенк? – Голос у Анны-Марии был достаточно мягок, но жесткая интонация лишала его обаяния. Еще более ледяным тоном она обратилась к Хайди: – А вы почему здесь? Если мы и позволили вам обслуживать полковника, когда он принимает гостей...

– Хайди – кузина этой девушки, – резко оборвал ее фон Браухич. – И это я разрешил ей прийти сюда. – Последним подразумевалось, что ей не следует совать нос в чужие дела. Анна-Мария бросила на него выразительный взгляд, но не стала продолжать тему. Мало кто осмеливался возражать фон Браухичу.

– Сюда, Шенк, – Анна-Мария жестом указала на боковую дверь. – Я должна задать вам несколько вопросов. Мэри посмотрела на Хайди, потом на фон Браухича, который, пожав плечами, успокоил ее.

– Обычное дело, фрейлейн. Боюсь, вам придется это сделать.

Мэри вошла в комнату вслед за Анной-Марией. Дверь тяжело затворилась за ними. Хайди и фон Браухич переглянулись. Хайди поджала губы, и выражение лица у нее теперь было точно такое, как у Анны-Марии. Фон Браухич по-стариковски развел руками, демонстрируя свое бессилие. Не прошло и минуты, как причина его беспомощности сделалась явной. Из-за двери послышался громкий голос, шум короткой возни и, наконец, крик боли. Фон Браухич вновь обменялся взглядом с Хайди и сразу же отвел глаза, обернувшись на звук приближавшихся шагов. К ним подходил плотный, средних лет господин. Цивильная одежда никого не могла обмануть: обветренное лицо и выправка выдавали в нем армейского офицера. Выбритый до синевы, с бычьей шеей, низким лбом и цепкими голубыми глазами, он напоминал карикатуру на прусского улана времен первой мировой войны. Но он, конечно, не был всего лишь почтенным ископаемым: фон Браухич приветствовал его с подчеркнутым уважением.

– Добрый вечер, полковник Крамер.

– Добрый, капитан. Добрый вечер, фрейлейн, – голос у него оказался неожиданно мягкий и вежливый. – Ждете кого-то? Прежде чем они успели ответить, дверь открылась и вышли Анна-Мария и Мэри. При этом Мэри как будто вытолкнули из комнаты. Анна-Мария раскраснелась и несколько тяжело дышала, но сохранила свою арийскую надменность. Одежда Мэри была в беспорядке, волосы растрепались, на щеках виднелись следы слез.

– Все в порядке, – удовлетворенно объявила Анна-Мария. Увидев Крамера, она резко изменила тон. – Беседуем с новой служащей, герр полковник!

– В присущей вам профессиональной манере, как я вижу, – сухоотреагировал полковник Крамер, покачав головой. – Когда же мы наконец поймем, что порядочным юным девушкам не по нраву, когда шарят у них под юбкой, чтобы проверить, не куплено ли их бельишко где-нибудь на Пиккадили или на улице Горького?.

– Но требования безопасности... – начала было

оправдываться Анна-Мария.

– Да, да, – все так же недовольно перебил ее Крамер. – Но можно ведь поаккуратнее. – Он в раздражении отвернулся.

Наблюдение за женским персоналом не входило в обязанности заместителя шефа германской секретной службы. Пока Хайди помогала Мэри привести в порядок одежду, он обратился к Браухичу.

– Беспорядки в деревне?

– Не по нашей части, – ответил фон Браухич, – ищут дезертиров. Крамер улыбнулся.

– Я отдал приказ полковнику Вайснеру говорить именно так. Но, по-моему, наши новые друзья – британские агенты.

– Что?

– Ничего удивительного. Прилетели за Карнаби. – Крамер произнес эти слова безмятежным тоном. – Расслабьтесь, капитан. Все в порядке. Через часок троих из них мы послушаем. Мне хотелось бы, чтобы вы присутствовали при этом. Надеюсь, беседа покажется вам занимательной и, так сказать, поучительной.

– Их было пятеро. Я сам видел их у "Дикого оленя".

– Именно было, – уточнил Крамер. – Осталось трое. Остальные – старший группы и еще один – на дне озера. Они свалились с обрыва на повороте.

Мэри, стоявшая спиной к мужчинам, пока Анна-Мария помогала ей привести себя в порядок, замерла на месте с окаменевшим лицом. Хайди схватила ее за руку и быстро проговорила:

– Моя кузина неважно себя чувствует. Можно, я провожу ее в комнату?

– Хорошо, – махнула рукой Анна-Мария. – Отведите ее в ту, которую вы здесь занимали.

Комната была похожа на монашескую келью, только устланную линолеумом. Из мебели – аккуратно заправленная железная кровать, крохотный стол, один стул, подвесной шкафчик – вот и все. Хайди заперла за собой дверь.

– Слышала? – опустошенно спросила Мэри. Лицо ее было смертельно бледным.

– Слышала и не поверила.

– С чего бы им врать?

– Они не врут – они этому и сами верят, – резко ответила Хайди. – Будет тебе забивать голову любовной чепухой, пора трезво поразмыслить. Майор Смит не из тех, кто сваливается с обрыва за здорово живешь.

– Объясни, что ты хочешь сказать, Хайди.

– Тогда успокойся и слушай. Я убеждена, что он жив. А коли так, он обязательно явится сюда, и представь только, что тебя тут не окажется. Ведь он на тебя рассчитывает!

Мэри смотрела на Хайди отсутствующим взглядом.

– И если ты ему не сможешь помочь, он погибнет. Погибнет по твоей вине. Разве он бы так поступил на твоём месте? Мэри машинально покачала головой.

– Так вот, – быстро заговорила Хайди, достав из карманов и выложив на столик семь предметов. – Вот, смотри: "лилипут-21", автоматический, с двумя запасными обоймами; моток веревки, свинцовое грузило, план замка и инструкции, – она собрала все предметы со стола, прошла в угол, отогнула плинтус, спрятала их туда. – Тут никто не найдет.

Мэри посмотрела на нее долгим взглядом, и впервые за последние минуты в ее глазах мелькнул живой огонек.

– Ты знала, что плинтус отходит? – медленно проговорила она.

– Конечно, я сама его раскачала, две недели назад.

– Значит, ты уже тогда была в курсе?

– А как же? – улыбнулась Хайди. – Ну, желаю удачи, кузина. Оставшись одна, Мэри опустилась на койку и минут десять просидела без движения. Потом с усилием поднялась и подошла к окну. Оно выходило на север. Ей видны были опоры фуникулера, огни деревушки и темные воды озера. Но не это притягивало к себе взгляд, а сполох огня и столбы черного дыма, поднимавшиеся

к небу за деревней. Она открыла окно и осторожно выглянула. Как ни тяжела было ее состояние, Мэри почувствовала страх.

Базальтовая скала, на которой стоял замок, вертикально падала вниз на добрые три сотни метров. У девушки даже закружилась голова.

Внизу слева вагончик фуникулера, оставив верхнюю станцию, начал свое движение вниз, в долину. Хайди, высунувшись из полуоткрытого окна, махала рукой, надеясь, что ее увидят. Но глаза Мэри застилали слезы. Она бессильно упала на кровать и вновь предалась тяжелым мыслям о Джоне Смите: жив ли он? И что это за пожар там внизу, в долине?

Пробираясь по задворкам деревенских домов, Смит и Шэффер старались по возможности держаться в тени. Впрочем, Смит скоро понял, что эта предосторожность излишня: всеобщее внимание привлек пожар на железнодорожной станции. Улица, ведущая в ее сторону, была забита солдатами и местными жителями. Да, решил про себя Смит, пожар удался на славу: на сотни метров в округе можно было видеть осветившее небо багровое зарево. Прямо-таки учебно-показательный диверсионный акт. Они подошли к одному из немногих в деревне каменных строений – большому, барачного типа помещению с крепкими двойными дверями, выходящими во двор. Сам двор был похож на свалку автомобилей. Остовы машин, с негодными моторами и лысыми колесами, громоздились в куче вместе с заржавленными деталями. Миновав эти железные дебри, Шэффер открыл отмычкой заднюю дверь гаража, и, светя перед собой фонарями, они вошли внутрь.

Часть гаража занимали токарные станки и стеллажи с инструментами. Но почти все пространство было заставлено самыми разнообразными транспортными средствами, в основном, далеко не новыми. Смит сразу обратил внимание на большой желтый автобус прямо у входа. Обыкновенный альпийский почтовый автобус, который легко было узнать по выдвинутому почти к середине задним колесам для обеспечения маневренности на извивах горных дорог. Спереди на шасси был укреплен специальный снегоочиститель. Смит вопросительно взглянул на Шэффера.

- Полезная штука, как по-твоему?
- Еще какая полезная. Жаль, что я не такой оптимист, чтобы всерьез надеяться не то, что нам удастся реализовать эту пользу. А как вы пронюхали про этот автобус?
- Я, как ты понимаешь, не ясновидящий. Располагал соответствующей информацией.

Смит забрался в кабину водителя. Ключ зажигания оказался на месте. Смит повернул его, и стрелка на приборном щитке показала, что бензина залито почти полбака. Он проверил фары – они горели. Нажал на стартер, и мотор тут же заработал. Смит его выключил. Шэффер с интересом наблюдал за этими действиями.

- Надеюсь, что у вас есть необходимое разрешение на вождение такого рода транспорта, босс?
- У меня на все есть разрешение. Оставь половину взрывчатки в автобусе и поторапливайся. Хайди должна прибыть с первым фуникулером.

Смит вылез из кабины, подошел к выходу, открыл верхний и нижний засовы и легонько толкнул обе половины дверей. Те немного подались, но не открылись.

- Закрывать на висячий замок, – бросил Смит. Шэффер оглядел массивный стальной снегоочиститель на передке автобуса и с притворным сожалением покачал головой.
- Бедный старый висячий замок.

Снегопад прекратился, но ветер, дувший с запада, не унимался и мороз крепчал. Ветер быстро гнал по небу темные тучи. Долина то скрывалась во мраке, то окуналась в яркий лунный свет, заливавший ее через просветы облаков. И только над окраиной деревни стояло ровное кровавое свечение: пожар еще не закончился.

Вагончик фуникулера приближался к нижней станции. Раскачиваемый яростным ветром, он, казалось, вот-вот сорвется с высоты и рухнет. Но чем ниже он спускался, тем ровнее было движение. Наконец, дернувшись в последний раз, вагончик

остановился. Из него вышла единственная пассажирка – Хайди. Смертельно бледная. Спустившись по лесенке и ступив на твердую почву, она вдруг встала как вкопанная: кто-то поблизости насвистывал "Лорелею". В глубокой тени угадывались две фигуры в белом.

– Майор Смит не из тех, кто ни за что, ни про что сваливается в пропасть, – невозмутимо проговорила она. Но, поддавшись порыву, быстрым жестом обняла и поцеловала обоих мужчин в щеку. – Однако вы порядком заставили меня поволноваться.

– Мне очень нравится, как вы это делаете, – сказал Шэффер.

– Но насчет Смита, конечно, никогда не стоит волноваться. Хайди жестом указала в сторону, откуда несло гарью.

– Ваших рук дело?

– Это мы нечаянно, – скромно заметил Смит.

– Да, он малость ошибся, – добавил Шэффер.

– Тоже мне, два брата-акробата, – поддержала их шуточный тон Хайди. И вдруг посерьезнев, сказала:

– Мэри решила, что вас обоих уже нет в живых.

– Зато Вайснер убежден в обратном. Он пронюхал, что машина свалилась в озеро без нас. И теперь его люди идут за нами по следу.

– Ничего удивительного, – пробормотала девушка. – Вы что, думали, будто эдакий фейерверк останется незамеченным? – И, помолчав, хмуро добавила: – Не они одни за вами охотятся. Крамеру стало известно, что вы английские диверсанты, явившиеся, чтобы выкрасть генерала Карнаби.

– Та-ак, – задумчиво протянул Смит. – Хотелось бы мне знать, что за птичка щебечет на ушко Крамеру. Это очень голосистая птичка, с дальним диапазоном.

– О чем вы?

– Да так, ни о чем. Пустяки.

– Ничего себе – пустяки! Вы что, не понимаете? – В голосе ее зазвенело отчаяние. – Ведь они знают – или в любую минуту узнают, – что вы живы. Они знают, кто вы. А значит – ждут вас.

– Вы, однако, не учитываете некоторые тонкости, Хайди, – вмешался Шэффер. – Им неизвестно, что мы в курсе того, что они наготове.

– Игра вслепую, лейтенант. И добавьте вот что: ваши друзья с минуты на минуту будут в замке.

– Их везут на допрос? – спросил Смит.

– Вряд ли пригласили на чай, – связвила Хайди.

– Ну и славно, – кивнул Смит. – И мы с ними туда заявимся.

– В одном фуникулере? – Не столько словами, сколько интонацией, Хайди выразила сомнение в здравом уме Смита.

– Я же не сказал, что мы поедем внутри вагончика. Смит посмотрел на часы:

– Почтовый автобус, который стоит в гараже Шульца. Будь там через час двадцать. И захвати пару ящиков пустых бутылок из-под пива.

– Захватить пару... ну да, конечно. – Она убежденно покачала головой. – Вы оба сошли с ума.

– Она нас просто насквозь видит, – восхитился Шэффер и, внезапно сменив тон, прибавил: – Помолись за нас, девочка. А если не умеешь, скрести пальцы, да так, чтобы они хрустнули.

– Пожалуйста, возвращайтесь, – дрогнувшим голосом проговорила Хайди. Она хотела еще что-то сказать, но раздумала, резко повернулась и зашагала прочь. Шэффер проводил ее восхищенным взглядом.

– Вот идет будущая миссис Шэффер, – объявил он. – Слегка норовистая и непредсказуемая, – он помедлил, что-то взвешивая про себя, – зато забавная. По-моему, она едва не разрыдалась к концу беседы.

– Тебя бы на ее место – посмотрел бы я, каким бы ты стал. Она, между прочим, здесь уже два с половиной года, – невесело сказал Смит.

– Может, ей было бы полегче, знай она побольше о том, что

происходит.
 – Мне недосуг объясняться на каждом шагу.
 – Это мы уже слышали. До чего же вы скрытный, босс.
 – Возможно. – Смит взглянул на часы. – Что-то они не торопятся.
 – Типун вам на язык! – Шэффер помолчал. – А когда... ну, то есть, если мы будем сматываться отсюда, она уйдет с нами?
 – Кто – она?
 – Хайди, конечно!
 – "Хайди, конечно". Если наше дело выгорит, оно выгорит только с помощью Мэри, а Мэри представилась кузиной...
 – Понял. – Шэффер опять взглянул на удаляющуюся фигурку и мечтательно покачал головой. – Она произведет фурор в гриль-баре "Савой"!

Глава 6

Медленно текли секунды, превращаясь в минуты, минуты невыносимо долго тянулись, пока наконец не прошло четверть часа. Свет луны и глухой мрак много раз успели сменить друг друга, пока низкие, тяжелые тучи не заволокли все небо, и жестокий мороз пробрал до костей двух ожидающих на морозе мужчин. Ничего не поделаешь: им приходилось ждать, потому что без этого они не могли проникнуть в замок.

Ждали они молча, каждый погружившись в свои мысли. Смит не знал, что сейчас в голове у Шэффера. Может, тот воображал себя героем романтических приключений в лондонском Вест-Энде. Мысли самого Смита были не столь возвышенными и относились к ближайшему будущему. Его очень серьезно беспокоил холод, который мог оказаться препятствием на пути в замок. С каждой минутой его пробирало все глубже, и нельзя было ни минуты простоять, не хлопая себя по бокам и не переминаясь с ноги на ногу. То, что им предстояло, требовало максимальной концентрации физической энергии и быстрой реакции – из-за холода они быстро теряли и то и другое. Он попытался было предположить, сколько опытный букмейкер мог бы поставить против их шансов на проникновение в замок, но идея как-то зачихала. Во-первых, альтернативы, как ни малы были шансы на успех, он все равно не видел, а во-вторых, он просто не успел продумать ее досконально, потому что наконец подоспели те, кого они ждали.

Два автомобиля – первый с воющей сиреной и горящими фарами – въехали на улицу как раз в тот момент, когда луна в очередной раз засияла между туч, залив долину светом. Смит и Шэффер взглянули на луну, потом друг на друга и молча отступили поглубже в тень. Металлический лязг затворов их "шмайсеров" отчетливо прозвучал в морозной тиши. В тот же миг умолкли моторы автомобилей и погасли фары. Солдаты, выскочившие из них, выстроились в цепочку, готовясь пересечь в вагончик фуникулера. Смит насчитал их дюжину: офицер, восемь охранников, а с ними Каррачولا, Томас и Кристиансен. Все восемь солдат держали автоматы на изготовку, и это казалось излишней предосторожностью, потому что руки пленников были связаны за спиной. Следовательно, автоматы предназначались не им, а на случай нападения. Им с Шэффером есть чем гордиться, подумал Смит. И тем не менее, если бы немцы знали истинную причину его, Смита, присутствия в Баварии, они знали бы и то, что могли охранять своих пленных одним пугачом, и никто бы на них не посягнул.

Последний из дюжины вошел внутрь станции. Смит тронул Шэффера за плечо. Они быстро и бесшумно прыгнули на оледеневшую покатую крышу станции и с трудом проползли к ее краю, под которым должен был пройти вагончик, направляясь к замку. Риск был, конечно, велик: случись в этот момент на улице какой-нибудь прохожий, маскировочные костюмы не спасли бы их. К

счастью, никого не было. Пожар, это бесплатное представление, которое они устроили для публики, стянул туда всех желающих развлечения. А когда вагончик тронулся вверх, луна скрылась в тучах. Дождавшись, когда край вагончика показался под крышей станции, они свесили ноги с края и, схватившись за тросы, спустились на крышу фуникулера.

Мэри, мягко и бесшумно ступая, шла вдоль скудно освещенного, выложенного каменной плиткой коридора, отсчитывая двери, мимо которых проходила. Возле пятой она остановилась, приложила к ней ухом, заглянула в замочную скважину, тихонько стукнула и подождала ответа. Его не последовало. Она постучала еще, погромче – ей опять никто не ответил. Тогда она попробовала ручку и обнаружила, что дверь заперта. Она достала из маленькой сумочки набор отмычек. Дверь поддавалась, и она, проскользнув внутрь, закрыла ее за собой и включила свет.

Комната была значительно лучше той, что дали ей, хотя железная койка стояла точно такая же. Стены были увешаны коврами, у стен стояли два кресла и стул, на спинке которого висела форма обер-лейтенанта. Еще там стоял большой шкаф, комод, на стеклянной крышке которого лежали кобура, пистолет и бинокль. Мэри заперла дверь, вынула ключ, подошла к окну, подняла стекло и посмотрела вниз. Окно находилось прямо над крышей верхней станции фуникулера, край которой был встроен в стену замка. Она достала из сумочки свинцовое грузило с привязанной к нему леской, положила на койку, взяла бинокль и поймала в объектив станцию. Дрожа от ледяного ночного ветра, внимательно оглядела сперва ее, потом скользнула глазами по тросам. Внизу неясно вырисовывалась коробка вагончика, одолевавшего дистанцию между нижней и средней опорой. Он всю раскачивался от ярых порывов ветра.

Смит и Шэффер лежали, распластавшись на крыше, отчаянно цепляясь за скобу подвески, единственное, за что можно было держаться. Крыша вагончика была покрыта толстым слоем льда, ногам не во что было опереться, и их тела с каждым рывком скользили из стороны в сторону. Но физическая нагрузка, от которой неимоверно болели руки и плечи, все же была не самым худшим в их положении: худшее ждало впереди.

Шэффер, свесив голову, посмотрел вниз. От этого страшного зрелища у него закружилась голова. Казалось, что изогнувшаяся подковой долина, раскачивается все сильнее. Вверху, тоже раскачиваясь, маячили огни Шлосс Адлера. Путешествие походило на аттракцион "чертового колеса" и "американские горки", только тут не было страховочных ремней и прочих средств, благодаря которым можно спокойно достичь конечного пункта. Шэффер зажмурился, опустил голову между вытянутых рук и тяжело вздохнул.

– Все еще считаешь, что худшее транспортное средство – это лошади? – спросил Смит прямо на ухо.

– Где мои ковбойские сапоги и седло! – ответил Шэффер и добавил с еще большим жаром: – О, нет, нет, только не это!

Опять блеснула сквозь тучи луна, залив фигуры двух мужчин бледным светом. Выждав момент, когда пришлось не столь сильно напрягаться, они натянули капюшоны маскхалатов и попытались по возможности вжаться в обледеневшую крышу.

В Шлосс Адлере двое наблюдали за продвижением вагончика, ярко освещенного луной. Мэри в бинокль теперь хорошо были видны фигуры двух мужчин на его крыше. С полминуты она смотрела вниз, нацелив на них бинокль, потом отвернулась с остановившимися невидящими глазами. А в пятнадцати метрах от нее, часовой с автоматом наперевес, обходивший поверху крепостные стены, остановился, тоже глядя на вагончик. Но стоял он недолго. Теплые сапоги, перчатки и шарф, которым он был укутан до глаз, не спасали от холода. К тому же у него не было бинокля. Он хладнокровно отвернулся и возобновил свой путь.

– А здорово оно ей идет, правда? – спросил вдруг Шэффер. Лицо у него было напряженное и полное отчаяния. – Красивое

имя.

– О чем ты?

– О Хайди.

– О, Господи! – Смит смотрел на быстро приближающуюся станцию. – Вообще-то ее зовут Этель.

– Зря вы мне это сказали. – Шэффер попытался ответить сердито, но у него плохо получилось. Он проследил за взглядом Смита и, после паузы, медленно произнес: – Боже, поглядите-ка, какой скат у крыши этой станции!

– Я и смотрю, – Смит достал свой клинок. – Приготовь нож. И ради Бога, не вырони.

Передняя часть вагончика въехала под навес верхней станции. Еще через секунду подвеска ушла туда же, а Смит, подтянувшись, перекинул тело на крышу. Правой рукой он изо всех сил ударил ножом в ее ледяную кору. Лезвие твердо вошло в деревянную поверхность. Меньше чем через секунду Шэффер приземлился рядом и воткнул нож перед собой. Он сломался у самого основания. Шэффер разжал ладонь и выронил рукоятку. И хотя он тут же стащил зубами перчатку с левой руки и обеими руками, что было силы, вцепился в лед, он продолжал скользить вниз. Ноги не находили опоры, и он понял, что обречен: сейчас соскользнет с края крыши и полетит вниз, пока не упадет на камни.

Смит не сразу понял, что происходит. Он обернулся, увидел белое как полотно отчаянное лицо, пальцы, царапающие лед, и успел ухватить товарища за правое запястье с такой силой, что Шэффер – даже в таких обстоятельствах – вскрикнул от боли.

Несколько секунд они лежали, распростертые на крутом скате крыши, и жизнь их обоих держалась на лезвии ножа, воткнутого в деревянную кровлю. Потом Шэффер начал медленно продвигаться вперед. Через полминуты он лежал рядом со Смитом.

– Это только нож, а не ледоруб, – прохрипел Смит. – Он ненадежен. У тебя есть другой нож?

Шэффер отрицательно покачал головой. Голос ему отказал.

– А крюк?

Шэффер опять мотнул головой.

– Фонарь?

Шэффер кивнул и с трудом вытащил фонарь.

– Открути доньшко, – приказал Смит, – выброси батарейку.

Шэффер левой рукой вытащил батарейку, сплюснул пустой цилиндр и всадил фонарь в лед впереди себя. Потом пошевелил правой. Смит ослабил руку и улыбнулся.

– Теперь сам постарайся удержать меня. Шэффер схватил майора за правое запястье. Смит осторожно убрал руку с рукоятки ножа. Теперь оба они держались на фонаре, который Шэффер воткнул в лед. Смит расковырял ножом лед и проделал в кровле углубление, за которое можно было ухватиться. Потом он передал нож Шэфферу, стащил халат, смотал с себя страховочную веревку и привязал свободный конец к ремню Шэффера.

– Продержись немножко?

– Продержусь ли? – Шэффер попробовал то и другое на прочность. Силы к нему потихоньку начали возвращаться. – Да после того, что я пережил – я, как обезьяна, на пальму вскочу!

Мэри отошла от окна и положила бинокль на комод. Руки ее дрожали, и металлическая оправа клацнула о стекло, как кастаньеты. Она вернулась к окну и спустила вниз леску с грузом.

Смит одолел последний метр склона, подхватил Шэффера за руку, встал во весь рост на плоском участке кровли и смотал с себя оставшуюся веревку. Шэффер, несмотря на мороз, чувствовал себя как в "арной". Он вытер лоб.

– Брат мой! – выговорил он и опять вытер лоб. – Если когда-нибудь смогу оказать тебе услугу, скажем, бесплатно подвезти...

Смит ухмыльнулся, хлопнул американца по плечу, поймал конец выброшенной из окна лески, привязал к своей страховке и пару раз дернул. Веревка поползла вверх – это Мэри вытягивала

ее через карниз. Дождавшись, когда веревка дважды дернулась в знак того, что ее надежно закрепили, Смит начал подъем. Он уже добрался до середины, когда из туч показалась луна. На фоне белой стены замка он в своем егерском мундире был прекрасно виден. Смит замер, не смея шевельнуться, чтобы не привлечь внимания часовых. Шэффер осторожно озирался, лежа на краю крыши. Охранники с собаками по-прежнему патрулировали местность. Стоило кому-то из них взглянуть вверх – и Смицу конец. Каким-то шестым чувством почуяв опасность, Шэффер бросил взгляд вверх и увидел часового, который, обойдя в очередной раз вверенную ему территорию, остановился, глядя далеко в долину на неугасающий пожар. Опустив он чуть-чуть глаза – и заметит Смита. Шэффер вытащил "люгер" с насаженным на ствол глушителем, и приладил его через левое запястье, как делают полицейские. Он не сомневался, что уложит часового с одного выстрела, только надо правильно выбрать момент. Если часовый приметит их, он, пожалуй, успеет дать сигнал или спрячется за парпетом, прежде чем Шэффер выстрелит. А если сразу застрелить его, глядишь, он свалится со стены и грохнется прямо под ноги патрулю. Впрочем, это необязательно: убойная сила "люгера" скорее всего собьет его с ног навзничь. Шэфферу еще не доводилось стрелять в ничего не подозревающего человека, но сейчас он вполне хладнокровно готов был это сделать. Он прицелился часовому в грудь и начал нажимать на спусковой крючок. В этот момент луна скрылась в облаках.

Шэффер медленно опустил "люгер". И еще раз вытер пот со лба. Кажется, никогда в жизни он так не потел, как в эту ночь.

Смит достиг окна, вскарабкался на подоконник, дернул два раза веревку, подавая знак Шэфферу, и спрыгнул в комнату. В ней было темно. Едва он успел разглядеть железную дужку кровати, к которой была привязана для верности веревка, как чьи-то руки обхватили его за шею и кто-то невидимый зашептал ему прямо в ухо что-то невразумительное.

– Полегче, полегче, – запротестовал Смит; он еще не отдышался и жадно ловил ртом воздух, но все же нашел в себе силы нагнуться и поцеловать девушку.

– Не по инструкции ведете себя. Ну ладно, на этот раз не стану докладывать начальству.

Она еще не отпускала его, молча прижавшись к его плечу, когда в окне появился Шэффер. Он устало перекинулся через подоконник и рухнул на койку, дыша как рыба, выброшенная на берег.

– Что, в этой дыре лифт не предусмотрен? – спросил он, запинаясь после каждого слова.

– Тренироваться нужно, – без всякого сочувствия обронил Смит. Подойдя к двери, он повернул выключатель и поспешно выключил его. – О, черт, подними веревку и задвинь занавески.

– Вот так обращались римляне с рабами на галерах, – уныло сказал Шэффер. Но все же проворно смотал веревку и задернул шторы. Потом убрал веревку в вещмешок, в котором лежали их маскхалаты, "шмайсеры", ручные гранаты и взрывчатка. Когда он завязывал мешок, послышался звук поворачиваемого в замке ключа.

Смит жестом приказал Мэри оставаться на месте, а сам стал за дверь. Шэффер ловко распластался под кроватью со скоростью, не вязавшейся с усталостью, которую он только что демонстрировал. Дверь отворилась, и в комнату вошел молодой обер-лейтенант.

Увидев Мэри, которая прижала палец к губам, он стал как вкопанный. Лицо его изобразило глубокое недоумение, которое сменилось довольной улыбкой. Через секунду после удара Смита он, закатив глаза, рухнул на пол. Пока Смит углубился в изучение плана замка, который дала ему Мэри, Шэффер связал обер-лейтенанта, сунул ему в рот кляп и запихнул в шкаф, дверцу которого для верности подпер спинкой кровати.

– Я готов, босс.

– Сейчас выходим. Маршрут таков. Налево, вниз по лестнице, третья дверь. Золотая гостиная, где полковник Крамер вершит свой суд. Выходим через галерею менестрелей.

– Каких таких менестрелей? – осведомился Шэффер.

– Менестрели – это бродячие певцы. Далее по правой стороне перейдем в восточное крыло. Опять вниз, вторая дверь слева – коммутатор.

– А туда зачем? Мы же перерезали провода.

– Кроме тех, что связывают замок с казармами. Хочешь, чтобы сюда пригнали батальон егерей? – Он обернулся к Мэри. – Геликоптер еще здесь?

– Когда я шла сюда, был здесь.

– Геликоптер? – удивился Шэффер. – А при чем тут он?

– При том. Во-первых, они могут на нем вывезти Карнаби, все же они нервничают, пока мы с тобой на свободе. Во-вторых, с его помощью можно помешать нам уйти.

– Если мы доживем до этого прекрасного момента.

– Вот именно. Поэтому хорошо бы его обездвигить. Как вы насчет геликоптеров, лейтенант Шэффер, кумекаете? Согласно вашему досье, вы были отличным гонщиком и квалифицированным механиком, пока вас не соскребли со дна сусека.

– Я доброволец, – гордо произнес Шэффер. – А что касается квалификации, судить не мне. Но ежели мне дадут в руки хороший молоток, я обездвигу что угодно – от бульдозера до велосипеда.

– А если без молотка?

– Тогда придется пошевелить мозгами.

– Нельзя ли взглянуть на эту машину, Мэри? – спросил Смит.

– Пожалуйста, – она показала на дверь. – Все окна в коридорах замка выходят во двор.

Смит открыл дверь, выглянул в коридор и, убедившись, что там никого нет, подошел к окну. Шэффер стал рядом. Луна не влияла на состояние освещенности во дворе Шлосс Адлера. У входных ворот горели две большие дуговые лампы. Третья – в противоположном конце, над входом в сам замок. На западной и восточной стенах находились четыре мощных аварийных фонаря. Кроме того, свет лился из десятка окон. А ярче всего сияла дуговая лампа прямо над геликоптером. Мужчина в зеленом комбинезоне и форменной фуражке все еще копался в моторе. Смит тронул Шэффера за плечо, и они вернулись в комнату, где ждала их Мэри.

– Дело простое, – объявил Шэффер. – Ну, чтобы эта стрекоза не взлетела. Подхожу к главному входу, укладываю четверку охраны, душу четырех доберманов, отстреливаю еще двух – трех ребят из патруля, потом человек двадцать из тех, что пьют пиво через дорогу, устраняю парня, который возится с мотором, и вырубаю вертолет. Ну, последнее уже пустяки.

– Придумаем что-нибудь, – успокоил его Смит.

– Спору нет, вы обязательно придумаете что-нибудь. Чего я и боюсь.

– Не будем терять время. План нам больше не нужен, – Смит сложил бумагу, протянул Мэри и нахмурился, увидев, что в сумочке у нее лежит "лилипут".

– Его надо при себе носить, а не в сумочке. А вот это, – он протянул ей маузер, который отобрал у полковника Вайснера, – положи в сумочку.

– Я у себя в комнате переложу, – заупрямилась Мэри.

– Если стесняетесь нахальных американских лейтенантов, – грустно предположил Шэффер, – то зря. Не тот я теперь стал.

– Он теперь думает о высоких материях, – пояснил Смит и посмотрел на часы. – Мы отлучимся на полчаса.

Они бесшумно проскользнули в дверь и быстро зашагали вдоль по коридору, ничуть не стараясь прятаться. Мешок со "шмайсерами", веревкой, гранатами и взрывчаткой небрежно висел на плече у Смита. Они прошли мимо солдата в очках, с ворохом бумаг в руках, и девушки с полным подносом, но никто не обратил на них никакого внимания. Они повернули направо, спустились на три этажа вниз. Еще один короткий переход с дверями по обеим сторонам – и выход во двор. Смит отворил дверь и выглянул наружу. Все выглядело как в описании Шэффера – масса вооруженной охраны, собаки. Механик все еще возился с мотором. Бесшумно прикрыв входную дверь, Смит попробовал ту, что была

справа. Она оказалась запертой.

– Последи, как бы кто не возник в коридоре, – сказал он Шэфферу.

Шэффер стал на страже, Смит достал из кармана отмычки. С третьей попытки дверь поддалась. Комнату освещали огни дворовых фонарей. Это был, как видно, противопожарный пост. На стенах висели пожарные рукава, асбестовые костюмы, каски и топоры, помпы, огнетушители и прочий инвентарь.

– Идеально, – пробормотал Смит.

– Лучше не придумаешь, – согласился Шэффер. – А вы что имеете в виду?

– Если тут кого-нибудь запереть, – пояснил Смит, – его не обнаружат, пока в замке не начнется пожар. Так? – он подвел Шэффера к окну. – Этот парень у вертолета, он вроде твоего роста, да?

– Откуда мне знать. Но если вы что-то такое взяли себе в голову, то я об этом и знать не хочу. Смит закрыл ставни и включил верхний свет.

– Есть идеи получше?

– Дайте минутку подумать, – жалобно ответил Шэффер.

– Я не могу дать тебе того, чего у меня нет. Снимай китель и держи "люгер" наготове, я сейчас вернусь.

Смит вышел, оставив дверь незапертой. Пройдя по двору, он остановился у трапа вертолета и посмотрел на высокого широкоплечего парня с умным, расстроенным лицом. Небольшое удовольствие работать на морозе с металлом голыми руками, подумал Смит.

– Вы пилот? – спросил он.

– Ведь не подумаешь, да? – угрюмо отреагировал парень в комбинезоне. Он отложил гаечный ключ и подышал на замерзшие пальцы. – У меня на эту машину два механика, один крестьянин из Швабии, другой – молотобоец из Гарца. Так что, если я хочу остаться в живых, надо самому крутиться. А вам чего?

– Да не мне. Рейхсмаршалу Роземейеру. Он спрашивает вас по телефону.

– Рейхсмаршал? – удивился пилот. – Да я говорил с ним четверть часа назад.

– Звонок из канцелярии в Берлине. Кажется, срочное дело.

– Смит изобразил голосом нетерпение. – Лучше поторопиться.

Пройдите через главный вход, первая дверь направо.

Пока пилот спускался вниз, Смит, стоя сбоку, оглядывался вокруг. Охранник с собакой на поводке не обращал на них никакого внимания. Лицо его посинело от холода, руки он засунул глубоко в карманы, подбородок утонул в воротнике. Следуя за пилотом к входу в замок, Смит расстегнул кобур "люгера".

Ему не хотелось бить пилота рукояткой по затылку, но выбора не было. Как только пилот вошел в боковую дверь и увидел направленный в упор "люгер" Шэффера, он чуть было не закричал, и Смиту одним ударом пришлось уложить его на пол.

Они сняли с лежащего без сознания пилота комбинезон, связали ему руки, сунули в рот кляп и оставили лежать в углу. Шэфферу комбинезон пришлось не очень-то впору – но он редко на ком сидит, как влитой. Лейтенант надвинул низко на лоб фуражку пилота и вышел.

Смит выключил свет, поднял занавески, приоткрыл окно и стал у окна с "люгером" в руке. Шэффер поднимался по трапу к вертолету. Охранник с собакой как раз приблизился к нему, хлопая себя руками по бокам, чтобы согреться. Через полминуты Шэффер уже спустился вниз с инструментом в руках. Он поднес к глазам какую-то деталь, огорченно покачал головой, по-приятельски махнул безразличному охраннику и направился к главному входу. Когда он вошел в пожарную комнату, Смит уже закрыл окно и включил свет.

– Быстро сделано, – похвалил Смит.

– Страх дал ему крылья, – мрачно продекламировал Шэффер.

– Я всегда быстро действую, если нервничаю. Видали, какие зубищи у этой псины? – Он швырнул на пол деталь, которую принес с собой, и смял ее ногой. – Распределитель зажигания. Голову даю на отсечение – второй такой штуки не найти во всей

Баварии. Во всяком случае, для этого двигателя. А теперь вы, наверное, пошлете меня изображать телефонную барышню.

– Нет. Прибережем твои актерские способности для другого случая. А нынче ночью изображать тебе придется только лейтенанта Шэффера, простака–американца за границей.

– Ну, это ерунда, – невесело сказал Шэффер.

– Надо, однако, взглянуть, как далеко они успели зайти со стариной Карнаби–Джонсом. Потопали.

Поднявшись на два этажа вверх и пройдя до середины коридора, Смит остановился у двери и подал знак Шэфферу, который тут же щелкнул выключателем. Свет погас. Смит осторожно приотворил дверь. Они проскользнули в щель. Это была даже не комната, а огромный зал. В дальнем конце ярко горели три больших канделябра, но там, где стояли сейчас Смит и Шэффер, царил тьма. Они очутились на галерее менестрелей, которая опоясывала зал. Она была заставлена рядами деревянных скамеек, по одну сторону двери располагался исполнительский пульт, по другую – органные трубы. Вероятно, строитель замка обожал органную музыку и хоровое пение. С середины галереи спускались ступени лестницы с причудливыми резными перилами. Точное название – "золотая гостиная", подумал Смит. Все здесь было золотым или позолоченным. Целую стену занимал ковер золотистых тонов, пушистый ворс которого заставил бы позеленеть от зависти полярного мишку. Тяжелая барочная мебель, украшенная змеями и горгульями, была покрыта позолотой, мягкие диваны и глубокие кресла обиты пыльной золотой парчой. Золотые канделябры на инкрустированной золотом каминной доске отражались в огромном зеркале, взятом в золотую раму. Тяжелые гардины тоже были из чего-то золотого. Странно, что довершал картину простой дубовый потолок, но, возможно, позолота с него за давностью лет обсыпалась. Так или иначе идея эдакой роскоши могла прийти в голову только какому-нибудь безумному баварскому монарху.

У каминного огня сидели трое мужчин, судя по их виду, приятно беседующие за чашечкой послеобеденного кофе с рюмкой коньяка. Напитки подавала – конечно, на золотом подносе – Анна–Мария. Она, кстати слегка нарушала однообразие: вместо золотой парчи оделась в узкое белое шелковое платье, которое, впрочем, очень шло к ее белокурым волосам и красивому загару.

Спиной к Смицу сидел человек, которого он прежде не видел, но уверенно опознал – это был полковник Пауль Крамер, заместитель начальника немецкой секретной службы, которого английские коллеги признавали самой выдающейся фигурой в немецкой разведке. С этим надо держать ухо востро, подумал Смит. Про Крамера говорили, что он никогда не повторяет своих ошибок, впрочем никто не помнил, чтобы он вообще совершил когда-либо хоть одну ошибку. Полковник Крамер долил себе из бутылки "Наполеона", стоявшего на столике возле кресла, и взглянул сперва на соседа слева – высокого, стареющего, но хорошо сохранившегося мужчину с нахмуренным лицом, в форме рейхсмаршала, потом на того, что сидел напротив – седовласого, внушительного вида господина в форме генерал–лейтенанта американской армии. На глаз трудно было определить, у кого из генералов больше наград на мундире. Крамер пригубил коньяк и устало проговорил:

– Вы очень осложняете мою задачу, генерал Карнаби. Весьма, весьма осложняете.

– Вы сами создаете себе трудности, мой дорогой Крамер, – в тон ему ответил Картрайт Джонс. – Вы и генерал Роземейер. А на самом деле никаких проблем нет. – Он повернулся к Анне–Марии и улыбнулся. – Нельзя ли мне получить еще немножко вашего замечательного коньяка, дорогая. У нас в штабе союзников ничего подобного не подают. Умеете же вы, господа, наслаждаться жизнью даже в таком медвежьем углу!

В темноте галереи Шэффер толкнул Смита локтем.

– Чего это они поят нашего Карнаби–Джонса "Наполеоном"? – негодуяще пробормотал он. – А мы-то думали, что его посадили на иглу и накачали скополамином.

– Тсс! – прошипел Смит, и в этих звуках прозвучало еще больше негодования, чем в тираде Шэффера.

Джонс благодарно улыбнулся Анне–Марии, налившей ему коньяка, сделал глоток, удовлетворенно вздохнул и продолжил:

- Или вы, генерал Роземейер, запомнили, что Германия подписала Гаагскую конвенцию?
- Нет, не запомнил, – нервозно ответил Роземейер. – Но если бы я мог действовать по своему усмотрению... Генерал, у меня связаны руки. Я получаю инструкции из Берлина.
- Вот и сообщите в Берлин: им следует знать, что я генерал, генерал Джордж Карнаби, армия Соединенных Штатов.
- И шеф–координатор операции по подготовке второго фронта, – угрюмо добавил Роземейер.
- Второго фронта? – оживился Джонс. – Это что такое? Роземейер с солдатской прямоотой отрубил:
- Генерал, я сделал все, что в моих силах. Верьте слову. В течение последних тридцати шести часов я убеждал, пытался убедить верховное командование, что сам факт вашего пленения заставит неприятеля изменить планы вторжения. Но мне не удалось заставить их прислушаться. Поэтому в последний раз прошу вас...
- Генерал Джордж Карнаби, – спокойно повторил Джонс. – Армия Соединенных Штатов Америки.
- Ничего другого я не ожидал, – устало кивнул Роземейер.
- Чего еще можно ожидать от генерала вашего ранга? Боюсь, придется передать вас в руки полковника Крамера. Джонс отхлебнул коньяк и задумчиво уставился на Крамера.
- Похоже, это не доставляет радости и ему.
- Отнюдь, – отозвался Крамер. – Но я тоже маленький человек и тоже действую в соответствии с инструкциями. Мне поможет Анна–Мария.
- Эта очаровательная юная леди, – Джонс изобразил вежливое недоумение, – специалист по засаживанию иголок под ногти?
- По подкожным инъекциям, – коротко поправил его Крамер.
- Очень квалифицированная медсестра. Зазвенел звонок, Крамер снял трубку.
- Да? А! Их, надеюсь, обыскали? Очень хорошо. Сейчас. – Он посмотрел на Джонса. – Ну, ну, ну! Сейчас к нам присоединится чудная компания, генерал. Парашютисты. Спасательная команда – вас спасти явились. Уверен, вам приятно будет с ними познакомиться.
- Не понимаю, о чем вы, – спокойно ответил Джонс.
- Увидим старых друзей, – прошептал Смит Шэфферу. – Однако, нам пора.
- Но ведь за него сейчас примутся! – Шэффер ткнул пальцем в Джонса.
- Они же культурные люди, лейтенант. Не чета нам. Сначала покончат с коньяком. А уж потом возьмутся за труды.
- Да, куда нам до них. Мы университетов не кончали, – оскорбился Шэффер.

В полутьме коридора было пусто. Смит включил свет. Дойдя до лестницы, они спустились на один пролет вниз, повернули налево и оказались у двери с надписью "Центральный коммутатор". Смит приложился ухом к двери, опустившись на одно колено, заглянул в замочную скважину и дернул за ручку. Голос оператора за дверью заглушил легкое клацанье, которое он произвел. Дверь была заперта. Смит, взглянув на соседнюю дверь, вытащил связку отмычек. Но они не понадобились. Дверь приоткрылась без труда. В темноте комната показалась пустой.

- Moment, bitte, – неожиданно раздался позади них в коридоре металлический голос.

Смит и Шэффер быстро, но несуетливо обернулись. Перед ними стоял солдат с карабином в руке, подозрительно оглядывавший их обоих. Смит приложил палец к губам.

- Болван! – яростно прошипел он сквозь зубы. – Тихо! Англичане!

Демонстративно отвернувшись, он сделал вид, что следит за происходящим в комнате. Потом вновь начальственно поднял палец, требуя тишины. Жестом велел Шэфферу сменить его на пункте наблюдения. На лице солдата подозрение сменилось

любопытством.

Тут Шэффер тихо спросил:

– А какого черта мы тут торчим?

– Хрен его знает, – прошептал Смит. – Полковник Крамер велел взять их живыми. Но...

– Что такое? – тоже вполголоса переспросил солдат. С упоминанием Крамера у него исчезли последние подозрения. – Кто там?

– Вы еще здесь? – недовольно вскинулся Смит. – Ладно, давайте смотрите. Только быстро.

Солдат, подогретый любопытством и возможностью неожиданно отличаться, стараясь не стучать ботинками, сунулся в дверь. Шэффер вежливо отступил, давая ему дорогу. Пара "люгеров", упершихся ему одновременно в оба виска, мгновенно развеяли мечты о продвижении по службе. Солдата впихнули в комнату, и не успел он глазом моргнуть, как дверь захлопнулась и зажегся свет.

– Это, как видишь, глушители, – спокойно произнес Смит, тыча пистолетом ему в лицо. – Так что давай без героизма, без лишней стрельбы, Одно дело – умереть за родину, другое – ни за что ни про что. Согласен?

Солдат взвесил свои шансы и молча кивнул. Шэффер отрезал кусок веревки и сказал:

– Ты парень хоть и чересчур усердный, но сообразительный. Давай, ложись носом вниз, руки за спину.

Комната, в которую они попали, была заставлена металлическими полками, на которых рядами стояли папки с документами. Что-то вроде архива. Вряд ли сюда часто заходили.

Смит помог привязать пленника к металлической стойке стеллажа и выглянул в окно. Перед ним расстилалась долина, мерцали огоньки деревни, все еще догорала железнодорожная станция. Справа светилось окно коммутатора. К нему тянулся свинцовый кабель.

– Тот самый? – спросил Шэффер.

– Ага. Давай веревку.

Смит закрепил на себе веревку, перелез через подоконник и повис, раскачиваясь, как маятник, вдоль стены. Ему удалось поймать левой рукой кабель. Шэффер регулировал натяжение веревки. Когда Смит схватился за кабель, он натянул веревку, и майор вскарабкался чуть выше под окно коммутатора. Скосив глаза, он увидел в комнате сидящего к нему спиной оператора, оживленно разговаривавшего по телефону, поднялся еще дюймов на шесть, обнаружил, что кабель тянется к панели коммутатора и где-то там и заканчивается. Смит спустился ниже, твердо перехватил кабель левой рукой и начал резать его ножом. Ему пришлось сделать не меньше дюжины надрезов. Напоследок он еще раз поднялся к самому окну и заглянул в комнату. Оператор по-прежнему выглядел очень деятельным, только на этот раз его оживление было вызвано не беседой: он яростно и безрезультатно крутил ручку аппарата. Через несколько секунд он сдился. Смит подал знак Шэфферу, отпустил кабель и взобрался назад.

Мэри уже в десятый раз взглянула на часы, потушила в пепельнице сигарету, поднялась, открыла сумочку, убедилась, что маузер на взводе, и хотела было открыть дверь и выйти, но тут как раз послышался легкий стук. Она поколебалась, соображая, успеет ли в случае необходимости спрятать сумочку, но дверь распахнулась сама собой. На пороге стоял улыбающийся фон Браухич.

– Ах, фрейлейн! – воскликнул он и, заметив в ее руках сумочку, еще раз улыбнулся. – Везет же мне! Я успел как раз вовремя, чтобы сопроводить вас туда, куда вы вознамерились идти.

– Сопроводить! – Она улыбнулась, пытаясь скрыть замешательство. – Но у меня ничего срочного. Дела подождут. Вы хотели меня видеть, капитан?

– Естественно.

– Зачем?

– Зачем? Она еще спрашивает! Разве нужна какая-то особая причина? Просто чтобы видеть. Разве это преступление? Такую

прелесть не часто встретишь. – Он опять улыбнулся: казалось, улыбка вообще не сходит с его лица, и взял ее за руку. – Хочу проявить баварское гостеприимство. Напоить вас кофе.

– Но... как же мои обязанности? – неуверенно заговорила Мэри. – Мне надо встретиться с секретарем полковника.

– А, она подождет! – Градус сердечности в голосе фон Браухича резко упал. – Нам с вами есть о чем поговорить.

– Разве? – Невозможно было не улыбнуться в ответ на его обезоруживающую улыбку. – О чем, например?

– О Дюссельдорфе.

– Дюссельдорфе? – Ну, конечно, я ведь тоже оттуда родом.

– Тоже оттуда родом? – Она опять улыбнулась и слегка пожала ему руку. – Тесен мир. Ну что ж, очень мило.

И подумала, как может этот человек, храня в груди могильный холод, бесконечно улыбаться.

Глава 7

Прошло всего пятнадцать минут с тех пор, как Смит и Шэффер впервые вошли на галерею менестрелей. На этот раз они не остановились, как прежде, у дверей, а прошли прямо к широкой лестнице, спускавшейся к золотой гостиной, и бесшумно уселись на дубовые табуреты, стоявшие по обе стороны лестницы.

Окутанные тьмой, они не были видны снизу.

Да, решил Смит, запасам "Наполеона" в винном погребе полковника Крамера этой ночью будет нанесен серьезный урон. К компании полковника, рейхсмаршала Роземейера, Джонса и Анны-Марии присоединились еще трое – Каррачولا, Томас и Кристиансен. Они были уже без наручников и охраны. Наоборот: вполне вольготно расположились рядышком на обитом золотой парчой уютном диване, держа в руках стаканы, в которые были налиты совсем не символические дозы коньяка. И сама Анна-Мария стояла с бокалом в руке. Судя по всему, отмечалось какое-то важное событие.

Крамер приветственным жестом поднял бокал, обращаясь к сидящим на диване.

– Ваше здоровье, господа. – Он обернулся к рейхсмаршалу:

– Наши лучшие европейские агенты.

– Надеюсь, эти господа приносят пользу, – выговорил Роземейер, преодолевая неприязнь. – Так или иначе, их мужество несомненно. Ваше здоровье!

– Ваше здоровье, джентльмены! – присоединился и Джонс. Выпрямившись в кресле, он швырнул бокал в огонь камина.

Внутри бокала взвился тонкий язычок пламени – это горел коньяк.

– Вот как я пью здоровье двойных агентов!

Шэффер перегнулся через проход и прошептал:

– А вы еще говорили, что он бездарный актер!

– Просто никто еще не платил ему двадцать пять тысяч за роль, – съязвил Смит.

– Ай-яй-яй, генерал. Венецианское стекло. – Крамер укоризненно покачал головой и улыбнулся. – Но ваш порыв понятен. Птички, прилета которых вы ожидали, оказались не той раскраски.

– Предатели! – презрительно выплюнул Джонс. Крамер опять улыбнулся, проявляя терпение, и повернулся к троице на диване.

– А как насчет обратного путешествия, господа? Оно так же хорошо организовано?

– К сожалению, об этом мы толком не знаем, – угрюмо сказал Каррачولا. – За нами должен прилететь бомбардировщик "Москито". В Зален, деревушку на север от Фрауенфельда, в Швейцарии. Там есть маленький гражданский аэродром.

Шэффер наклонился к Смиру:

– Ай, какой вы жуткий обманщик! – прошептал он в восхищении.

– Итак, Зален, – повторил Крамер. – Насчет этого мы в

курсе. Швейцарцы умеют вовремя отвернуться, когда им выгодно, а у нас тоже есть причины не поднимать шума. Да, странные вещи случаются в Зелене.... У нас есть встречное предложение. Мы отправим послание в Лондон. Вы полетите к границе – это гораздо удобнее, чем пешком, господа, потом на резиновой лодке через Рейн, оттуда легко добраться и до Уайтхолла. Вы сообщите, что генерал Карнаби был отправлен в Берлин, до вашего появления у замка.

– Возвращаемся в Лондон? – Томас недоверчиво покачал головой, его явно не устраивал этот вариант. – Пока Смит и этот янки еще где-то гуляют? А что, если они раньше нашего отправят донесение в Лондон...

– За кого вы нас принимаете? – прервал его Крамер. – Вы также сообщите о смерти руководителя группы. Обнаружив эту тепленькую рацию в багажном отделении, мы выпустили собак. Ваш драгоценный майор Смит был последним, кто пользовался передатчиком и оставил на нем свеженький след. Собаки выследили его до восточной околицы деревни, там, где находится гараж, а затем до нижней станции фуникулера.

– До канатки? – недоверчиво переспросил Томас.

– Именно, до канатки. Ваш майор отчаянный человек... Так вот, у нижней станции собаки потеряли след. Проводники покружили вокруг вагончика, но добыча будто в воздухе растаяла. И тогда один из наших людей выдвинул оригинальную идею: так сказать, поискать в воздухе. Он залез вместе с собакой на крышу нижней станции. И – чудо: обнаружил свеженькие следы пребывания там наших гостей. Отсюда логично родилось решение обследовать крышу вагончика и...

– Они в замке! – воскликнул Кристиансен.

– И не выберутся оттуда! – Полковник Крамер уютно откинулся в кресле. – Не бойтесь, господа. Все выходы блокированы – в том числе на верхней станции. Мы удвоили охрану, и наши люди прочесывают сейчас этаж за этажом.

Смит и Шэффер озадаченно переглянулись.

– Не знаю, – неуверенно протянул Томас, – Смит дьявольски изворотлив... Крамер поднял руку, требуя внимания.

– Ему осталось гулять не более четверти часа. Это – гарантия. – Он перевел взгляд на Джонса. – Не стану делать вид, что мне это доставляет удовольствие, генерал, но должен напомнить, что пора заняться вашим, гм, лечением.

Джонс по очереди оглядел Каррачолу, Кристиансена, Томаса и медленно, раздельно произнес:

– Вы – грязные свиньи!

– Вопреки моим принципам, генерал Карнаби, – нервно сказал Роземейер, – нам все же придется прибегнуть к насилию, если вы сами несогласитесь.

– Принципам? Не смешите меня! – Джонс вскочил и зычно откашлялся. – Да пропадите вы пропадом! Гагская конвенция! Принципы! Офицеры и джентльмены третьего рейха! – Он расстегнул китель, завернул рукав и сел на место.

Повисла неловкая пауза, потом Крамер кивнул Анне– Марии, которая отставила бокал и прошла в боковую Дверь. Она менее других испытывала чувство неловкости: полуулыбка на ее лице свидетельствовала о предвкушении удовольствия.

Смит и Шэффер вновь обменялись взглядами, в которых ясно читалось понимание того, что им сейчас предстоит сделать.

Стараясь не шуметь, они поднялись с места, взяли наперевес свои "шмайсеры" и стали спускаться со ступеней. Когда они подошли к границе, за которой начиналось освещенное пространство, в гостиную возвратилась Анна– Мария. На стальном подносике, который она держала в руках, лежали стеклянная мензурка, ампула с какой-то прозрачной жидкостью и шприц. Она поставила поднос на стол у кресла Джонса, и влила содержимое ампулы в мензурку. Смит и Шэффер спустились с лестницы и приблизились к компании у камина. Теперь каждый, повернув голову, смог бы их увидеть. Но головы никто не повернул: всех сидящих в гостиной захватила сцена, которая разворачивалась у них перед глазами. Как замороженные, наблюдали они за действиями Анны–Марии, которая

аккуратно набрала препарат в шприц и поднесла к свету, выпуская через иглу пузырьки воздуха. Смит и Шэффер продолжали свой путь, а шаги их тонули в мягком ворсе золотого ковра. Точными профессиональными движениями, но с тенью все той же улыбки на губах Анна-Мария протерла Джонсу кожу повыше локтя ваткой, смоченной спиртом, и взяла в правую руку шприц.

– Зря переводите ценный скополамин, дорогая, – раздался голос Смита. – Все равно от него ничего не добьетесь.

На какой-то момент все замерли. Шприц беззвучно упал на ковер. И тут же, как по команде, все обернулись навстречу неожиданным гостям. Как и следовало ожидать, первым опомнился полковник Крамер. Его рука машинально опустилась на панель возле кресла в поисках нужной кнопки.

– Левее, полковник, – подсказал Смит. – Нажмите, почему бы нет?

Крамер медленно убрал руку, так и не нажав кнопки.

– Ну что же вы, полковник? – продолжил Смит, вложив в свои слова всю сердечность, на которую был способен – Если вам так хочется – нажимайте кнопку. Крамер ответил ему недоверчивым взглядом.

– Вы, вероятно, заметили, полковник, что мой автомат нацелен не на вас. На него, – он навел ствол на Каррачолу, – на него, – ствол переместился на Томаса, – на него, – ствол показывал на Кристиансена – и на него! – Смит сделал резкий поворот кругом и упер автомат в бок Шэфферу. – Брось оружие! Быстро!

– Бросить? – Шэффер в полной растерянности уставился на Смита. – Какого дьявола...

Смит сделал шаг вперед и резким движением ударил Шэффера прикладом в солнечное сплетение. Шэффер согнулся пополам, схватившись руками за живот. Потом медленно, преодолевая боль, начал выпрямляться. Безумными глазами глядя на Смита, он снял с себя "шмайсер" и бросил на пол.

– Сядь сюда, – Смит автоматом указал на место между креслом Роземейера и диваном, где сидели трое пленных.

– Вшивая грязная вонючка, – процедил Шэффер...

– Это мы уже слышали. Придумай чего-нибудь поновее. – Презрение в тоне Смита сменилось угрозой: – Я сказал – сюда, Шэффер.

Шэффер на ватных ногах подошел к креслу, потер солнечное сплетение и прохрипел:

– Если я доживу до ста...

– Хоть двести проживи – ни к черту ты не сгодишься, сучий потрох. – Он удобно устроился в кресле возле полковника Крамера. – Простофиля янки. Держал его смеха ради.

– Понятно, – кивнул Крамер, но было ясно, что он ничего не понимал. – Хотелось бы получить разъяснения... Смит небрежно отмахнулся.

– Все в свое время, дорогой Крамер, все в свое время. Как я говорил, милейшая Анна-Мария...

– Откуда вам известно ее имя? Смит загадочно улыбнулся, пропустив вопрос мимо Ушей, и продолжил как ни в чем не бывало:

– Так вот, как я вам говорил, скополамин – пустая трата времени. Все, что вы можете выяснить с помощью скополамина – это, что наш друг – не генерал-лейтенант Джордж Карнаби, шеф-координатор по подготовке второго фронта, а некий Картрайт Джонс, американский актер, которому заплатили двадцать пять тысяч долларов за исполнение роли генерала Карнаби.

– Он бросил взгляд на Джонса и поклонился. – Примите мои поздравления, мистер Джонс. Очень убедительно сыграно. Жаль, что до конца войны вам придется пробездельничать в концлагере.

Не успел Смит закончить свой монолог, как Крамер и Роземейер вскочили с мест, а прочие замерли с идиотским выражением лиц. Будь Картрайт посланцем внеземных миров, он не смог бы привлечь к себе большего внимания.

– Так, так, так, – оживленно проговорил Смит. – Вот так сюрприз! – Он хлопнул Крамера по руке и жестом указал в сторону Каррачолы, Томаса и Кристиансена.

– Ну и дела, а, Крамер, – для них это тоже гром среди ясного неба!

– Это правда? – прохрипел Роземейер, обращаясь к Джонсу.

– То, что он говорит? Вы не отрицаете?

– А кто вы сами, сэр? – запинаясь, прошептал Джонс.

– Путник в ночи, – Смит очертил в воздухе непонятную кривую. – Странник, заблудившийся в этом мире. Бог даст, союзники выплатят вам причитающиеся двадцать пять тысяч после войны. Но голову на отсечение я за это не дам. – Смит потянулся и воспитанно прикрыл ладонью зевоту. – А теперь, милейшая Анна-Мария, – с вашего позволения, дорогой Крамер, – не нальете ли вы мне стаканчик этого замечательного "Наполеона"? Лежание на крыше фуникулера неважно отразилось на моем кровообращении – надо согреться.

Девушка нерешительно взглянула на Крамера и Роземейера, не нашла ответа, дернула плечиком, наполнила бокал и подала Смиту, который с наслаждением вдохнул в себя изысканный аромат, сделал глоток и опять поклонился Джонсу.

– Еще раз приношу мои поздравления, сэр. – Он снова отхлебнул коньяк и укоризненно заметил Крамеру: – Подумать только, какой драгоценный напиток вы тратили на врагов третьего рейха.

– Не слушайте его, полковник Крамер, не слушайте! – отчаянно выкрикнул Каррачола. – Это – блеф! Он пытается вывернуться!

Смит направил ствол автомата в грудь Каррачола и негромко, но внятно произнес:

– Заткнись или я сам заткну тебе глотку, ублюдок. У тебя будет шанс – мы еще посмотрим, кто из нас блефует. – И, опустив автомат, устало закончил: – Полковник Крамер, я утомился держать на мушке эту троицу. У вас найдется надежная охрана? Какой-нибудь парень, который умеет держать язык за зубами?

Смит непринужденно откинулся в кресле и отпил коньяк, всем своим видом демонстрируя компании на диване полное пренебрежение. Крамер в замешательстве поглядел на него, задумчиво кивнул и потянулся к телефону. Оружейная комната, превращенная теперь в кафе, соответствовала прочим помещениям Шлосс Адлера и могла – смотря по обстоятельствам – предстать воплощением средневековой сказки или ночным кошмаром. Это был большой зал с темными панелями и выложенным каменной плиткой полом. Закопченные от времени массивные стены, увешанные старинным оружием и ржавыми доспехами, полдюжины дубовых столов, будто перекочевавших сюда из монастырской трапезной, масляные лампы на чугунных цепях, спускающиеся с потолка, все это в зависимости от настроения входящего либо располагало к откровенности, либо таило в себе угрозу. Что же касается Мэри, то с ее настроением все было ясно. Она обвела глазами полдюжины вооруженных до зубов солдат, покидавших зал, и неохотно остановила взгляд на человеке, сидящем перед ней.

– Ну, что я вам говорил? – возбужденно заговорил фон Браухич. – Кофе – и такая декорация!

Кофе в такой декорации, подумала Мэри, должен припахивать ядом. А вслух сказала:

– А что тут делают эти люди? Они, кажется, кого-то ищут.

– Забудьте о них. Подарите ваше внимание фон Браухичу.

– Но вы ведь с ними разговаривали. Что им тут надо?

– Они сообщили, что в замке шпионы! – фон Браухич откинул голову, рассмеялся и развел руками. – Вообразите только – шпионы в Шлосс Адлере! Штаб-квартире гестапо! Должно быть, на помеле прилетели. Да, что я говорил насчет Дюссельдорфа? – Он оборвал себя на полуслове, увидев ее пустую кофейную чашку. – Извините меня, дорогая фрейлейн. Еще кофе?

– Нет, спасибо. Мне пора идти. Фон Браухич опять засмеялся и положил руку ей на ладонь.

– Куда? Тут в замке некуда идти. Чепуха, – и он позвал официантку. – Фрейлейн! Еще два кофе. И на этот раз со шнапсом.

Пока он делал заказ, Мэри украдкой посмотрела на часы, и

по ее лицу пробежала тень отчаяния, но, когда он вновь обернулся к ней, она уже кокетливо улыбалась:

– Да, так вы хотели что-то рассказать о Дюссельдорфе...

Компания в золотой гостиной пополнилась еще одним членом – высоким сержантом с непроницаемым лицом и жестким взглядом. В его сильных крупных руках автомат казался игрушечным. Он стал за диваном, на котором сидели Каррачола, Томас и Кристиансен, и не спускал с них глаз, лишь время от времени бросая косые взгляды на Шэффера. Сержант был воплощением надежности.

– Вот эдак больше по-людски, – одобрил Смит. Он поднялся, оставив "шмайсер" на полу. подошел к буфету, где стояла бутылка "Наполеона", долил свой бокал и стал у камина.

– Я займу ненадолго ваше внимание, – зловеще и тихо произнес он. – Анна-Мария, принесите еще три ампулы скополамина, – он улыбнулся, – и, естественно, шприцы.

– Полковник Крамер! – взмолился Каррачола. – Это безумие! Неужели вы позволите...

– Сержант! – рявкнул Смит. – Если этот человек еще раз откроет рот, заставьте его замолчать!

Охранник ткнул Каррачолу стволом в бок. Тот сжал кулаки, так что пальцы побелели.

– За кого вы принимаете рейхсмаршала Роземейера и полковника Крамера? – резко заговорил Смит. – За доверчивых дураков? Младенцев? Придурков вроде вас, которые примут за чистую монету этот ваш маскарад? Скополамин пойдет в дело после того, как я выложу свои намерения и разоблачу ваши.

Анна-Мария?...

Анна-Мария улыбнулась и поплыла из гостиной. Не каждую ночь удавалось ей впрыскивать по три порции скополамина. На полдороге ее остановил голос Смита.

– Один момент, фрейлейн, – держа в руке бокал, Смит невидяще смотрел перед собой, и по лицу его медленно расплывалась улыбка, сигнализирующая о том, что в его мозгу только что родилась некая идея, которая ему самому страшно нравится. – Добавьте, пожалуйста, еще три блокнота, ладно?

– Три блокнота? – нейтральным тоном переспросил полковник Крамер, глядя на Смита без всякого выражения. – И три ампулы?

Но тут у нас как будто четверо врагов рейха?

– Тех, кого можно брать в расчет – трое, – разъяснил Смит. – А что касается американца, – Смит даже не побеспокоился взглянуть в сторону Шэффера и выразить презрение голосом, что само по себе должно было означать высочайшую степень этого самого презрения, – он не знает даже, какой сегодня день недели.

– Смит вынул из инкрустированной коробки сигару, зажег ее и отпил из бокала. – Давайте выложим карты на стол. Начнем с меня. Сначала обвинения, потом оправдания. По законам судопроизводства.

– Во-первых, почему я попросил позвать охранника и сложил свое оружие? – Он выразительно помолчал и продолжил саркастическим тоном: – Уж, верно, не для того, чтобы создать себе лишние трудности. Во-вторых. Почему я, враг третьего рейха, не убил полковника Вайснера и его людей, когда они были у меня в руках? А это было нелегко, ведь мне пришлось сдерживать бешеного американца.

– Я скажу, почему, – зло выкрикнул Каррачола, – боялись, что выстрелы услышат!

Смит притворно вздохнул, вытащил пистолет и выстрелил. Пуля, попавшая в спинку дивана в нескольких дюймах от плеча Каррачолы, вошла в нее почти беззвучно. Смит безмятежно швырнул свой "люгер" с глушителем в ближайшее кресло и лукаво улыбнулся Каррачоле.

– Что, разве не знал, какая у меня пушка? Я не застрелил полковника Вайснера потому, что немец немца не убьет.

– Вы немец? – Глаза Крамера по-прежнему непроницаемо смотрели на Смита, но голос звучал живее.

– Иоганн Шмидт к вашим услугам. – Это было сказано с легким быстрым поклоном и шелканьем каблуками. – Он же –

капитан Джон Смит из Шотландского батальона Ее Величества.

– Судя по акценту, с берегов Рейна?

– Из Гейдельберга.

– Это мой родной город.

– Неужели? – Смит вежливо улыбнулся. – У нас, вероятно, найдется и общий друг.

Глаза Крамера на секунду заволокло романтической дымкой, и он тихо и явно не к месту пробормотал:

– Колонны Шарлемана...

– Да, и фонтан во дворе старого доброго Фридрихсбау, – ностальгически подхватил Смит. Он посмотрел на Крамера, и ностальгия сменилась притворной укоризной. – Впрочем, будет вам, дорогой полковник. Не время отвлекаться. Итак, в третьих: почему я инсценировал эту автокатастрофу? Потому что знал – эти три мерзавца не раскроют себя, пока не уверятся, что меня нет в живых. А если бы я был вашим врагом, разве я бы обнаружил себя, зная, что игра проиграна? Чего ради? Уж не за тем ли, чтобы прийти на помощь самозванцу? Смит кивнул в сторону Джонса.

– Должен признаться, что теперь бы в самый раз послушать эту троицу, – задумчиво сказал Крамер.

– Теперь я могу сказать, – поднялся с дивана Кристиансен, не обращая внимания на охранника с автоматом. Голос его дрожал от гнева. – Он вас дурачит, как и всех нас одурачил. Он – лжец, и только идиот может этого не понимать. Все, что он тут наболтал, – ложь от начала и до конца...

– Хватит! – Крамер поднял руку. – Не желаю слушать такие жалкие оправдания. Все, что сказал этот человек, – явная правда. Сержант Хартманн, – обратился он к охраннику, – если кто-нибудь из них откроет рот, найдите способ заставить его умолкнуть хотя бы на время.

Хартманн достал из кителя небольшую резиновую дубинку и засунул за пояс.

– Слушаюсь, герр полковник.

– Хорошо. Прошу вас, продолжайте, капитан Шмидт.

– Благодарю. Я еще не все сказал.

Смиту захотелось подлить себе еще коньяка – в награду за удачно проведенный маневр, а еще больше – поблагодарить Кристиансена за то, что он нечаянно вызвал на себя гнев Крамера, уязвив в самое больное место – усомнился в его интеллектуальных способностях. – В силу тех же самых причин я прибыл сюда на крыше фуникулера, ибо они не раскололись бы так легко, знай, что я жив. Кстати, Крамер, вам не приходило в голову, что невозможно попасть в Шлосс Адлер с крыши верхней станции без посторонней помощи?

– Проклятье! – Крамер еще не успел опомниться от оскорбления, нанесенного Кристиансеном, и вопрос Смита едва его не доконал. – Действительно, я не подумал...

– Фон Браухич, – бросил Смит. – Он получил приказ прямо из Берлина. – Поставил бокал на каминную доску, он подошел к дивану, где сидели трое. – Скажите, пожалуйста, откуда я мог знать, что Джонс подставной? Почему вам это не было известно? И если я не тот, за кого себя выдаю, какого черта я тогда здесь делаю? Может, объясните?

Все трое пожирали его глазами в мрачном молчании.

– Они, безусловно, объяснят, – вмешался Крамер, став рядом со Смитом и взирая на диванное трио с тем непроницаемым выражением лица, которое внушает страх пуще самых грозных громов и молний. Выдержав долгую многозначительную паузу, он отчеканил:

– Капитан Шмидт, довольно.

– Еще немного.

– Мне и так все ясно, – настаивал Крамер.

– Я обещал представить вам доказательства. Вы получите их. Такие, которые удовлетворяют заместителя начальника немецкой секретной службы. Они будут состоять из трех пунктов. Будьте добры, полковник Крамер, ответьте, известно ли вам имя нашего главного резидента в Британии? Крамер кивнул.

- А теперь давайте спросим нашу дорогую троицу. Трое на диване переглянулись и молча уставились на Смита. Томас облизал пересохшие губы, и это движение не укрылось от глаз Крамера. Смит вынул из нагрудного кармана красный блокнотик, вырвал оттуда листок, что-то написал на нем и протянул Крамеру. Тот прочел написанное, кивнул и вернул бумажку. Смит бросил ее в огонь камина.
- Теперь так. Здесь у вас в замке имеется самый мощный в Центральной Европе радиопередатчик.
- Вы исключительно хорошо информированы, капитан Шмидт, – сухо заметил Крамер.
- Смит. Я привык к этому имени. Свяжитесь по радио со штаб-квартирой фельдмаршала Кессельринга в Северной Италии и попросите шефа военной разведки.
- Нашего общего друга? – негромко уточнил Крамер.
- Старого однокашника по Гейдельбергскому университету, – подтвердил Смит, – полковника Вильгельма Вильнера. – Он улыбнулся. – Вилли-Вилли.
- Вы и это знаете? Тогда нет необходимости запрашивать.
- Думаю, что адмирал Канарис одобрил бы такой шаг.
- Вы и с моим шефом знакомы?
- Тщеславие подсказывает мне сейчас ответ "да", но скромность и любовь к истине диктуют ответить "нет", – сказал Смит с обезоруживающей откровенностью. – Я просто работаю на него.
- Мои сомнения развеяны без остатка, – объявил Роземейер, – но все же сделайте так, как говорит этот человек.
- Крамер выполнил распоряжение. Сделал вызов по телефону в радиорубку и стал терпеливо ждать ответа. Смит расположился в кресле с бокалом коньяка и сигарой, являя собой картину безмятежного покоя. За их спинами бдительно нес вахту страж, которому, судя по всему, не терпелось продемонстрировать мастерство владения дубинкой. Мысли, роившиеся в головах Роземейера и Крамера – если они в самом деле там роились, – внешне никак не проявлялись. Анна-Мария, не вполне понимая, что происходит, стояла все с той же предвкушающей удовольствие улыбкой. Она была единственной, кто не сидел, как пришитый, на месте, Целиком отдавшись ожиданию, Смит, поманив ее пальцем, указал на свой опустевший бокал. Видимо, его акции в ее глазах резко пошли в гору, потому что она беспрекословно повиновалась молчаливому приказу и поднесла ему внушительную порцию коньяка вкупе с очаровательной улыбкой. Смит не остался в долгу и ответил ей не менее приятной улыбкой. Минуты текли невыносимо медленно. И за все это время никто не проронил ни слова. Зазвонил телефон.
- Крамер поднял трубку и после обмена формальностями со связистами, начал:
- Полковник Вильгельм Вильнер? Дорогой мой друг, Вилли-Вилли. Как дела? – И когда было покончено со взаимными любезностями, Крамер со значением произнес: – Здесь у нас один агент, утверждающий, что знаком с тобой. Некий капитан Джон Смит. Ты когда-нибудь... ах, так ты его знаешь? Ладненько, ладненько! – И после паузы продолжил: – Не мог бы ты описать его?
- Напряженно прислушиваясь к голосу, звучавшему в трубке, он обернулся к Смицу, который, встав с места, подошел поближе к полковнику.
- Покажите левую руку, – велел тот Смицу и, оглядев ее, сказал в трубку: – Да, кончика мизинца нет... а на правой тыльной стороне ладони – что?
- Смит, не дожидаясь просьбы, молча протянул Крамеру правую руку.
- Да, да, два параллельных шрама на расстоянии трех сантиметров друг от друга. Что-что? Передать ему, что он предатель?
- Скажите ему, что он ренегат, – улыбнулся Смит.
- А ты ренегат, – сказал Крамер в трубку. – А, шамбертен! Ну ладно, спасибо тебе. До свидания, старина. – И он положил трубку.

- Мы оба предпочитаем французские вина, – извиняющимся тоном пояснил Смит, комментируя упоминание шамбертена.
 - Наш главный двойной агент на Средиземноморье, – с воодушевлением воскликнул Крамер, – и надо же, я никогда о вас не слыхал!
 - Может быть, это ему и помогло выйти в люди, – сухо заметил Роземейер.
 - Мне просто повезло, – скромно пожал плечами Смит и быстро добавил: – Ну да ладно. Итак, каковы мои верительные грамоты?
 - Безупречны, – ответил Крамер. – Ей-богу, безукоризненны.
 - Тогда, – посерьезнел Смит, – приступим к изучению личных дел наших друзей. Как вам известно, Кристиансен, Томас и Каррачولا – настоящие Кристиансен, Томас и Каррачولا, работая на...
 - Что за бред вы тут несете, – заорал Кристиансен, вскочив с дивана. – Какой еще к черту настоящий Кристиансен...
 - он не успел договорить: Хартманн нанес ему короткий удар дубинкой по затылку, и он, закатив глаза, рухнул на пол.
 - Итак, один получил предупреждение, – удовлетворенно кивнул Крамер. – Вы не переусердствовали, сержант?
 - Через пару минут очухается, – уверил его охранник.
 - Хорошо. Надеюсь, вам больше не помешают, дорогой Шмидт.
 - Смит, – поправил его Смит. – Как я уже говорил, наши настоящие агенты, работая на английскую контрразведку, не только обеспечили глубокое внедрение немецкой секретной службы в британскую шпионскую сеть во Франции и Нидерландах, но и в самой Англии создали разветвленную агентурную сеть – и, как известно адмиралу Канарису, весьма успешно действующую.
 - Это выходит за пределы моей компетенции, – сказал Крамер. – Но в общих чертах я об этом осведомлен.
 - Встать! – холодно скомандовал Смит, обратившись к трем на диване. – Сесть за стол вон там. Хартманн, помогите парню, который устроился на полу.
- Каррачولا и Томас в полном отчаянии и недоумении уселись за стол; к ним присоединился и совсем сбитый с толку Кристиансен, не успевший сообразить, что с ним случилось. Сержант оставался при нем, пока не убедился, что он не свалится со стула, а потом отступил на три шага назад и взял под опеку уже всех троих.
- Смит раздал им блокноты, которые принесла Анна-Мария, достал из кармана свой и положил его на Столик возле Крамера.
- Если они те, за кого себя выдают, – сказал он вполголоса, – естественно ожидать, что они напишут имена, адреса или явки наших агентов в Англии и британских агентов, внедренных нашими людьми на континенте. – Он многозначительно помолчал. – А потом мы сравним их данные со списком в моем блокноте.
 - Да, тут они мигом засветятся, – протянул Крамер.
 - Высший пилотаж, дорогой капитан Шмидт, то есть Смит, – слабо улыбнувшись, поправился он. – Боюсь, я немного не в себе. Но, скажите, капитан, – он постучал пальцем по блокноту, – вы не слишком рискуете, держа при себе списки? И вообще, это ведь нарушение инструкции.
 - Конечно, нарушение. Но кто выпускает инструкции, тот их и отменяет. Неужели вы полагаете, что я осмелился бы на такое без санкции сверху? Можете удостовериться у адмирала.
 - Смит жестом показал на телефон.
 - Так я и думал, – удовлетворенно улыбнулся Крамер и обернулся к сидящим за столом. – Ну, вы все слышали?
 - Тут все же что-то не так, – начал было Каррачولا.
 - Да уж, поистине что-то не так, – перебил его Крамер.
 - Я не сомневаюсь в том, кто такой Смит, – уныло продолжил Каррачولا, – он оправдался по всем пунктам. Но тут чудовищная ошибка...
 - Которую совершили вы, – оборвал его Смит.
 - Пишите, – скомандовал Крамер. – Хартманн! Хартманн выступил вперед, держа наготове дубинку. Трое мужчин

склонились над столом и принялись писать.

Глава 8

Кафе в оружейной почти опустело. Его покинули последние солдаты, которых два сержанта увели на выполнение какого-то экстренного задания. Мэри терялась в догадках – что это могло быть за задание. Она украдкой взглянула на часы, наверняка, уже в двадцатый раз, устало провела ладонью по лбу, поднялась и слабо улыбнулась фон Браухичу.

– Извините, капитан. Мне надо идти. Правда, надо. Голова раскалывается.

– Очень жаль, дорогая Мария, – с виноватой улыбкой ответил он. – Что же вы раньше не сказали? Вы неважно выглядите. Столь утомительное путешествие с берегов Рейна и еще шнапс...

– Да, я не привыкла к нему, – пожаловалась Мэри. – Ничего, высплусь и все пройдет.

– Конечно, конечно. Я провожу вас, дитя мое.

– Нет, нет! – горячо сказала она, но, спохватившись, что слишком бурно отреагировала на столь невинное предложение, еще раз улыбнулась и мягко коснулась его руки. – Все в порядке.

Я сама справлюсь.

– Капитан фон Браухич знает, как будет лучше. – Его лицо было серьезным, но дружелюбным, голос звучал властно, но с оттенком юмора. – Я настаиваю. Идемте. Он уверенно взял ее под руку и вывел из зала. Так они прошли по коридору в центральную часть замка. По пути им не встретилось ни одного человека.

Мэри обратила на это внимание.

– Все силы брошены на поиски тех самых ведьм на помеле, – засмеялся фон Браухич. – Их еще не взяли. Ребята, которых вытащили из кофейной, рыщут сейчас по всем углам. Нынче шпионов можно встретить в самом неожиданном месте.

– Вы так спокойно об этом говорите, – сказала Мэри.

– Я – офицер гестапо. Мне платят за хладнокровие, а не за воспаленное воображение, – резко ответил он и тут же извинился: – Вы, конечно, понимаете, что мое раздражение вызвано не вами. – Он внезапно остановился у окна и посмотрел во двор. – Странно.

– Что странно?

– Да вертолет. – задумчиво протянул фон Браухич.

– Согласно инструкции вертолеты верховного командования должны всегда находиться в состоянии полной готовности. А у этого – смотрите – мотор открыт, брезент кое-как накинута. Полной готовностью не пахнет...

– Наверняка, вертолеты, как любые другие машины, время от времени нуждаются в ремонте. – У нее вдруг пересохло горло, и она обрадовалась, что фон Браухич в эту минуту отвлекся, выпустил ее руку и не смог заметить, как быстро забилося ее сердце. – Что тут необычного?

– Необычно то, что вот уже полчаса никого возле него нет.

Неслышанно – личный пилот рейхсмаршала удалился, оставив недоделанной свою работу.

– Может быть, он чинит что-нибудь в мастерской? И вообще, вы сегодня смотрели на термометр?

– Да, я, пожалуй, ничем не лучше коменданта замка с его охотой за ведьмами, – грустно ответил фон Браухич. – Перед вами печальный результат профессиональной шизофрении; для такого ясного ума, как ваш, ответ очевиден. Будем иметь это в виду.

– Вы собираетесь сегодня еще эксплуатировать ваш мощный интеллект? – безмятежно спросила Мэри.

– Вон там, – фон Браухич кивнул на резную дверь, – в золотой гостиной. – Он взглянул на часы. – б, уже через двадцать минут! Благодарю за очаровательную компанию, фрейлейн.

– Спасибо, вы были очень любезны. Но у вас, стало быть, еще встреча? – У нее опять участился пульс.

– Музыкальный вечер. Даже гестапо имеет свои маленькие

слабости. Будем слушать песнь соловья. – Он прибавил шаг. – Простите, фрейлейн, я вспомнил, что мне еще нужно подготовить одно-два донесения.

– Сожалею, что отвлекла вас от важных дел, капитан, – с притворной застенчивостью сказала Мэри, думая о том, что же у него сейчас на уме и что он задумал предпринять? Фон Браухич не из тех, кто внезапно вспоминает о неотложных делах; он никогда не забудет то, что для него важнее всего. – Вы очень добры ко мне.

– Счастлив служить, – он остановился у входа в ее комнату, взял ее руку в свои и улыбнулся. – Спокойной ночи, милая Мария. Вы очаровательны.

– Спокойной ночи. – Она улыбнулась в ответ. – И спасибо.

– Мы обязательно должны получше узнать друг друга, – он открыл дверь, поклонился, поцеловал ей руку, аккуратно затворил дверь и задумчиво потер подбородок. – Гораздо лучше, моя дорогая Мария, – повторил он про себя. – Гораздо.

Каррачола, Томас и Кристиансен, склонившись над столом, старательно скрипели перьями. Во всяком случае, двое из них – Кристиансен до конца не оправился от удара по голове, и писание давалось ему с трудом. Крамер чуть поодаль, тихо беседуя со Смитом, с любопытством и тенью беспокойства наблюдал за процессом.

– Похоже, они увлеклись, – заметил он.

– Вид раскрытой могилы возбуждает, – цинично отозвался Смит.

– То есть?

– Знаете, что произойдет с этими людьми через четверть часа?

– Я слишком устал, чтобы следить за игрой слов, капитан Шмидт.

– Смит. Через четверть часа они будут мертвы. И они это знают. Поэтому отчаянно борются за каждую минуту жизни: когда ее осталось столь мало, каждый миг, отвоеванный у вечности, бесценен. Так азартный игрок, зная, что проигрывает, цепляется за каждую возможность продлить игру.

– А вы поэт, капитан, – пробормотал Крамер. С минуту он походил взад-вперед по комнате, уже не глядя на пишущих, потом сел напротив Смита. – Ладно, – сказал он. – Сдаюсь. В чем же все-таки разгадка? Что за всем этим стоит?

– О, она проста, как все гениальное, дорогой Крамер. За веревочки дергает адмирал Ролленд. А он настоящий гений, человек, не знающий ошибок. Можете не сомневаться.

– Ладно, – нетерпеливо подстегнул его Крамер, – он – гений. Что дальше?

– Каррачолу, Томаса и Кристиансена взяли три недели назад. Они работали только в Северо-Западной Европе, и здесь их никто не знал.

– Понаслышке знали.

– Да, но не более того. Адмирал Ролленд решил, что если трое соответствующим образом инструктированных агентов явятся сюда под видом указанных лиц, к ним наверняка отнесутся с уважением, а вы обязательно их примете. Следовательно, они смогут действовать в замке совершенно свободно и в полной безопасности.

– Ну и?..

– Разве не понятно? – теперь уже Смит начал проявлять нетерпение. – Ролленд знал, что если генерал Карнаби или этот тип, загримированный под него, попадется вам в руки, допрашивать его с немецкой стороны прибудет не менее важная персона, – Смит улыбнулся. – Знаете ли, известную мудрость, гласящую, что Магомет идет к горе, а не гора к Магомету, в Англии понимают так: армейские чины сами явятся побеседовать с гостем господ из гестапо.

– Продолжайте.

– А рейхсмаршал Роземейер столь же притягательный объект для союзников, как генерал Карнаби для нас.

– Рейхсмаршал! – Крамер, бросив взгляд в сторону

Роземейера, с трудом выдохнул: – Его хотели похитить!..

– Ваши драгоценные агенты, которым вы доверились, – безжалостно закончил за него Смит.

– Боже! Боже милосердный! Дьявольский план!

– Именно так.

Крамер резко поднялся и подсел к Роземейеру. Минуты две они о чем-то тихо переговаривались, изредка поглядывая в сторону Смита. Впрочем, говорил в основном Крамер и, насколько можно было заметить со стороны, очень красноречиво: любопытство на лице Роземейера переросло сперва в удивление, а потом в выражение изумленного потрясения.

Когда Крамер закончил монолог, они оба помолчали, потом, как по команде, поднялись с мест и подошли к Смигу. Рейхсмаршал выглядел заметно бледнее обычного, а когда заговорил, в голосе его слышалась легкая дрожь.

– Невероятная история, капитан Смит, – сказал он. – Невероятная. Кто бы мог подумать, что ларчик открывается именно так! – Он выдавил из себя улыбку. – Честно говоря, не очень-то приятно оказаться в ловушке. Я ваш вечный должник, капитан Смит.

– Германия у вас в долгу, – вмешался Крамер. – Вы оказали ей огромную услугу. Мы этого не забудем. Уверен, что фюрер лично выразит вам свою признательность.

– Вы слишком великодушны, господа, – скромно сказал Смит.

– Я вполне вознагражден тем, что сумел выполнить свой долг. – По его губам пробежала тень улыбки. – Разве что фюрер предоставит мне две-три недели отпуска: похоже, нервы начинают сдавать. Но извините, господа, моя миссия еще не завершена.

Он принялся, не расставаясь с бокалом, медленно прохаживаться за спинами сидящих за столом, с особенным интересом заглядывая то в один, то в другой блокнот. Циничная улыбка, которой Смит сопровождал свое наблюдение, не ускользнула от присутствующих, кроме, пожалуй, тех, кто ее вызвал. Остановившись возле Томаса, он изумленно покачал головой и воскликнул:

– Ну надо же!

– Пора кончать! – нетерпеливо скомандовал Роземейер.

– Если позволите, рейхсмаршал, давайте доведем игру до конца.

– У вас есть на то причины?

– И довольно веские.

Оставив Мэри, фон Браухич энергично, но без лишней спешки зашагал по коридору, и шаги его гулко отдавались в тишине.

Свернув за угол, он перешел на бег. Во дворе возле вертолета никого не было. Поднявшись по лестнице, он заглянул в кабину, затем вновь спустился на землю и остановил патрульного, который одревеневшей походкой брел по двору с собакой на поводке.

– Отвечайте быстро, – повысил голос фон Браухич. –

Видели пилота?

– Нет, герр майор, – испуганно ответил патрульный, пожилой служака. По возрасту ему не грозила отправка на фронт, но он до смерти боялся гестапо. – Давно уже не видел.

– Что значит – давно?

– Точно не скажу. То есть, вроде, с полчаса. Или больше.

Минут сорок пять скорее всего, герр майор.

– Проклятье! – выругался фон Браухич. – Столько времени!

Здесь есть мастерская, где он мог бы заниматься ремонтом?

– Да, господин майор, – патрульный был счастлив дать полезную информацию. – Дверь вон там. Бывший амбар для зерна.

– Он сейчас там?

– Не могу знать, герр майор.

– А следует знать, – холодно сказал фон Браухич. – Это ваша обязанность. Ну, что стоите, болван! Немедленно выясните!

Пожилый патрульный затрусил к мастерской, а фон Браухич, выведенный из терпения бесплодной беседой, с надеждой обратился к охранникам у ворот, крепким, молодым ребятам. Но и там ничего узнать не удалось. Подбежал и патрульный, с виноватым видом сообщивший, что мастерская пуста.

Фон Браухич похлопал услужливого старика по плечу и снисходительно улыбнулся.

– Вы тут ни при чем, друг мой. Но будьте начеку.

Не торопясь, почти медленно фон Браухич подошел к парадной двери и, открыв замок в первой же комнате, обнаружил пилота, все еще лежавшего без сознания. Рядом валялся расплющенный распределитель зажигания. Фон Браухич снял со стенной полки фонарь, разрезал веревку, которой был связан пилот, вытащил у него изо рта кляп и оставил лежать у открытой настежь двери так, чтобы его сразу же увидели из коридора.

Потом капитан взбежал по лестнице наверх, туда, где располагались спальни, неслышно прошел мимо двери Мэри и, открыв своим ключом замок пятой по коридору комнаты, вошел туда и оглядел окно. Увидев, что снега на карнизе с внешней стороны почти нет, он удовлетворенно кивнул. Посветив фонариком во тьму, убедился, что крыша верхней станции фуникулера находится прямо по окном; следы на снегу говорили сами за себя.

Фон Браухич оглядел комнату: железная кровать была сдвинута с обычного места, ею приперли шкаф. Он отодвинул кровать, дверцы распахнулись, и оттуда вывалился связанный офицер с кляпом во рту. Браухич и глазом не моргнул – чего-то в этом роде он и ожидал. Развязав веревки и вытащив изо рта молодого обер-лейтенанта кляп, он вышел из комнаты. У него были дела поважнее, чем приводить в чувство младших офицеров.

У комнаты Мэри он остановился, приложил ухо к двери и прислушался. Тишина. Он заглянул в замочную скважину. Света нет. Постучал. Никакого ответа. Снова воспользовавшись своим ключом, вошел в комнату. Она была пуста.

– Так, так, так, – пробормотал он себе под нос. – Очень интересно.

– Закончили? – спросил Смит.

Томас кивнул, Кристиансен и Каррачола тоже. Смит прошел вдоль стола за их спинами и собрал блокноты, сложив их на столике возле Крамера.

– Момент истины, – спокойно сказал Смит. – Достаточно заглянуть хотя бы в один блокнот.

Крамер без особого энтузиазма открыл лежавший сверху блокнот и начал читать, медленно перелистывая страницы. Смит осушил бокал и по-хозяйски прошествовал к буфету, где стояла заветная бутылка. Налив себе коньяк, он аккуратно завинтил пробку и, отпив, спросил Крамера:

– Хватит? Крамер кивнул.

– Теперь сравните с моим списком. Крамер опять кивнул:

– Как это вы сказали – момент истины? – он открыл блокнот Смита. Первая страница была девственно чистой. Вторая тоже.

И третья... Крамер в недоумении поднял глаза на Смита. Стакан, который только что Смит держал в руках, падал на пол, а сам он резким ударом руки свалил охранника. Зазвенела посуда на буфете.

Недоумение на лице Крамера исчезло. Оно озарилось внезапным прозрением. Рука потянулась к кнопке тревоги.

– Эй, парень, не нужно шума! – Шэффер подхватил с пола брошенный там Смитом "шмайсер" и направил его в грудь Крамера. Второй раз в течение вечера Крамер убрал руку с кнопки.

Смит достал свой "люгер". Шэффер, держа на прицеле Крамера, буравил глазами Смита.

– Сучий потрох, – негодуя произнес он, – простофиля янки. Так ты говорил? Не сможет вспомнить, какой сегодня день недели?

– Просто в тот момент ничего другого в голову не пришло, – виновато признался Смит.

– Тем хуже. А зачем так здорово мне прикладом смазал?

– Для пущего правдоподобия. А что? Главное – сработало. – Он взял со стола Крамера блокнот и аккуратно спрятал в карман кителя.

– Ну, – сказал, обращаясь к Шэфферу, – нам пора. А вы как, мистер Джонс, готовы?

- Да, надо поторапливаться, чтобы поймать такси или на худой конец подвесной вагончик, - добавил Шэффер.
- Ни черта не понимаю, - объявил Джонс. Вид у него был в самом деле обескураженный. - По сравнению с вами, какой к черту из меня актер!
- Это все, что вам нужно? - К Крамеру вернулось профессиональное самообладание. - Только эти блокноты - и все?
- Практически, да, блокноты. С массой милых имен и адресов.
- Понятно, - кивнул Крамер. - Следовательно, эти трое - те, за кого себя выдают?
- Они в течение нескольких недель находились под подозрением. Особо секретная и ценная информация утекала через один из отделов, контролируемых кем-то из них; а нам по тому же каналу шла липа. Мы даже не могли выяснить, один или несколько диверсантов этим занимаются, и тем более ничего не могли доказать, не установив их контакты дома и за границей. Тогда и появилась идея этой операции.
- Я хотел бы еще кое-что уточнить, капитан Смит, - сказал Роземейер со слабой улыбкой на губах. - Когда полковник Крамер спросил вас, только ли блокноты вам нужны, вы ответили "практически, да". Значит, это не совсем все. Может, вы хотите убить двух зайцев? Скажем, пригласить меня в свою компанию?
- Боюсь, огорчу вас, рейхсмаршал Роземейер, - довольно нелюбезно ответил Смит, - но у меня нет ни малейшего желания связывать вас и тащить на своем горбу через Альпы. Я, пожалуй, прихватил бы вас с собой, держа на мушке, но вы, не сомневаюсь, человек чести и верность родине для вас дороже собственной шкуры. А посему, если бы я просто попросил вас следовать с нами под страхом смерти, вы наверняка выбрали бы второе. Так что мы вынуждены откланяться.
- Вам не откажешь ни в галантности, ни в логике. - Роземейер улыбнулся. Улыбка получилась невеселая. - Жаль, что мне способность логически мыслить в этой ситуации изменила.
- Пожалуй, да, - согласился Смит.
- А как же полковник Вильнер? - встрепенулся Крамер.
- Шеф разведки фельдмаршала Кессельринга? Он же не...
- Спокойно. Вилли-Вилли не состоит у нас на зарплате. И говорил он чистую правду. Он считает меня своим лучшим двойным агентом, резидентом в Италии. Я в течение двух лет подкармливал его бесполезной, липовой и устаревшей информацией. Просветите его при случае на мой счет, ладно?
- Он тройной агент, понимаете? Это еще страшнее, чем двойной, - пояснил Шэффер.
- А как же Гейдельберг? - не унимался Крамер.
- Два года отдал университету. Благодаря протекции министерства иностранных дел. Крамер покачал головой.
- Я все-таки не понимаю...
- Сожалею. Нам пора.
- Смываемся, - подтвердил Шэффер. - Остальное читайте в послевоенных мемуарах агента Шэффера...
- Он не успел договорить. Дверь резко распахнулась. На пороге стояла Мэри с маузером наизготовку. Сразу поняв, что происходит, она со вздохом облегчения опустила руку с оружием.
- Заставляешь себя ждать, - сурово сказал Смит. - Мы уже начали нервничать.
- Извините. Никак не могла отвязаться от фон Браухича.
- Нет проблем, милая леди. - Шэффер сделал галантный жест рукой. - Ведь Шэффер был здесь и сумел за всем присмотреть.
- Новенькая, которая сегодня явилась! - прошептал Крамер с озадаченным видом. - Кузина той девушки из...
- Девушка, которая помогала мне дурить Вилли-Вилли. Та самая, которая открыла нам вход в замок.
- Босс. - прервал его Шэффер, - извините, но...
- Да, идем, - Смит улыбнулся Роземейеру. - Вы правы, блокноты - не единственное, что мне было нужно. Мне вообще-то хотелось взять кое-кого для компании. Но в отличие от вас, рейхсмаршал, это люди слишком дорожат своей шкурой и совсем не

имеют чести. И они не откажутся пойти с нами, – он ткнул "люгером" в сторону Каррачолы. Томаса и Кристиансена. – Встать! Пойдете с нами.

– С нами? – недоверчиво спросил Шэффер. – В Англию?

– Да, чтобы предстать перед трибуналом за измену. Я не могу взять на себя роль общественного обвинителя... Одному Богу известно, сколько сотен и тысяч жизней было погублено из-за них. Не говоря уж о сержанте Хэрроде и Торренс-Смизе.

– Он бросил холодный взгляд на Каррачолу. – У меня нет доказательств, но думаю, ты был у них главным. Ты убил Хэррода. И если бы шифровальная книжка оказалась у тебя, ты провалил бы всю нашу сеть в Южной Германии. Тебе не удалось ее заполучить. Тогда ты заколол беднягу Смизи. Ты ушел из пивной следом за мной, а он решил проследить за тобой. Ему не удалось с тобой справиться...

– Давайте бросим оружие! – раздался вдруг сухой и бесстрастный голос. Никто не слышал, как открылась дверь и вошел фон Браухич с пистолетом в руке. Смит успел повернуться и прицелился, но не решился открыть огонь, боясь задеть Мэри, стоявшую на пути.

Фон Браухич таких сомнений не испытывал. Раздался резкий щелчок, пуля прошла рукав Мэри над локтем, и Смит вскрикнул от боли: руку его залила кровь, а "люгер" вышибло, и он стукнулся о какую-то деревянную поверхность. Мэри не успела обернуться, как фон Браухич одной рукой схватил ее за руку а другой приставил к ее груди свой пистолет. Она пыталась освободиться, но он еще крепче сжал ей руку. Закричав от боли, Мэри выронила оружие.

Шэфферу пришлось бросить свое.

– Зря вы это затеяли. – сказал фон Браухич Смиуту.

– Глупо... Впрочем, на вашем месте я бы совершил ту же глупость.

– Он посмотрел на Крамера. – Извините за задержку, герр полковник. Мне показалось, что эта юная дама слишком нервничала. К тому же ей так мало известно о ее родном Дюссельдорфе. И ей, увы, невдомек, что нельзя позволять держать себя за руку, когда приходится лгать – а ей приходится это делать очень часто. – Он, улыбаясь, повернул Мэри к себе лицом. – У вас прелестная ручка, но пульс слишком чутко реагирует на ложь.

– Вы как всегда выражаетесь загадками. Ну да Бог с ними.

– Крамер перевел дух. – Отлично, мой мальчик. Господи, еще бы одна минута... – Он подошел к Шэфферу, предусмотрительно держась в стороне от линии прицела фон Браухича, и обыскал его, но никакого оружия не нашел, проделал то же самое и с тем же результатом со Смитом, подал ему свой носовой платок, чтобы остановить кровь, выразительно посмотрел на Мэри и перевел взгляд на Анну-Марию.

– Конечно, герр полковник, – с готовностью откликнулась она на немую просьбу. – С удовольствием. Мы уже встречались, и мои методы ей знакомы. Не так ли, дорогая? – С улыбкой, более похожей на оскал, Анна-Мария подошла к Мэри и с размаху ударила ее по лицу. Мэри вскрикнула, отброшенная ударом к стене она скорчилась от боли. Из уголка рта вытекла струйка крови.

– Ну, – спросила Анна-Мария, – оружие есть?

– Анна-Мария. – протестующе начал было Крамер. – Вряд ли следует...

– Я знаю, как обращаться с грязными маленькими шпионками! Но если вам не нравится, как я добиваюсь своего, мы удалимся!

Она схватила Мэри за волосы, подтащила к боковой двери и грубо втокнула в какую-то комнату. Звук удара и крик боли раздался оттуда одновременно. Дверь захлопнулась. В тишине слышались удары и сдавленные крики. Фон Браухич уселся в кресло, сморщился, прислушиваясь к звукам борьбы за дверью, и сухо сказал Крамеру:

– Девушка, наверно, предпочла бы, чтобы я сам обыскал ее.

Тут уж не до стыдливости.

– Боюсь, Анна-Мария иногда чересчур увлекается, – ответил Крамер, брезгливо скривив рот.

– Иногда? – Фон Браухич опять сощурился, услышав стук

тела о стену, стон и всхлипывания. Потом наступила тишина...

– Она всегда увлекается, если ей попадается девушка не менее красивая и молодая, чем она сама.

– Ну, конечно, – с облегчением вздохнул Крамер и посмотрел на Смита и Шэффера. – Сначала подумаем, куда устроить даму. а вообще в Шлосс Адлере нет недостатка в помещениях для...

– Он не закончил фразу, глаза его чуть заметно расширились, и он неожиданно четко договорил, обращаясь к фон Браухичу: – Кажется, мы поспешили с выражением сочувствия. Было бы жаль потерять вас, капитан, вам в спину нацелен пистолет...

Фон Браухич медленно взглянул через плечо. В самом деле, на него смотрел пистолет, автоматический "лилипут", и рука, которая держала его, не дрожала, а темные глаза смотрели пристально и невозмутимо. Засохшая на щеке кровь и растрепанные волосы совсем не портили Мэри.

– Каждый отец обязан обучать свою дочь дзюдо, – прокомментировал Шэффер. – Он отобрал пистолет у фон Браухича, который и не пытался оказать сопротивление, взял наперевес "шмайсер" и запер входную дверь. – А то больно много народу повадилось входить без стука. – По дороге он заглянул в боковую дверь, присвистнул, ухмыльнулся и сказал Мэри:

– Отличная работа. Радуюсь, что мое сердце занято другой. Не хотел бы я оказаться на месте твоего мужа, когда ты теряешь терпение. А тут прямо лазарет. Перевяжи-ка руку майору, а я присмотрю за ребятами. С большим удовольствием присмотрю.

И он стал присматривать. Пока Мэри занималась раненой рукой Смита в комнатке, где Анна-Мария нашла свое Ватерлоо, Шэффер занял позицию у камина, налил себе коньяка и, потихоньку отхлебывая из бокала, время от времени подбадривающе улыбался пленникам. Ответных улыбок он не получал. Потому что видимые беспечность и добродушие Шэффера никого не могли обмануть: каждый понимал, что в случае чего он без колебания нажмет курок, на котором держит палец.

Из соседней комнаты вернулись Смит и Мэри, которая несла покрытый полотенцем поднос. Смит заметно побледнел, рука у него была туго перевязана. Шэффер вопросительно посмотрел на Мэри.

– Не очень хорошо. Раздроблены указательный и большой пальцы. Я сделала, что могла, но тут нужен хирург.

– Если я сумел пережить ее медпомощь, буду жить долго, – философски заметил Смит. – Нам надо срочно решить одну задачку.

– Он похлопал себя по нагрудному карману. – Тут имена и адреса. Мы будем в Англии через час-два. Еще столько же времени понадобится, чтобы разыскать их всех. – Он посмотрел на тех, кто сидел на диване. – И чтобы вы не успели предупредить своих людей, следует обеспечить ваше молчание.

– Молчание можно обеспечить навечно, – безмятежно заметил Шэффер.

– Нет необходимости. Как ты точно заметил, у нас тут лазарет. – Он снял полотенце с подноса – на нем были разложены медикаменты и шприцы. Смит взял в левую руку пузырек.

– Нембутал. Как комарик укусит.

– Нембутал? – возмутился Крамер. – Да черт меня разрази, если я поддамся.

– В противном случае вам придется умереть, – произнес Смит, и прозвучало это достаточно убедительно.

Глава 9

Смит остановился у двери с надписью по-немецки "Радиорубка" и предупредил своих понурых пленников:

– Не вздумайте попытаться связаться с кем-нибудь или поднять шум. Я совсем не горю желанием тащить вас с собой до самой Англии... Лейтенант Шэффер, нельзя ли как-нибудь обезопасить этих людей?

– Отчего же нельзя, – не стал спорить Шэффер. Он по очереди расстегнул верхние пуговицы мундиров всех троих, стянул их сзади за воротник вниз и связал за спиной рукава. –

Ну, вот, с руками все в порядке.

– Чего не скажешь о ногах. Смотрите. Мэри, не подпускайте их к себе. Им сейчас терять нечего. Лейтенант, ну что там с дверью?

– Готово.

Шэффер осторожно отворил дверь радиорубки. Просторная, ярко освещенная комната была почти пуста, если не считать стоявшего у окна массивного стула с огромным, сверкающим металлом, радиопередатчиком. Пары стульев и стеллажа с папками. Даже ковра не было на полу. И потому на звук их шагов тут же обернулся радист, который, безмятежно покуривая, слушал легкую музыку, лившуюся из приемника. Реакция его была мгновенной: подняв, как бы сдаваясь, руки вверх, он резким движением ноги нажал кнопку тревоги на полу: раздался рев sireны. Шэффер резким ударом автомата свалил его с ног. Но было поздно. Сигнал тревоги продолжал звучать.

– Только этого не хватало, черт меня раздери. – в отчаянии выругался Смит. – Только этого и не хватало. – Он выскочил в коридор, и хватил прикладом "шмайсера" по стеклу ящика с сигнализацией, заставив сирену умолкнуть.

– Туда! – Смит указал жестом на распахнутую дверь радиорубки. – Живо! – Он пропустил всех в комнату. оглядел ее и, увидев сбоку еще одну дверь, велел Мэри проверить, что за ней. Шэффер стал у входа в радиорубку.

– Да, без этого шоу мы бы обошлись, босс.

– Мало ли без чего мы бы обошлись, – неохотно ответил тот и вопросительно посмотрел на Мэри. Ну, что там?

– Склад радиодеталей.

– Вы с Джонсом возьмите там этих троих на свое попечение.

Вздумают пикнуть – стреляйте без предупреждения.

Джонс с опаской посмотрел на свой пистолет и жалобно сказал:

– Я не военнообязанный, сэр.

– К вашему сведению. – отпаривал Смит. – я – тоже.

Он подсел к передатчику и несколько секунд внимательно изучал хозяйство радиста.

– Умеете с этим обращаться, босс? – крикнул от двери Шэффер.

– Самое время выяснить. Разберемся как-нибудь, – он включил аппарат на передачу и настроил его в диапазоне ультракоротких волн на нужную частоту. Взял в руки микрофон.

– Бродсворд вызывает Дэнни Боя, – сказал он. – Бродсворд вызывает Дэнни Боя. Слышите меня? Слышите меня?

Увы, никто не услышал его. Смит поменял частоту передачи и еще раз попробовал установить связь. И еще. И еще. Когда он пытался сделать это в шестой или седьмой раз, у двери загремела автоматная очередь. Он резко обернулся. Шэффер растянулся на полу, над стволом его "шмайсера" вился дымок.

– У нас гости, босс, – извиняющимся тоном прохрипел он. – Не уверен, что достал, но заставил их поджать хвост, это точно.

– Бродсворд вызывает Дэнни Боя, – настойчиво повторял Смит. – Боже милосердный, что же вы не отвечаете?

– Они носа из-за поворота теперь не высунут – я их мигом прошью. Могу их держать за углом хоть до Рождества. – подбодрил Шэффер, – можете не спешить.

– Бродсворд вызывает Дэнни Боя. Бродсворд вызывает Дэнни Боя... Как ты думаешь, сколько у нас в запасе времени, пока кто-нибудь не догадается вырубить электричество?

– Да уж, пожалуйста, Дэнни Бой, не молчи, ответь нам. – подключился Шэффер.

– Дэнни Бой вызывает Бродсворда, – голос из передатчика звучал так громко и отчетливо, будто говорили в соседней комнате. – Дэнни Бой...

– Через час, Дэнни Бой, – перебил его Смит. – Через час. Поняли меня? Прием.

– Вас понял. Получилось, Бродсворд? – это был голос адмирала Ролленда. – Прием.

– Получились, – ответил Смит. – Все получилось.

– Отпускаем вам все грехи. Матушка Макри собирается вас встретить. Выезжает немедленно. Опять прогремела автоматная очередь. Шэффер подул на дымящийся ствол. Голос адмирала Ролленда спросил из передатчика:

– Что там у вас?

– Статический разряд. – ответил Смит и, не выключив передатчик, сморщившись от боли в руке, трижды выстрелил в аппарат. Теперь никто не сможет им воспользоваться. Смит бросил короткий взгляд на Шэффера: тот не нуждался в словах одобрения, лицо его было невозмутимо спокойным. Смит подошел к окну и здоровой рукой поднял стекло.

Луна спряталась за тучи и почти совсем не давала света. Опять начался снегопад. Арктический холод пробирал до костей. Смит сообразил, что они находятся в восточной части замка, самой отдаленной от верхней станции фуникулера. В густой мгле невозможно было разобраться. гуляют ли там еще патрульные с собаками, Смит достал нейлоновую веревку, привязал один конец к ножке стола, другой сбросил вниз из окна. счистил намерзший на карнизе снег. Ему хотелось бы убедиться, что веревка достигла земли, но пришлось ограничиться надеждой, что это так. Впрочем, это были не так уж и важно.

Подойдя к Шэфферу, устроившемуся на полу в дверях. он сказал:

– Пора запираться.

– Давайте подождем, пока они еще раз сунутся, уж очень хочется дать им напоследок острastку, – ответил Шэффер. – И выиграем лишних пару минут – у них такая регулярность, они каждые две минуты высовываются. Этого как раз хватит, чтобы смыться отсюда.

– Будь по-твоему. – Порыв ледяного ветра заставил Смита поежиться. – Свежо, однако!

– Это вас знобит из-за потери крови. И зря вы так коньяки накачали. Сосуды сужает, когда в таких количествах. Он не договорил и замер, уставившись в прицел своего "шмайсера".

– Дайте-ка ваш фонарь, босс.

– Зачем? – Смит протянул ему фонарь.

Он включил фонарь, положил его на пол и насколько мог оттолкнул его от себя.

– А они ребята смышленные. Привязали зеркальце на палку, чтобы следить за нами. Только угол неправильно взяли.

Смит осторожно выглянул из двери, ожидая, когда появится самодельный перископ. На этот раз зеркальце было приложено под нужным углом в сорок пять градусов. Но едва показавшись в коридоре, оно отлетело, снятое выстрелом Шэффера. Следующим выстрелом он уничтожил единственную лампу на потолке, освещавшую коридор. Теперь там горел только фонарь, разглядеть, что делается в радиорубке, было невозможно. Шэффер бесшумно затворил за собой дверь и беззвучно повернул в замке ключ. Затем прикладом вбил его в скважину. Прошло две минуты. Раздались голоса и стук сапог по коридору. Смит и Шэффер вошли в комнатку, где хранились запчасти, оставив узкую щель в двери, в которую пробивалась полоска света. Смит тихо сказал:

– Мэри, ты и мистер Джонс следите за Томасом. Пистолеты – к обоим вискам.

На себя он взял Кристиансена, заставил его стать на колени и упер ствол ему в затылок. Шэффер толкнул к стене Каррачолу и приставил дуло "шмайсера" прямо ко рту.

Установилась мертвая тишина.

Полдюжины немцев, осаждавших радиорубку, были ребята совсем не того сорта, что старый служака, с которым беседовал во дворе фон Браухич. Они принадлежали к элите Альпийского корпуса. Люди, прошедшие железную выучку, настоящие профессионалы. Им и в голову не пришло бы пользоваться отмычкой или дергать за дверную ручку: на этот случай у них была отработана совсем другая процедура. По сигналу обер-лейтенанта один из солдат веером от живота разрядил в дверь магазин своего

автомата. Второй прошил в ней аккуратный кружок и вышиб его прикладом. Третий швырнул в образовавшуюся дыру пару гранат.

Два взрыва раздалась почти одновременно, из щелей повалил густой дым. Вышибив дверь, они ввалились в радиорубку. Теперь не было необходимости в предосторожностях – все, находившиеся там, неминуемо должны были погибнуть. Через несколько секунд, когда сильный сквозняк развеял дым и в комнате прояснилось, обер-лейтенант, посветив фонариком, понял, откуда дует ветер и кинулся к окну. Он заметил веревку, перегнулся через подоконник, протер заслезившиеся от ветра глаза и поискал в темноте лучом фонаря. Он схватил веревку и резко дернул – она легко поддалась, на ней не было никакого груза.

– Дьявол! – крикнул он своим. – Ушли! Они уже внизу! Быстро, к телефону!

– Ну вот, – одобрительно сказал Шэффер, услышав удаляющийся по коридору топот и убрав дуло автомата от лица Каррачолы, – прекрасно себя вел, молодец.

Не переставая держать Каррачолу на мушке, он, вместе со Смитом, выйдя в изуродованную радиорубку, сказал ему:

– Они сейчас же обнаружат, что внизу нет наших следов.

Преодолевая боль в руке, Смит вытянул из окна веревку.

– Она нам понадобится. И надо бы отвлечь их внимание.

Возьми четыре-пять взрывпакетов и чтобы запальные шнуры были разной длины. Разбросай их по комнатам вдоль коридора.

– Считайте, что сделано, босс, – отчеканил Шэффер, достал из сумки взрывпакеты, обрезал ножом шнуры, оставив разную длину, и вышел.

Первые три двери на его пути оказались закрытыми, и он не стал тратить ни времени, ни драгоценной начинки своего "люгера", чтобы их открыть. Тем более, что пять следующих

закрыты не были. Три взрывпакета он поочередно разместил в вазах дрезденского фарфора, под офицерской фуражкой и под подушкой. В четвертой комнате он пристроил взрывчатку в ватерклозете, а в пятой (кладовой) – на полке за картонками.

Тем временем Смит вывел своих подопечных из радиорубки, где от дыма и гари невозможно было ни дышать, ни смотреть, на чистый воздух в коридор, ждать Шэффера. Тут взгляд его упал на пожарную конторку с большим огнетушителем, ведрами с песком и топориком.

– Решили провести отвлекающий маневр, майор? – с улыбкой спросила Мэри. Веки у нее покраснели от дыма, а лицо со следами слез было бледным, как бумага. И все же она нашла в себе силы улыбнуться ему. – Я тоже хотела предложить нечто эдакое, но не решилась.

Смит ответил ей болезненным оскалом – боль в руке не позволила ему улыбнуться так, как хотелось, от всего сердца, и взялся за ручку двери с надписью "Архив", находившейся рядом с конторкой. Дверь, естественно, оказалась закрытой. Он приставил "люгер" к замку и выстрелил.

Комната вполне отвечала своему назначению: она вся была заставлена стеллажами и шкафами с документами. Смит открыл окно, устроив сквозняк, скинул на пол кучу всяких бумаг и поднес к ним спичку. Мигом разгорелся костер.

– Не забыли про эту штуку, а? – Шэффер втащил в комнату огнетушитель и швырнул его в окно. – Как говорится, на кого Бог пошлет!

Пожар занялся так скоро, что Шэффер, сразу закоптевший от дыма, с трудом выбрался в коридор. В этот момент где-то в недрах замка заревела пожарная сирена.

– Господи, – отчаянно воскликнул Шэффер, – да никак сейчас явится пожарная команда!

– Пожалуй, что так, – отозвался Смит. – Черт побери, как же я это упустил! Теперь они точно засекут, где мы находимся.

– Думаете, у них здесь имеется противопожарное устройство с очень чувствительным индикатором?

– Наверняка. Сматываемся.

Они рванули вперед по центральному переходу, гоня перед собой пленников, спустились по лестнице на один пролет и уже вышли на следующий, как со двора послышался шум голосов и топот

ног.

– Живо! Сюда! – Смит указал на задернутый гардиной холл.

– Поторапливайтесь! Ах, черт возьми, забыл! – Он резко повернул назад.

– Куда же вы, черт подери, – взорвался Шэффер, чувствуя, как неотвратно приближается погоня. Больно ткнув ближайшего пленника стволом "шмайсера", он скомандовал: – Сюда, в холл, быстро. – Оказавшись за гардиной, он взял свой "люгер" с глушителем. – Только шелохнитесь – пришью на месте. В этом шуме никто и не услышит, как вы прощаетесь с жизнью.

Никто не шелохнулся. Громко топая тяжелыми сапогами, солдаты пробежали мимо. За гардиной слышно было их неровное дыхание. Этажом выше топот резко оборвался. По доносившимся оттуда возгласам стало ясно, что, увидев пожар, солдаты только теперь поняли его масштабы.

– Тревога! Сержант, на связь! – скомандовал оберлейтенант, атаковавший радиорубку. – Огнетушители сюда, пожарные рукава! Где же, черт побери, полковник Крамер? Капрал! Найди полковника Крамера!

Капрал не отозвался, ответом послужил стук каблучков по ступеням. Они простучали мимо холла и затихли где-то внизу. Шэффер рискнул выглянуть в коридор – как раз в ту минуту, когда там появился Смит.

– Где вас черти носили?

– Пошли! Давайте отсюда! Нет. Джонс, не вниз, там вас встретит целый полк Альпийского корпуса. Прямо по коридору, в западное крыло. По боковой лестнице. И Бога ради, побыстрее. Через несколько секунд тут будет тесно, как на Пиккадили.

Торопясь вслед за Смитом, Шэффер повторил свой вопрос:

– Так где же, черт побери, вы были?

– Мы забыли парня, в комнате возле коммутатора. Архив прямо над ней. Я его развязал и вытащил в коридор. А то сгорел бы.

– И вы из-за этого рисковали? – поразился Шэффер. – Как вы можете в такую минуту думать о пустяках?

– Для кого пустяки, а для кого – нет. Например, для парня, который там лежал. Ну да ладно. Теперь направо, вниз по лестнице и прямо. Мэри, ты знаешь куда.

Мэри знала. Она остановилась у нужной двери. Смит на ходу бросил взгляд в окно. Огонь и дым вырывались из северо-восточной башни. По двору беспорядочно сновали солдаты. И в этой снующей толпе выделялся один человек – пилот вертолета, который неподвижно стоял, привалившись к своей машине. Смит увидел, как он поднял руку и потряс кулаком в сторону горящей башни.

– Ты уверена, что нам нужно именно сюда? – спросил Смит у Мэри. – Двумя этажами ниже того окна, через которое мы влезли?

Мэри кивнула.

– Безусловно.

Дверь была заперта. Тратить время на возню с отмычкой было бы слишком большой роскошью. "Люгер" справился с замком в два счета.

Капралу, которого обер-лейтенант послал на розыски полковника Крамера, тоже пришлось решать проблему с дверью: покидая золотую гостиную, Шэффер запер ее и выбросил ключ в окно. Капрал сначала вежливо постучал. Ответа не последовало. Он постучал погромче – с тем же результатом. Капрал поддал дверь плечом, но только ушибся. Попытался выбить замок прикладом "шмайсера", но строители Шлосс Адлера хорошо знали свое дело. Поколебавшись, капрал дал по замку очередь, моля Бога, чтобы полковник Крамер не вздремнул где-нибудь в кресле возле двери.

Полковник Крамер действительно спал глубоким сном, но вдали от двери, на мягком ковре, закрыв голову подушкой. Капрал осторожно вошел в гостиную; брови у него поднялись чуть ли не до самых волос, а челюсть отвалилась. Глазам его открылась невероятная картина: рейхсмаршал Роземейер растянулся рядом с

полковником. Фон Браухич и сержант, свесив головы, спали в креслах, а Анна-Мария – вся в синяках и с растрепанными волосами – на диване.

Недоумевающий капрал приблизился к Крамеру, стал возле него на колени и потряс за плечо – сперва уважительно, а потом раздраженно. Скоро до него дошло, что он смог бы с тем же успехом трясти полковника хоть всю ночь. И тут же ему бросилось в глаза, что все мужчины были без кителей и у каждого спящего, включая Анну-Марию, левый рукав был завернут выше локтя. Обведя взглядом комнату, он заметил на столике металлический поднос с пузырьками, ампулами и шприцами. Все стало на свои места.

Капрал рванулся к двери.

Шэффер привязал конец веревки к спинке железной кровати, проверил прочность узла, открыл окно и сбросил моток в темноту. В долине все еще догорала железнодорожная станция. В самой деревне светились огоньки. Внизу патрулировали солдаты с собаками. Шел легкий снег. Луна выглянула из-за темной гряды облаков и победно плыла в чистом небе. Даже звезды засияли.

– Похоже, нас неплохо будет видно, босс, – засомневался

Шэффер. – И еще эта волчья стая внизу...

– Будет хуже, если они направят сюда прожектора, – ответил Смит. – Впрочем, выбора у нас все равно нет. Ну, пошли! Шэффер обреченно кивнул, перелез через подоконник. И, схватившись за веревку, на секунду замер, услышав донесшийся из восточного крыла взрыв.

– Номер один, – удовлетворенно констатировал он. – Ваза для фруктов, дрезденский фарфор. Надеюсь, – добавил он, – никто сейчас не справляет нужду в сортире, который я начинил взрывчаткой.

Смит открыл было рот, чтобы прервать это словоизлияние, но Шэффер уже стоял на кровле верхней станции. Смит неуклюже, опираясь на здоровую руку, перекинул тело через подоконник и посмотрел на Мэри. Она ободряюще улыбнулась ему, но глаза выдавали тревогу: за ее спиной стояли лицом к стене, сложив руки на затылке, трое мужчин. Доверял картину Карнаби-Джонс, державший их на прицеле, причем видно было, что он сам до смерти боится своего оружия.

Смит присоединился к Шэфферу на крыше станции. Оба старались вжаться в кровлю, чтобы быть как можно незаметнее. Возле стены крыша была совсем плоской, а дальше шел резкий скос под углом градусов в тридцать. Смит задумчиво оглядел его и сказал:

– Что-то не хочется еще раз испытать приключение, которое нас тут поджидало в прошлый раз. Нужно подобрать надежный крюк и вбить для страховки прямо в стену.

– Не надо никаких крюков. Взгляните-ка сюда. Шэффер голыми руками поскреб ледяную корку; обнажилась металлическая сетка, крепившаяся на железных прутьях, а под ней – стеклянный люк.

– Это, кажется, называется "световой люк". А прутья выглядят вполне надежно.

Они попробовали согнуть один из них, но он не поддавался. Шэффер удовлетворенно улыбнулся и закрепил на нем веревку. Смит схватился за веревку, но Шэффер твердой рукой разжал его кулак.

– Нет уж, – сказал он, глядя на раненую руку Смита: от повязки остались одни лохмотья, сквозь которые сочилась кровь.

– Если вы задумали получить за этот переход Крест Виктории, забудьте. Шансом воспользуюсь я. – И добавил, покачивая головой: – Сам не знаешь, чего болтаешь, Шэффер. Лейтенант ухватился за веревку, сполз по склону кровли до края, перевернулся головой к краю и дальше передвигался уже медленно, сантиметр за сантиметром.

Заглянув вниз, он обнаружил, что оказался прямо над одним из тросов лебедки фуникулера. А с левой стороны поисковая группа с собаками, утопая в глубоком снегу, карабкалась вверх по откосу в сторону главного входа в замок. Видно, всех подняли по тревоге – либо тушить пожар, либо искать поджигателей. Следовательно, заключил Шэффер, люди из

внутренней охраны проверили обстановку под окнами радиорубки и обнаружили там девственно чистый, нетронутый снег...

Он посмотрел вверх. Оттуда никакой опасности не грозило: видно, хозяева Шлосс Адлера решили – какой смысл ставить часового снаружи, когда враг явно не покидал стен замка. Шэффер сдвинулся вниз еще на расстояние ладони. Теперь проблема была в одном. Есть ли охрана на станции, и если есть, то удастся ли ему, Шэфферу, удержаться на веревке с помощью одной руки, а второй вытащить "люгер" и снять часового? Конечно, ему грех жаловаться – он прошел отличную школу, но из него же готовили не акробата на проволоке. В горле у него пересохло, и сердце стучало как бешеное. Шэффер изогнул шею и заглянул внутрь станции. Там никого не было, а если кто и был, то так надежно спрятался, что Шэфферу было не видать. Логика, однако, подсказывала, что прятаться там глупо; скорее всего, дежурившего на станции часового отозвали в замок на пожар. Насколько он мог видеть, на станции не было ничего подозрительного, только вагончик, машинный механизм подъемника и батареи аккумуляторов. Опасностью не пахло. Но вот что его сильно огорчило. Оказалось, что попасть внутрь станции можно было только одним способом, причем, отнюдь не по веревке. Дело в том, что станцию выстроили в типично альпийском стиле: крыша метра на два спускалась ниже уровня пола, прямо в пропасть. Выход был один: вскарабкаться по стальному тросу фуникулера на крышу вагончика и уже оттуда спуститься на пол станции. Шэффер не стал тратить время на раздумья о том, насколько это физически возможно. Это должно было стать возможным. Все равно иначе на станцию не проникнуть.

Шэффер не без труда отполз от края крыши, опять перевернулся, теперь ногами в сторону ската и посмотрел вверх. Смит весь напрягся в ожидании, и только лицо его было как всегда бесстрастным. Шэффер жестом показал, что начинает действовать, и заскользил по склону, пока ступни его не нащупали стальной трос.

Он обхватил трос ногами и руками, повис и начал карабкаться вверх. Это удавалось ему плохо. Поднявшись сантиметров на двадцать, он тут же сползал вниз на десять. Трос, натянутый под углом сорок пять градусов, был покрыт ледяной коркой и промаслен, поэтому, чтобы хоть чуть-чуть продвинуться по нему вперед, надо было до боли в мышцах сжимать его пальцами. Такой способ передвижения был просто самоубийством для Смита с его раненой рукой и абсолютно невозможен ни для Мэри, ни для Карнаби-Джонса. И самому Шэфферу подъем давался нелегко. Теряя силы, он представил себе, что будет, если он сорвется. Мысль об этом – и вид зияющей под ним бездны, от которого закружилась голова, заставили Шэффера сделать невозможное. Через десять секунд он, обливаясь потом и дыша как бегун-марафонец на финише, влез на крышу вагончика.

С минуту он пролежал не шевелясь, восстанавливая пульс и дыхание. Потом вытащил "люгер", снял его с предохранителя и спустился на пол. намереваясь окончательно убедиться в том, что станция пуста. И хотя здравый смысл подсказывал, что это чрезмерная осторожность – кто бы тут ни прятался, он обязательно обнаружил бы себя с появлением Шэффера – инстинкт самосохранения и воспитанный тренировкой рефлекс заставили его обшарить все закоулки. На станции действительно никого не было.

Теперь следовало выяснить обстановку поблизости от нее. Тяжелая железная дверь в начале туннеля была открыта. Вторая – в конце туннеля – тоже. Стараясь держаться в тени, Шэффер вышел во двор замка и осторожно осмотрелся. Посмотреть было на что. Во дворе царила лихорадка, которую они видели из окна, только теперь беготня приобрела осмысленный и упорядоченный вид. Повинуясь командам начальства, множество солдат разматывали пожарные шланги, таскали ведра с песком и огнетушители. Между тем главные ворота оставались без присмотра – охрану тоже привлекли к тушению. Но только самоубийца рискнул бы совершить побег через эти ворота на виду шестидесяти или семидесяти альпийских стрелков.

Слева во дворе стоял всеми забытый и бесполезный

геликоптер. Пилот куда-то исчез. Грохот сильного взрыва донесся из стен замка. Шэффер поднял голову, чтобы определить – откуда именно, и, увидев дым, клубящийся из окна верхнего этажа в восточном крыле, прикинул, какой из его взрывпакетов сработал на этот раз. В тот же миг шестое чувство заставило его посмотреть вправо. Он замер. В воротах замка появились те самые люди с собаками, которых он видел сверху у подножия скалы. Из оскаленных пастей доберман-пинчеров вырывались клубы морозного пара. Шэффер инстинктивно отпрянул назад: с солдатами он так или иначе мог бы справиться, но собаки были ему не по силам. Он шмыгнул назад, под защиту железных дверей, закрыл их за собой и положил ключ в карман.

Неожиданно над его головой раздался треск. Битое стекло посыпалось на пол. Шэффер недоуменно поднял глаза вверх.

Ствол "люгера" автоматически повторил траекторию его взгляда.

– Убери пушку, – недовольно сказал Смит, прижав лицо к металлическим прутьям. – Ты что, решил, что сюда Крамер с компанией пожаловал?

– Нервы, – сухо объяснил Шэффер. – Знали бы вы, что пришлось пережить лейтенанту Шэфферу. А что там у вас новенького?

– Каррачола с приятелями мерзнут носом вниз на крыше, Мэри со "шмайсером" за ними присматривает. Джонс еще наверху. Боится высунуться. Говорит, что не переносит высоты. Я устал его убеждать. А у тебя что?

– Тихо. Похоже, пока никто не собирается воспользоваться услугами фуникулера. Обе двери на замке. Они железные, и если кому-нибудь придет в голову их штурмовать, не сразу поддадутся. Кстати, босс, впрорхнул я сюда как птичка. В буквальном смысле слова. Без крыльев тут не обойтись. Вам с вашей рукой этого пути нипочем не проделать. Мэри и старикан и пытаться не станут. А Каррачола и прочие – ну, впрочем, что о них беспокоиться...

– Сначала поставь рычаг электропитания подвесной дороги в положение "аварийное". Они наверняка отключат здесь энергию из замка.

– О'кей. Готово. Здесь еще кнопки "Пуск" и "Стоп", механический тормоз...

– Включай мотор, – приказал Смит. Шэффер нажал кнопку "Пуск", генератор загудел, быстро набирая обороты. – Теперь освободи тормоз и поставь передачу на передний ход. Если сработает, останови вагончик и попробуй задний ход. Шэффер снял тормоз и включил передачу. Вагончик послушно двинулся вперед. Шэффер остановил его, включил обратную передачу и вернулся в исходную точку.

– Гладко, да?

– Теперь подведи вагончик серединой под крышу. Мы спустимся по веревке на крышу вагончика, а ты доставишь нас внутрь.

– Здорово придумано! – с восторгом сказал Шэффер.

– Первыми я отправлю Каррачолу, Томаса и Кристиансена, – сказал Смит. – Сумеешь приглядеть за ними, пока мы не подоспеем?

– Оскорбление подчиненных не способствует укреплению их морального духа, – обиженно ответил Шэффер.

– Я и не знал, что он у тебя еще остался. А теперь я еще попытаюсь уговорить нашу Джульетту спуститься с балкона. – Смит пнул Каррачолу носком ботинка.

– Ты пойдешь первым. По веревке на крышу вагончика. Каррачола посмотрел вниз.

– Не заставляйте. Ни за что, – он покачал головой, глядя на Смита полными ненависти глазами. – Лучше застрелите. Прямо сейчас.

– Застрелю, если попробуешь сбежать, – ответил Смит. – И ты об этом знаешь.

– Знаю, конечно. Но вот так, лицом к лицу, вы меня не пристрелите. Вы ведь с принципами, так, майор? Эдакий высокоморальный идиот, который готов рисковать жизнью, чтобы спасти вражеского солдата. Ну, что не стреляете?

– Просто нет необходимости. – Здоровой рукой Смит сгреб Каррачолу за волосы и сильно дернул назад, поднеся ему к лицу дуло "люгера". От острой боли, причиненной разможенной руке, его затошнило, но он даже не поморщился. – Я стукну тебя хорошенько на веревке. Шэффер подаст вагончик и втащит тебя внутрь. Но ты, видно, заметил, что моя правая рука не вполне в порядке, так что не обессудь, если я неважно затяну узел или не смогу тебя удержать. Будешь плохо себя вести, может, и Шэффер не захочет взять тебя в спутники. Но мне по большому счету на все это наплевать, Каррачола.

– Подлая змея! – Слезы бессилия брызнули из глаз Каррачолы, в голосе звучала остервенелая ярость. – Клянусь Богом, я выживу, чтобы заставить тебя пожалеть о том, что ты со мной встретился.

– Поздно. – Смит с презрением оттолкнул Каррачолу от себя и тому пришлось схватиться за веревку, чтобы не свалиться с крыши. – Я об этом жалею с тех самых пор, как обнаружил, кто ты есть на самом деле. Дермо собачье. Вали отсюда, а то я вправду пристрелю тебя. Какого черта я обязан тащить тебя на своем горбу в Англию?

Каррачола повиновался. Он соскользнул вниз по веревке. пока ступни его не уперлись в штангу вагончика. Томас последовал вниз без лишних уговоров. За ним отправился и Кристиансен. Смит увидел, как вагончик начал двигаться внутри помещения станции и посмотрел вверх, на окно, откуда свисала веревка.

– Мистер Джонс?

– Я тут, – раздался голос Карнаби-Джонса из глубины комнаты. Он не рискнул даже высунуться из окна.

– Надеюсь, вы не заставите себя ждать, – серьезным тоном сказал Смит. – Другого выбора у вас нет. К вам могут войти в любую минуту. Мне неприятно говорить об этом, но я вынужден.

Мой долг предупредить вас о том, что с вами сделают. Вас будут пытать, мистер Джонс, как шпиона и не такими пошлыми способами, как вырывание зубов и ногтей, а невыразимыми пытками, которые у меня язык не поворачивается описать в присутствии мисс Эллисон. А кончите вы в газовой камере. Если к тому времени еще останетесь живым.

Мэри стиснула его плечо.

– Неужели они правда на это пойдут?

– Господи, конечно, нет! – спокойно сказал Смит и громко добавил: – Вы умрете в страшных мучениях, мистер Джонс, вам такое не привиделось бы и в самом кошмарном сне. И умирать будете долго. Много часов. Может быть – дней. Не переставая кричать от боли.

– Что же мне делать. Господи? – полным отчаяния голосом проговорил Джонс. – Что делать?

– Спуститься вот по этой веревке, – безжалостно ответил Смит. – Всего-то метров пять. Совсем немного, мистер Джонс.

Вам это раз плюнуть.

– Я не могу, – запричитал Джонс. – Ей-богу, не могу.

– Можете, можете! – не уступал Смит. – Хватайте веревку, закрывайте глаза, перелезайте через подоконник и вперед! А мы вас тут поймем.

– Я не могу! Не могу!

– Господи! – взмолился Смит. – Господи! Уже слишком поздно.

– Что значит – поздно?

– Они приближаются, зажгли свет во всем крыле – и в том окне, и в этом... Сейчас войдут к вам. Когда вас разложат на столе пыток...

Не прошло и двух секунд, как Карнаби-Джонс перемахнул через подоконник и заскользил по нейлоновой веревке. Глаза его были плотно зажмурены.

– Ну и врун же ты, – восхитилась Мэри.

– Вот и Шэффер мне говорит то же самое, – ответил Смит. – Значит, в этом есть зерно истины.

Вагончик с тремя мужчинами, прижавшимися к штанге, медленно вполз в помещение станции, дернулся и остановился.

Один за другим они, повинувшись движению "люгера" Шэффера, прыгивали вниз, сначала повиснув на руках. Последним был Томас, который, вроде неудачно приземлившись, вскрикнул от боли и тяжело завалился на бок. Но падая, он выбросил руки и задел Шэффера. Тот потерял равновесие, а тут еще Кристиансен ударил его головой в живот. Лейтенант упал навзничь, ударившись спиной о генератор так, что перехватило дыхание. Кристиансен вырвал у него пистолет и приставил к горлу.

Каррачولا подбежал к железной двери тоннеля и остервенело затряс их. Потом кинулся назад к Шэфферу и вцепился ему в горло.

– Там замок. Где ключ от этого чертова замка? – Голос его был похож на шипение змеи. – Двери заперты изнутри. Только ты мог это сделать. Где ключ?

Шэффер попытался сесть, ослабевшей рукой отводя от себя руки Каррачолы.

– Дайдохнуть, – прохрипел он. – Меня сейчас вырвет.

– Где этот чертов ключ? – напирал Каррачولا.

– Господи, дапусти меня! – Шэффер неуклюже поднялся на колени, из горла его вырывались какие-то нечленораздельные звуки. Он помотал головой, словно пытаясь развеять туман в глазах, потом поднял мутный взгляд на Каррачолу:

– Чего тебе надо? Что ты сказал?

– Ключ! – в ярости заорал Каррачولا и несколько раз наотмашь ударил Шэффера ладонью по лицу. – Где ключ!

– Полегче, полегче! – Томас перехватил его руку. – Не дури. Тебе ведь надо, чтобы он заговорил, а не сдох.

– Ключ... а, ключ...

Шэффер неуверенно поднялся на ноги и застыл. Глаза его были полузакрыты, лицо бледно-землистого цвета, из уголков рта сочилась кровь.

– Там батареи, я, должно быть, спрятал его за батареями.

Впрочем, погоди... – Слова его звучали глухо и отрывисто. –

Кажется, я только хотел это сделать. – Он пошарил в карманах, нащупал ключ и протянул его Каррачоле. Тот, победно улыбнувшись уголком рта, хотел было взять его, но Шэффер резким движением размахнулся и швырнул ключ в обрыв. Каррачولا заворуженно проследил за его полетом и, рассвирепев от ярости, с размаху ударил Шэффера по голове его же "шмайсером". Американец свалился как подкошенный.

– Ну, – холодно заключил Томас, – остается выбить замок из автомата.

– Если желаешь покончить жизнь самоубийством. Пули отрекошетят от железной двери, – Каррачولا вдруг улыбнулся.

– Но чего мы, собственно, добиваемся? Давайте пораскинем мозгами. Выбравшись отсюда во двор, мы первым делом получим пригоршню пуль в живот. Не забудьте, что тех, кому известно, кто мы такие на самом деле, угостили нембуталом, и они нескоро придут в себя. Для всех остальных мы либо неизвестно кто, либо

– пленные. И в том, и в другом случае – враги.

– И что же? – нетерпеливо перебил его Томас.

– Вот я и говорю, надо мозгами шевелить. Значит так.

Спустимся вниз на этой штуковине, позвоним Вансеру, попросим его сообщить в замок, где находится Смит. А если Смиту удастся спуститься в деревню вслед за нами, поможем устроить ему торжественную встречу на нижней станции. Потом отправляемся в казармы – у них там наверняка есть радиопередатчик – и связываемся сами знаете с кем. Есть вопросы?

– Никаких! – повеселел Кристиансен. – И после этого мы будем жить долго и счастливо. Так пошли, чего мы ждем? – Давайте оба в вагончик.

Каррачولا подождал, пока они забрались туда, пересек помещение станции, остановился там, где Смит разбил световой люк и позвал:

– Босс!

В руке он держал "люгер" Шэффера с глушителем. Смит поручил Мэри дрожащего Карнаби-Джонса, который так и не открывал глаз, и сделал два шага в сторону люка. Но не случайно Уайет-Тернер говорил, что у Смита встроен радар, реагирующий на

любую опасность; зов снизу заставил этот радар заработать на полную мощность.

– Шэффер? – осторожно спросил он. – Лейтенант Шэффер, это вы?

– Я, босс, – ответил голос с характерным акцентом. Тем не менее радар майора бил тревогу. Смит опустил на четвереньки и бесшумно пополз вперед. Он не сразу увидел Шэффера, распластавшегося на полу, но успел отпрянуть, и ветер от пролетевшей у его головы пули, пущенной из "люгера", только взметнул ему волосы. Снизу донеслось проклятье.

– Это был твой последний шанс, Каррачола, – сказал Смит. Теперь ему хорошо было видно лицо Шэффера, точнее – кровавая маска, в которую оно превратилось. Сверху трудно было судить, жив он или мертв. Он больше был похож на мертвеца.

– Ошибаешься, – рассмеялся Каррачола. – Я просто растягиваю удовольствие. Мы отчаливаем. Смит. Сейчас я заведу мотор. Если не хочешь, чтобы Шэффер получил пулю, – при этих словах он кивнул на Кристиансена, который держал лежащего под прицелом "шмайсера", – не делай глупостей.

– Как только ты подойдешь к панели управления, Каррачола, попадешь мне на мушку, и я пристрелю тебя. Шэффер мертв. Я вижу.

– Его угостили прикладом, это верно, но удар был не смертельный.

– Я убью тебя, – без выражения повторил Смит.

– Вот проклятье, я же сказал, что он жив! – Каррачола явно стало не по себе.

– Я тебя убью, – еще раз бесстрастно сказал Смит. – А если не я, тебя кокнут вниз. Взгляни, что мы сотворили с их драгоценным Шлосс Адлером. Он весь в огне. Нетрудно догадаться, что ребята получили приказ стрелять без предупреждения во всех подозрительных. А ты, Каррачола, подозрительный.

– Послушай же меня, – уже с ноткой отчаяния сказал Каррачола. – Я докажу, что Шэффер жив.

Каррачола вошел в поле обзора Смита и, увидев наставленный на себя ствол "шмайсера", отшвырнул "люгер":

– Автомат тебе не понадобится! – Потом склонился над Шэффером, зажал ему пальцами нос и прикрыл ладонью рот. Шэффер, как марионетка, задергал головой и зашевелил пальцами, словно пытаясь схватить воздух.

– И не забудь, – пригрозил Каррачола, – что Кристиансен держит его на прицеле.

Он демонстративно прошел к пульту управления, включил генератор и освободил механический тормоз. Смит отложил бесполезный теперь "шмайсер" и поднялся. На его лице была горечь.

– Вот, значит, как, – проговорила Мэри неестественно спокойным тоном. – Конец. Всеу конец. Операции "Оверлорд" – и нам. Если нас вообще кто-нибудь принимает в расчет.

– Я принимаю. – Смит достал и взял в здоровую руку свой "люгер". – Присмотри за нашим малышом.

Глава 10

Смит, не обращая внимания на Мэри, с криком "Нет!" пытавшуюся удержать его, подошел к тому месту, где крыша резко уходила под уклон. Под кромкой кровли как раз показался край вагончика, внутри которого торжествовали удачу трое недавних пленников. Майор попытался почетче оттолкнуться с обледевшей крыши и прыгнул вниз. Просчитайся он хоть чуть-чуть, дело кончилось бы плохо. Однако ему удалось попасть на крышу вагончика, правда, от удара вагончик беспорядочно задергался, и Смит заскользил вниз. Он не смог удержаться за скобу подвески раненой рукой и, инстинктивно потянувшись к ней левой, выронил "люгер", который соскочил с

крыши и утонул во тьме. Судорожно схватившись за скобу обеими руками, Смит хватал ртом ледяной воздух. Пассажиры вагончика замерли от неожиданности. Улыбки как-то застыли на их лицах; рука Кристиансена, собиравшегося радостно хлопнуть кого-то по плечу, так и повисла в воздухе. Первым очнулся Каррачولا. Он стащил с Кристиансена "шмайсер" и нацелил его вверх. Вагончик уже отошел на порядочное расстояние от замка, и висел высоко над землей, нещадно раскачиваемый ветром. Смит, ослабленный ударом от прыжка, болью в руке и потерей крови, из последних сил держался за скобу, безжизненно распластавшись на скользкой крыше. К горлу подступала тошнота, в глазах стоял туман. Автоматная очередь прошла железо в сантиметре от него. Туман в глазах мигом рассеялся. Магазин "шмайсера" вмещал гораздо больше пуль, чем появилось на крыше дырок. Значит, обождав пару секунд – не свалится ли его тело вниз – они возобновят стрельбу. Вот только куда на этот раз будут целить? В какую часть крыши? Пальнут ли наобум или станут расчетливо прочесывать участок за участком? Гадать бесполезно. Может, как раз в этот момент дуло "шмайсера" нацелено ему в живот? От одной этой мысли Смит как наэлектризованный откатился прямо туда, где остался след автоматной очереди. Вряд ли стрелок снова будет палить в то же место. Впрочем, и на это нельзя было твердо надеяться, ведь внизу могли угадать ход его мыслей. К счастью, там думали по-другому; следующая серия дырок появилась ближе к заднему краю вагончика.

Опираясь на скобу подвески, Смит поднялся на ноги и схватился за трос. Теперь в качестве мишени он значительно сузил противнику возможность попадания. Перебирая руками трос, он бесшумно и быстро пробрался в переднюю часть вагончика. Амплитуда колебаний фуникулера становилась головокружительной. Опора для ног была ненадежной, и Смит держался в основном за счет рук, точнее – за счет одной здоровой руки. А вагончик плясал на проволоке, как шут на веревочке, и, казалось, вот-вот сорвется. Напряжение в левой руке делалось невыносимым: плечевые суставы нестерпимо ныли – и все же это было не смертельно. Смит рассчитывал, что ни один идиот не станет стрелять в то единственное место на крыше вагончика, с которого легче всего сорваться. Его расчет оправдался. Снизу дали еще три очереди и все три на безопасном расстоянии от его прибежища. Теперь можно было подумать о возвращении к скобе подвески. В самом деле, его силы были на исходе. Левая рука совсем ослабела, пришлось перенести упор на раненую правую, и острая боль пронзила тело как электрический разряд. В результате Смит почувствовал себя еще хуже. Надо было немедленно возвращаться на прежнее место.

В этот момент из передней дверцы вагончика показалась голова Каррачолы и его рука со "шмайсером". Вытянув шею, он выматривал Смита – и моментально увидел его. Каррачولا протиснулся насколько можно было вперед, приладил приклад к плечу и нажал спуск в момент, когда Смит бросился к скобе подвески.

Точно прицелиться ему не удалось, но на таком небольшом расстоянии этого и не требовалось. Первая пуля сорвала погон с левого плеча Смита, вторая царапнула плечо, содрав кожу, хорошо, что остальные просвистели мимо головы. Смит рухнул на крышу. сжавшись в комок за основанием скобы. Но Каррачولا твердо решил довести дело до конца. У него оставалось совсем немного патронов, и он решил не расходовать их впустую. С помощью Томаса и Кристиансена он не без труда вылез на крышу. Ноги его повисли над пропастью. Самоубийственный шаг, подумал Смит. Каррачولا сделал роковую ошибку: ни руками не за что ухватиться, ни ногами зацепиться – при первом же толчке он полетит вниз. Но Смит рано радовался. Пальцы Каррачолы нащупали в крыше прорезь, сделанную автоматной очередью, – он подтянулся вперед и стал на колени.

Смит раненой рукой искал в сумке гранату, стараясь как можно дальше отползти назад – на таком расстоянии граната была для него не менее опасна, чем для Каррачолы. Ноги его повисли над краем вагончика, и вдруг он вскрикнул от резкой

боли. Смит повернул голову назад, но в мутном свете луны не смог увидеть ничего, кроме пары рук, ломавших его голени. Смит посмотрел вперед – Каррачола не шевелился. Вагончик находился как раз посередине между верхней станцией и опорой. Амплитуда раскачки была здесь особенно велика, и Каррачола замер, боясь сорваться. Смит перестал нащупывать гранату – теперь она могла и не понадобиться, зато вытащил нож и попытался ударить по рукам, которые причиняли ему такую адскую боль. Но достать до них не сумел.

Левая рука, казалось, вот-вот не выдержит напряжения. В запасе оставались считанные секунды, и терять ему было уже нечего. Смит зажал рукоятку раненой рукой, повернулся и со всей оставшейся силой метнул нож.

Раздался чей-то крик боли, ноги тут же отпустили. Томас втащил Кристиансена в вагончик, и тот с тупым удивлением уставился на лезвие, вонзившееся ему в запястье. Но и Смит остался без последнего своего оружия. Каррачола понял, что настал его час. Он медленно поднялся на ноги, держась за стойку скобы подвески, обхватив ее для верности ногами. Ствол его "шмайсера" нацелился прямо в лицо Смигу.

– Осталась последняя пуля, – объявил Каррачола с вежливой улыбкой. – И сейчас мы ее пустим в ход.

Неужели это конец, подумал Смит. Но надежда не покидала его. В схватке с Кристиансеном он не заметил, что вагончик перестал раскачиваться как маятник. Удерживаться на скользкой крыше стало легче. Не заметил этого и Каррачола. Тем более он не обратил внимания, почему это произошло. Смит, усилием воли оторвав взгляд от дула глядящего на него автомата, посмотрел через плечо Каррачола. Поперечная балка приближающейся опоры фуникулера вот-вот должна была пройти прямо над крышей вагончика.

– Ну что, Смит, не горюй, – с притворным сочувствием сказал Каррачола, поправляя прицел. – Все там будем. На том свете свидимся.

– Погляди-ка лучше, что у тебя за спиной.

Каррачола презрительно улыбнулся, решив, что Смит пытается провести его с помощью такого детского трюка. Смит еще раз посмотрел за спину Каррачола и быстро отвел взгляд. Усмешку будто стерло с губ Каррачола: шестым чувством он ощутил опасность и, обернувшись, издал страшный крик. Последний в своей жизни. Стальная перекладина опоры ударила его в спину, с громким хрустом размозжив позвоночник. Через секунду его мертвое тело падало вниз. В открытую заднюю дверь вагончика Томас и Кристиансен, онемев от ужаса, наблюдали эту жуткую картину.

Трясаясь как в малярийном ознобе, словно в полусне, Смит, пересиливая боль, сел, сцепив руки и ноги вокруг задней стойки скобы подвески. Почти бессознательно он поднял голову и бросил взгляд вниз, в долину. Второй вагончик,двигающийся навстречу с нижней станции, миновал первую опору. Если повезет, вагончик, на крыше которого сидел Смит, доберется до центральной опоры первым. Если повезет. Но нельзя надеяться на слепой случай: выбора не было, следовало действовать, не рассчитывая на особое везение.

Смит вытащил из сумки два пакета взрывчатки и надежно расположил их у основания скобы. Сам привалился к скобе, обхватив ее руками и ногами, собираясь пересидеть так самый опасный участок пути, когда вагончик, находясь на равном расстоянии от опор, раскачивается особенно сильно. Он понимал, что торчать так довольно глупо. Снегопад прекратился, сияла полная луна, освещая долину призрачным светом. Он плыл по небу, заметный отовсюду – и с нижней станции, и из окон замка. Но понимая это, ничего не мог поделать – у него не осталось сил, чтобы, распластавшись на крыше, держаться за скобу руками, как они это проделали с Шэффером на пути вверх. Он подумал о Шэффере – но как о чем-то постороннем, далеко. Эмоций не осталось – утомление, потеря крови и жестокий холод истощили чувства. Он подумал и о других – о старике и девушке на крыше верхней станции, о двух изменниках внутри вагончика. Мэри и

Карнаби-Джонс ничем не могли ему помочь; безоружные Томас и Кристиансен вряд ли решились бы повторить вылазку Каррачолы – у того хоть был "шмайсер".

Шэффер... Мысли Смита вновь вернулись к нему. Шэффер чувствовал себя не лучше, чем майор. Он едва очнулся, приходя в себя от тяжелого кошмара и ощущая во рту соленый привкус. Сквозь туман в голове он услышал женский голос, повторяющий его имя. В нормальной обстановке Шэффер всегда живо откликался на женские голоса, но теперь ему хотелось, чтобы женщина умолкла: она была частью того тяжелого сна, в котором ему раскрыли голову, и чтобы боль прошла, надо было проснуться. Он со стоном уперся ладонями в пол, пытаясь приподняться. Ему стоило немалых трудов, помогая себе руками, оторвать голову от пола. Голова была чужой: в нее словно всадили мясницкий топор и набили ватой. Он помотал ею, чтобы рассеялся туман, – и напрасно, потому что из глаз снопом посыпались разноцветные искры. Шэффер поднял тяжелые веки, и пестрый калейдоскоп потихоньку растаял в воздухе. На полу проступили знакомые очертания его собственных рук. Он окончательно пришел в себя – но кошмарное наваждение не отступало. Он по-прежнему чувствовал во рту соленый привкус крови, голова все так же кружилась в каком-то бешеном танце, а женский голос продолжал звать его:

– Лейтенант Шэффер! Лейтенант Шэффер! Очнитесь. лейтенант! Очнитесь же! Слышите меня?

Где-то он слышал этот голос, подумал Шэффер, вот только где? Должно быть, очень давно. Он повернул голову на голос – он исходил откуда-то сверху – и перед глазами опять поплыла разноцветная мозаика. Нельзя двигать головой, заключил Шэффер. Он подтянул под себя колени, подполз к какой-то механической штуковине, за которую удобно было держаться, и потихоньку поднялся на ноги. Ноги дрожали, но он все-таки стоял.

– Лейтенант! Лейтенант Шэффер! Я здесь, наверху! Шэффер невероятным усилием приподнял голову – казалось, этот простой жест занял у него целую вечность, – и беспорядочный хоровод разноцветных светил перед его глазами собрался в аккуратное созвездие. Он узнал этот голос – голос Мэри Эллисон, ему казалось, он узнал даже ее бледное лицо со следами слез.

Впрочем, уверенности не было – взгляд не мог сосредоточиться.

Он никак не мог понять, какого черта она делает там наверху, за какой-то решеткой вдребезги разбитого светового люка. Его мысли тупо прорывались сквозь самые обычные вещи. Они были похожи на пловца, вынужденного плыть против течения, путаясь в густых водорослях.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Мэри. Вопрос его рассмешил.

– Кажется, кое-что чувствую, – не сразу ответил он. – А что случилось?

– Они ударили вас вашим же автоматом.

– Вот оно что. – Шэффер понимающе кивнул и тут же пожалел об этом. Он осторожно пощупал кровоподтек на голове. – Должно быть, сотрясение... – Он резко оборвал себя и медленно повернулся лицом к двери. Что там такое?

– Собака. Похоже, собака лает.

– Я так и думал. – сказал он притихшим голосом и как пьяный прислонился ухом к железной двери. – Много собак. И стучат молотом, да не одним. – Он отошел от двери и, спотыкаясь, подошел к тому месту, откуда хорошо было видно Мэри. – А где майор?

– Отправился за ними, – бесстрастно ответила она. – Вспрыгнул на крышу вагончика.

– Так, значит, – Шэффер воспринял известие как нечто заурядное. – И что же дальше?

– Что дальше? – Раздраженная его явным безразличием, Мэри повысила голос: – Была драка, и кто-то слетел вниз. Не знаю, кто.

– Один из этих. – убежденно ответил Шэффер.

– Откуда вы знаете?

– Майор Смит не из тех, кто сваливается в пропасть. Это

кстати, цитата из воспоминаний будущей миссис Шэффер. Наш майор Смит не имеет обыкновения падать с крыши фуникулера. А это

цитата из воспоминаний будущего мужа миссис Шэффер.

– Похоже, вы приходите в себя, – заметила Мэри, – Вы, пожалуй, правы. Там кто-то сидит на крыше, и вряд ли кто из этих...

– А откуда вы знаете, что там кто-то сидит?

– Вижу, – нетерпеливо ответила она, устав от объяснений.

– Луна светит. Да сами взгляните. Шэффер взглянул сам, потер глаза рукавом.

– Должен вам сказать, любовь моя, что я не могу разглядеть даже самого вагончика.

До центральной опоры оставалось метров десять. Поднимающийся снизу вагончик находился примерно на том же расстоянии от нее. Времени было в обрез. Смит оторвался от взрывчатки и приготовился. Вытянув вперед руки, он зацепился за верхнюю балку опоры. Удар был сильным, но он удержался и быстро перебирая руками и ногами, перелез по обледеневшей стальной балке на другую сторону опоры. Крыша вагончика с нижней станции уже начала проплывать мимо. Впервые за эту ночь Смит возблагодарил луну. Сделав еще два неверных шага по скользкой поверхности, он прыгнул на обледеневший трос, ярко блеснувший в бледном свете. Лево́й рукой Смит придержал трос, правой обхватил его, прижав к груди. Как ни крепко он старался держаться, все-таки он соскользнул немного вниз, и трос, дернувшись, ударил его по шее, едва не лишив головы. Но ноги уже нащупали крышу вагончика, и он, отпустив трос, рухнул на четвереньки и вслепую нащупал стойку скобы подвески. Несколько долгих секунд Смит не двигался, одолеваемый тошнотой, подступившей к горлу. Потом, когда ему немного полегчало, лег лицом вниз. По мере удаления от опоры вагончик раскачивался все сильнее. Расскажи Сми́ту кто-нибудь о том, как вконец обессиленный человек за счет одного инстинкта самосохранения нашел в себе силы продержаться в таких условиях – он бы не поверил. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем силы потихоньку стали возвращаться к нему. Уже привычным движением он сел, привалившись к скобе и стал смотреть вниз.

Вагончик, который он только что покинул, приближался к последней на своем пути опоре. Томас и Кристиансен сидели на полу. Кристиансен сооружал себе повязку на раненую руку. Обе дверцы были раскрыты настежь – как в тот момент, когда они втроем предприняли атаку на Смита. То, что никто из них даже не попытался прикрыть двери, свидетельствовало об уважении, если не сказать – страхе, который они теперь испытывали по отношению к Сми́ту. Яркая магниевая вспышка блеснула сверху, и сразу же раздался два взрыва, слившиеся в один. Задние стойки скобы подвески вагончика разлетелись в куски, и он, запрокинувшись, повис на двух передних.

Кристиансена отбросило к открытой задней дверце. Он судорожно попытался удержаться за стену, но раненая рука подвела его, и он беззвучно вывалился из двери, пропав во тьме.

Томас, руки у которого были в порядке, а реакция быстрее, оказался удачливее, но ненадолго. Он увидел, как разламывается крыша вагончика под давлением стоек, на которые ложилась тяжесть, явно для них непосильная. Томас подобрался к дверце и обеими руками ухватился за трос. Ему удалось выкинуть наружу ноги как раз в тот момент, когда передние стойки со скрежетом выломались из крыши. Вагончик, переворачиваясь в воздухе, рухнул вниз. Томас удержался на тросе, который, освободившись от груза вагончика, ходил ходуном. Но, обернувшись он увидел несущуюся на него поперечную балку нижней опоры. Силы покинули его, изо рта вырвался крик ужаса. Суставы рук, до боли сжавшие ледяной трос, побелели как полированная слоновая кость. А потом раздался долгий крик, затихший в ночной тьме. Приближаясь к верхней станции, Смит подался вперед, пытаясь разглядеть, что делается в замке. Ему было не видно восточного крыла Шлосс Адлера, но судя по клубам густого дыма, заполнившего долину пожар не утихал. Луна опять скрылась за облаками, Но на этот раз это было, с одной стороны, им на руку,

а с другой – могло помешать. В темноте незаметнее были клубы дыма, зато ярче казался огонь. Теперь дорога была каждая минута, пока в долине – в деревне или в казармах – не увидят пожар. Впрочем, внимание может привлечь не только огонь, но и раздававшиеся в замке взрывы, которых оказалось что-то многовато; вряд ли все они были на совести Шэффера.

Крыша вагончика достигла уровня верхней станции и Смит со вздохом облегчения увидел у входа фигуру. Это был Шэффер. Весьма потрепанный Шэффер, это верно, едва держащийся на ногах, Шэффер с кровавой маской вместо лица, Шэффер, которому, при всем старании, никак не удавалось сосредоточить свой взгляд. И все же это был Шэффер, несомненно он. Смит по чувствовал внезапный прилив энергии. Он только сей час до конца понял, как дорог ему этот американец.

На крыше станции, прижавшись к стене замка, стояли Мэри и Карнаби-Джонс. Он поднял руку, приветствуя их, но они не ответили. Я будто призрак из царства мертвых, подумалось Смиуте. Шэффер, несмотря на проблемы со зрением и головокружение, вполне справился с управлением фуникулером. Может, это удалось ему по чистой случайности, но он остановил вагончик точно под навесом крыши. Сперва Мэри, потом Джонс соскользнули по нейлоновой веревке вниз. Джонс с закрытыми глазами. Никто не проронил ни слова, даже когда Шэффер помогал им спуститься на пол станции.

– Быстрее! Быстрее! – закричал Смит, гостеприимно распахивая дверцу вагончика. – Сюда давайте, все! – Он поднял валявшийся на полу "люгер" Шэффера и обернулся на лай собак и грохот молотов, с помощью которых пытались открыть железные двери станции.

Мэри и Шэффер были уже в вагончике. Джонс замер со "шмайсером" в руке, прислушиваясь к грозному грохоту. Лицо его было безучастным.

– Я ужасно боюсь высоты. Но дело не в этом.

– Живо в вагончик! – прошипел Смит.

– Нет, – отрицательно покачал головой Джонс. – Слышите? Сейчас они будут здесь. Я старше всех вас на двадцать лет, я остаюсь.

– Бога ради! – взмолился Смит. – Впрочем, спасибо Джонс.

– Он понимающе кивнул и тут же, здоровой рукой послав артиста в нокаут, втолкнул его внутрь. Потом быстро освободил тормоз, включил передачу и догнал двинувшийся вперед вагончик.

В этот момент грохот, который производили осаждавшие дверь тоннеля, усилился. Видимо, в Шлосс Адлере решили, во что бы то ни стало преодолеть преграду. Смит затворил дверцу вагончика. Шэффер сидел, обхватив голову руками. Мэри стояла на коленях, прижав к груди Джонса, и смотрела на его благородную седину. Лица ее было не видно, но Смит готов был голову отдать на отсечение, что она вряд ли хвалит негодяев, обидевших пожилого беззащитного артиста. Так прошло минуты две – пока Карнаби-Джонс не шевельнулся. Вслед за ним встрепенулась Мэри, и взгляд ее упал на Смита. На губах ее сияла улыбка.

– Все в порядке, – сказала она. – Я сосчитала до десяти, открыла глаза и призрак не исчез. Значит, ты не призрак. – Она помолчала, и улыбка слетела с ее губ. – Я думала, тебя уже нет.

– Не ты одна. Надо подавать в отставку. За последние четверть часа я исчерпал лимит удачи на всю оставшуюся жизнь. А ты неважно выглядишь.

– И чувствую себя неважно. – Лицо ее мертвенно побледнело, на нем обозначились морщины. Она бессильно прислонилась к железной стенке. – К твоему сведению, у меня горная болезнь. И это путешествие для меня – нож острый. Смит хлопнул рукой по потолку.

– Жаль, тебе не довелось путешествовать верхом на этой штуке. Не стала бы провередничать. Ага! Вот и опора номер два. Почти полпути прошли.

– Только полпути! А что, если они сломают дверь?

– Повернут рукоять, и мы поедем вверх. Хочешь – не хочешь.

– Грязный трюк.

– Прошу прощения, – вежливо отозвался Смит.

– Вы-то были на высоте, – с улыбкой покачал головой Джонс. – Но герой – не мое амплуа.

– Да и не мое, браток, – траурным тоном вставил Шэффер. Он поднял голову. Глаза его по-прежнему не слушались, но правая щека, которая не пострадала от удара, уже слегка зарумянилась. – А где наши друзья? Что с ними случилось?

– Их нет.

– Нет? – Шэффер застонал и покачал головой. – Расскажите мне об этом поподробнее. Только не сейчас.

– Он не понимает, что происходит, – грустно сказал Смит. И, помолчав, добавил: – Интересно, как там продвигается осада? Держится дверь, или замок уже сбили? И кто-нибудь уже добрался до рычага управления...

– Заткнись! – выкрикнула Мэри. – Не смей болтать эту чушь!

– Извини, – виновато сказал Смит. Он нежно коснулся ее плеча. – Дурацкая шутка. Вот и последняя опора. Еще минута, и будем дома.

– Дома! – встрепенулся Шэффер. – Дома я буду, когда возьму в руки меню гриль-бара "Савой". Только тогда.

– Кое-кто думает только о своем желудке, – заметил Смит. Надо сказать, что в эту минуту он сам как раз думал о своем желудке, и эти мысли нельзя было назвать приятными. Ощущение было такое, будто он проглотил холодный свинцовый шар. Не только желудок доставлял ему страдания. Редкие глухие удары сердца болезненно отдавались в груди. Рот был полон липкой противной слюны, мешавшей говорить.

Смит вдруг почувствовал, что медленно заваливается на спину – он очнулся благодаря резкому толчку вагончика. Сосчитаю до десяти, сказал он себе, потом, если ничего не случится – до девяти, потом... Потом он перехватил взгляд Мэри. Она выглядела старше лет на пятнадцать; лицо ее было мертвенно-бледным и измученными. Он устыдился самого себя. Нежно пожал ей руку выше локтя.

– Все будет в порядке, – доверительно сказал он. Ему вдруг опять стало легко говорить. – Вот увидишь. Раз дядя Джон сказал...

Она взглянула на него, пытаясь улыбнуться:

– А что, дядя Джон всегда прав?

– Всегда, – твердо ответил Смит.

Прошло секунд двадцать. Смит встал, подошел к переднему краю вагончика. Впереди неясно вырисовывались очертания станции. Он обернулся – все в ожидании смотрели на него.

– Осталось метров тридцать, не больше. – объявил он. – Через минуту я открою эту дверцу. Даже раньше. Мы будем находиться метрах в четырех над землей. Ну, самое большее – в пяти. Будем прыгать. Снег тут достаточно глубокий. Он самортизирует прыжок. Безопасность гарантируется.

Шэффер хотел было сделать какое-то замечание, но удержался и снова обхватил голову руками. Смит открыл дверцу и, шурясь от резкого ледяного ветра. порвавшегося в вагончик, посмотрел прямо вниз. под ноги, признавшись себе, что его прогноз насчет расстояния до земли оказался чересчур оптимистическим. До нее было метров пятнадцать, а такая высота и у самого отчаянного смельчака способна породить видения сломанного позвоночника или конечностей. Но не это было теперь самым опасным.

Издалека доносился рев сирены, в туманной мгле светились фары приближающихся автомашин. Шэффер поднял голову. Она еще сильно болела, но уж не так дьявольски кружилась.

– Подкрепление идет, – сообщил он. – Нештатная ситуация, босс. Рации нет, телефона нет, вертоплота нет, а сообщить умудрились...

– Дымовой сигнал. – Смит указал на замок.

– Черт побери, – воскликнул Шэффер, – неплохо горит для камня!

Шэффер не преувеличивал. Горело действительно великолепно. Шлосс Адлер весь занялся огнем, и его самого

почти совсем не было видно в зареве. Пылающая крепость, окруженная таящейся во тьме горной громадой и бросающая отсвет в долину, залитую бледной луной, казалась фантастическим сказочным видением.

– Надо надеяться, у них хорошая страховка, – сказал Шэффер. – Так сколько отсюда до земли, босс? – поинтересовался он.

– Метра четыре с половиной.

Огни фар показались среди догорающих руин железнодорожной станции.

– Кажется, мы успели, лейтенант Шэффер.

– Успели, – повторил Шэффер и выругался от боли, ударившей в голову от резкой остановки вагончика.

– Всем прыгать! – скомандовал Смит.

– Позвольте мне, у меня все-таки обе руки целы, – сказал Шэффер, оттеснив Смита, и, обняв Мэри, спустил ее. насколько хватило вытянутых рук, вниз. Ей оставалось лететь меньше двух метров. Через три секунды он проделал ту же процедуру с Карнаби-Джонсом. Вагончик дернулся, готовясь начать движение вверх. Шэффер выпихнул Смита и прыгнул вслед за ним в мягкий податливый снег. Покачнувшись, лейтенант все же устоял на ногах.

Смит был рядом. Он уже успел достать взрывчатку и приготовить взрыватель. Протянув взрывпакет Шэфферу, сказал:

– У тебя правая в порядке – действуй.

– Правая у меня в порядке. Пусть с лошадьми я не лажу, но в бейсбол могу сыграть хоть сейчас. – Шэффер ловко забросил взрывчатку в дверной проем вагончика: – Годится?

– Годится. Пошли.

Смит взял за руку Мэри, Шэффер – Карнаби-Джонса, и они успели спрятаться в каком-то закутке, прежде чем грузовики резко притормозили и из них посыпались солдаты, которые вслед за полковником Вайснером двинулись к нижней станции. Замок горел все ярче, пожар вырвался из-под контроля и бушевал вовсю. Сквозь треск огня явственно послышался взрыв – вагончик, не пройдя и середины пути до первой опоры, занялся пламенем и, продолжая катить вверх, вскоре неразлично смешался с огнем большого пожара.

Шэффер тронул Смита за руку:

– Может, заодно и на станции фуникулера пустим красного петуха?

– Уймись, – ответил Смит. – Теперь в гараж.

Полковник Уайет-Тернер, сидевший в кресле второго пилота, прижался лицом к боковому стеклу и недовольно посмотрел вниз. "Москито" был самым быстрым самолетом на этой войне, но лететь с такой скоростью было слишком даже для него.

Уайет-Тернеру казалось, что вот-вот дело закончится катастрофой. Хозяин самолета Карпентер демонстрировал высший пилотаж на бреющем полете, но Уайет-Тернеру это не понравилось. Еще меньше ему нравилась скорость, с которой летела отбрасываемая их бомбардировщиком на землю тень, а хуже всего было, когда дистанция между самолетом и тенью сокращалась почти до нуля. Пытаясь отвлечься от мысли о том, что произойдет, если самолет и его тень действительно сольются, он оторвал взгляд от окна и посмотрел на часы.

– Двадцать пять минут. – Он выразительно посмотрел на Карпентера, с обветренным лицом которого так не вязались великолепные рыжие усы. – Успеем?

– Успеем, – безмятежно отозвался Карпентер. – Успеют ли они – вот вопрос.

– Бог знает. Ума не приложу, как им это удастся: мы с адмиралом не сомневаемся, что они попали в замке в капкан. А сейчас там вообще всех подняли в ружье. Какие тут могут быть шансы...

– И потому вы летите?

– Я их туда послал, – бесстрастно ответил Уайет-Тернер, Он посмотрел в окно, увидел, как самолет и его тень соприкоснулись, пролетая над верхушками сосен, и, теряя терпение, спросил: – Это что, необходимо – лететь так низко?

– Иначе нас засекут, старина, – объяснил Карпентер. – Ближе к земле безопаснее.

Смит, Мэри, Джонс и замыкающий цепочку Шэффер задворками вышли к гаражу. Смит приготовил отмычку. чтобы открыть замок, но дверь тихонько приотворилась сама собой. У входа стояла Хайди, глядя на них как на пришельцев с того света. Потом она перевела взгляд на пылающий замок и вопросительно посмотрела на Смита:

– Все здесь, в блокнотах, черным по белому, – хлопнул он себя по груди. – Теперь в автобус.

Он пропустил всех в дверь гаража, закрыл ее за собой и выглянул из небольшого зарешеченного окна на улицу. Та была заполнена людьми, главным образом военными, хотя не все из них были с оружием – большинство сбежалось поглазеть на пожар прямо из деревенских кабачков. Недалеко от гаража стояли два грузовика с солдатами и еще три – возле станции фуникулера. У "Дикого оленя" припарковался мотоциклетный патруль. Но самое серьезное препятствие представлял собой небольшой автомобиль с людьми прямо у выезда из гаража. Смит внимательно осмотрел его и решил, что это препятствие вполне преодолимо.

Мэри и Карнаби-Джонс уже заняли места в автобусе. Туда же направилась и Хайди. Шэффер обнял ее за плечи, поцеловал и улыбнулся. Она удивленно посмотрела на него.

– Разве ты не рада снова меня видеть? Если б ты только знала, через что мне пришлось пройти! Боже милостивый, я ведь чудом остался жив!

– И ты теперь не такой красавчик, как два часа назад. – она нежно прикоснулась к его лицу, на котором Каррачоло оставил кровавый след и. поднимаясь в автобус, бросила через плечо:

– Надо же, два часа – это как раз вся история нашего знакомства.

– Два часа! Мне кажется, я постарел за это время на двадцать лет. И все эти годы я посвящаю вам, леди. А сейчас, – закончил он, глядя, как Смит усаживается на водительское место и включает зажигание, – предстоит прожить очередные двадцать.

Всем на пол!

– А вы? – спросила Хайди.

– Я? – с искренним удивлением переспросил Шэффер. Он вышиб прикладом "шмайсера" лобовое стекло. щелкнул затвором и стал на колени, пристроив автомат стволом наружу. – А я кондуктор. Где вы видели, что кондуктор работает лежа?

Смит нажал на стартер, и дизельный мотор послушно загудел. Майор включил первую скорость, автобус рванул вперед. Снабженный мощным стальным ножом снегоочистителя, он легко пропорол двойные двери, будто они были сделаны из картона, только щепки полетели в разные стороны, как конфетти. Смит свернул направо и выехал на главную улицу. Зевак, заполнивших улицу, можно было распугать гудком и ревом дизеля, но с автомобилем, стоявшим на выезде, разъехаться было не так просто. Но прежде чем сидящие в нем – сержант, руки которого покоились на баранке, и майор с радиотелефоном в одной руке и тонкой сигарой с длинным столбиком пепла – в другой, успели понять, что происходит, их машину отнесло ножом снегоочистителя на несколько метров, после чего она благополучно остановилась. Ошарашенный майор так и остался сидеть с радиотелефоном в одной руке и с сигарой в другой. Даже пепел сигары не осыпался.

Мотоциклистов, столпившихся у дверей "Дикого оленя", удивил необыкновенный выезд автобуса. Сначала они решили, что его владелец Зеп Зальцман свихнулся или у него заело акселератор. Но они быстро поняли, что ошиблись. Они заметили Смита, склонившегося над рулем, и Шэффера со "шмайсером", дуло которого выглядывало из разбитого лобового стекла. Этого оказалось достаточно, чтобы сержант отдал команду, и мотоциклисты рванулись к своим машинам. Но и Смит увидел достаточно. Он включил далеко слышимый рожок автобуса, резко свернул и на всей скорости двинулся к тротуару в сторону мотоциклистов. Поняв его намерения, те сделали единственно

правильный выбор: оставив свои машины на произвол судьбы, предпочли укрыться на лестнице "Дикого оленя".

С душераздирающим металлическим скрежетом автобус смял патрульные мотоциклы, превратив их в груды утиля. Вырулив опять на середину дороги, Смит оглянулся: лишь две машины благополучно избежали общей участи. Под рев рожка Смит без передышки жал на газ, включая то огромные передние фары, то подфарники, и от этой свистопляски народ в панике разбегался кто куда, очищая дорогу. На горных дорогах почтовые автобусы пользуются абсолютной привилегией перед всеми другими видами транспорта, и символом их непрерываемого дорожного авторитета является оглушительно-пронзительный рожок. Звук этого рожка – виден сам автобус или нет – это приказ всем машинам и пешеходам остановиться или отступить, неукоснительно исполняемый каждым альпийцем, с молоком матери впитавшим дорожные правила, принятые в родных местах. Волшебный рожок оказывал магическое действие: и автомобили, и люди послушно жались к тротуару, как будто их враз притянул к себе мощный магнит. На лицах можно было прочесть все степени удивления – от тупого недоумения до возбужденного изумления. Чего на них не было, так это досады и негодования – события развивались столь стремительно, что до этого дело просто не успевало дойти. Автобус достиг уже конца улицы, а вдогонку не прозвучало ни одного выстрела.

Впереди маячила прямая как стрела лента дороги вдоль Голубого озера. Смит отключил альпийский рожок, но, спохватившись, включил его вновь: он мог сослужить службу не хуже, чем пара пулеметов.

– Нельзя ли сменить пластинку? – раздраженно спросил Шэффер. Он совсем продрог под ледяным ветром, который дул из разбитого окна и, стараясь по возможности укрыться от холода, уселся на пол. – Свистните, если понадобится У меня, наверное, мила в запасе.

– В смысле?..

– Через милю подьем к КПП казармы. У офицера в той машине, которую мы побеспокоили, был радиотелефон. Парень им, надо думать, воспользовался.

– А что же ты его не застрелил?

– Не тот я стал теперь, босс. – вздохнул Шэффер. – В мою жизнь вошло нечто прекрасное.

– Скажи лучше, что у тебя не было возможности.

– И, как вы верно заметили, у меня не было возможности. –

Шэффер обернулся, посмотрел в заднее стекло – нет ли погони. Дорога за ними была пуста. Тем не менее вид, открывавшийся в сторону, откуда они удалялись, заслуживал внимания. Шлосс Адлер, окутанный пламенем освещал адским огнем снежное королевство на полмили вокруг. Это была мечта пиротехника, кошмарный сон брандмайора. Участь замка была предрешена: к рассвету он превратится в дымящиеся руины. Отныне он обречен быть легендой, передаваемой из поколения в поколение, сказанием о прекрасном, навсегда исчезнувшем видении.

Шэффер перевел взгляд в салон автобуса, пытаясь определить, каково самочувствие пассажиров, но их было не разглядеть – все попрятались под сиденьями. Тут автобус здорово трянуло, Шэффер ударился плечом о стенку. Это заставило его взглянуть на приборный щиток.

– Господи, спаси и сохрани, – смиренно проговорил он. – Девяносто.

– Это в километрах, – успокоил Смит.

– Ну, тогда беспокоиться не о чем, – только и сказал Шэффер. Заметив, что Смит притормозил, он посмотрел в окно и тихонько свистнул. Казармы были совсем рядом. За контрольно-пропускным пунктом виднелся ярко освещенный плац, на котором сустились вооруженные солдаты. На первый взгляд их беготня показалась Шэфферу беспорядочной, но его заблуждение длилось недолго. Альпийские стрелки, не теряя ни секунды, спешили к ожидавшим их автомашинам.

– Собираются по тревоге, – отметил Шэффер. – Интересно, – начал было он, но оборвал себя на полуслове, широко раскрыв глаза. Из-за здания КПП, грохоча, выполз огромный танк. Выйдя

на дорогу, он развернулся на сто восемьдесят градусов, прицельно направив орудие на приближающийся автобус.

– Ну и дела, – прошептал Шэффер так громко, что его стало слышно в затихающем гуле автобусного дизеля. – "Тигр"! И 88-миллиметровая пушка, босс.

– Да, уж видно, что не пугач, – согласился Смит. – И прямехонько на дороге. Всем лечь на пол!

Он сперва притушил, а потом и вовсе выключил фары и оставил только боковую подсветку, моля Бога, чтобы эти мирные огоньки остановили руку, которая, может быть, уже приготовилась нажать на спусковую кнопку орудия. И Бог услышал его; эта

невидимая рука не прикоснулась к кнопке. Смит до предела замедлил скорость, свернул к воротам КПП и остановился.

Стараясь, чтобы его раненая рука никому не попала на глаза, он высунулся из окна и громко скомандовал тройке солдат с автоматами на изготовку, которые приближались под командой сержанта.

– Быстро! К телефону! Срочно нужен хирург. – Он ткнул пальцем куда-то себе за спину. – Полковнику Вайснеру. Два ранения. Задето легкое. Да что вы, черт вас побери, стоите как идиоты!

– Но у нас приказ, – запротестовал сержант. – Задержать почтовый автобус.

– Да вы пьяны! – загремел Смит. – Завтра же под трибунал пойдете – не дай Бог полковник умрет. Шевелите задницей!

Смит включил первую передачу, и автобус медленно поехал вперед. Сержант, на которого произвела впечатление майорская форма, а также то, что автобус не спеша въезжает на территорию казарм, но более всего успокоенный властным ревом альпийского рожка, который Смит так и не отключил, кинулся к ближайшему телефону.

Не прибавляя скорости Смит осторожно провел автобус сквозь мешанину людей и машин, проехал мимо шеренги мотоциклов, колонны грузовиков с вооруженными солдатами (они уже начали выезжать из ворот, но не так быстро, как ему бы хотелось). Впереди стояла группа оживленно беседующих офицеров. Смит сбавил скорость и высунулся из окна.

– Попались, – радостно возвестил он. – В "Диком олене"!

Взяли в заложники полковника Вайснера. Ради Бога, скорее!

Тут он осекся, узнав в одном из офицеров капитана, которому вечером в кабачке представился как майор Бернд Гиммлер. Секундой позже был узнан и он сам. У капитана от удивления отвисла челюсть, но прежде чем он успел как-нибудь среагировать, Смит уже нажал газ, и автобус рванул к южным воротам, распугивая народ скрежещущим снегоочистителем. Эффект неожиданности позволил беспрепятственно одолеть метров тридцать, прежде чем тридцать ярдов, прежде чем задние стекла разлетелись под градом выстрелов. Смит прорвался через южные ворота на главную дорогу и на какое-то время скрылся от прицельного огня с плаца. Но здесь их подстерегал еще более опасный враг, от которого не было никакой защиты. Смит чуть не потерял управление автобусом, когда что-то врезалось в дверь кабины, рикошетом отлетело в сторону и взорвалось в пятидесяти ярдах от них.

– Проклятый "Тигр"! – закричал Шэффер.

– Ложись! – Смит пригнулся к рулю. – Этот отскочил. А следующий...

Следующий пробил верхнюю часть задней двери, пролетел по автобусу и вышел как раз над лобовым стеклом. На этот раз взрыва опять не было.

– Может, учебный? – с надеждой спросил Шэффер.

– Ничего не учебный! – Смит яростно бросал автобус из стороны в сторону, чтобы не дать танку возможность вести прицельный огонь.

– Бронебойные снаряды, парень, сделаны так, что они должны пройти сквозь двухдюймовую броню танка, прежде чем взорваться. – Он подмигнул и низко пригнулся, когда третий снаряд выбил почти все стекла с левой стороны и осколки посыпались на голову Шэффера. – Если снаряд врежется не в

металлическую обшивку автобуса, а в шасси, или двигатель, или плуг снегоочистителя, то...

– Не надо об этом! – попросил Шэффер. Он замолчал, затем продолжил: – Он не торопится, должно быть, прицеливается.

– Не в том дело. – Смит бросил взгляд в зеркало заднего вида и выровнял машину. – Они даже не подозревают, как я рад, что за нами гонятся машины с солдатами.

Он включил четвертую передачу и выжал педаль газа до предела.

Шэффер повернулся и посмотрел через разбитые задние стекла. Он смог насчитать по меньшей мере три пары фар, преследовавших их по дороге, еще две, покачиваясь, выезжали из южных ворот: они успешно закрывали автобус от пушки танка.

– Выражение "счастлив" для меня не подходит! Что касается меня, то я просто в экстазе. "Тигр" – это одно, а грузовички – совсем другое!

Шэффер быстро прошел по проходу автобуса мимо Мэри, Хайди и Карнаби-Джонса, которые довольно неуверенно пытались встать на ноги, и посмотрел на ящики, лежащие на задних сиденьях.

– Шесть ящиков, – сказал он Хайди. – А мы просили только два... Душечка, ты делаешь меня счастливейшим из смертных!

Он открыл заднюю дверь и начал высыпать содержимое ящиков на дорогу. Лишь несколько бутылок, упав в глубокий снег, не разбились, но остальные, как на то и надеялся Шэффер, разлетелись вдребезги.

Первая преследующая машина находилась в трехстах ярдах от автобуса, когда въехала на битое стекло. Шэфферу трудно было точно определить, что там произошло, но то, что ему удалось увидеть и услышать, было весьма утешительным. Дальний свет первой машины начал прыгать из стороны в сторону, затем послышался визг тормозов, а в след за ним раздался громкий скрежет металла. Вторая машина врезалась в хвост ведущей.

Вцепившись друг в друга, они развернулись и перегородили дорогу от одной обочины до другой.

В момент столкновения фары этих машин погасли. Однако огни грузовиков, подошедших следом, позволяли увидеть, что дорога полностью заблокирована.

– Четко сработано! – сказал Шэффер с восхищением. – Молодец, Шэффер! – Он обратился к Смигу: – Это их задержит, босс.

– Конечно, задержит, – ответил Смит мрачно. – На целую минуту. Шины тяжелых грузовиков осколками бутылок не продырявить, а на то, чтобы оттащить две легковые машины с дороги, много времени не уйдет. Хайди!

Хайди прошла вперед, дрожа на ледяном ветру, врывающемся в разбитые передние и боковые окна.

– Да, майор?

– Сколько еще до поворота?

– Миля.

– А до деревянного моста?

– Еще миля.

– Три минуты. В лучшем случае у нас есть три минуты. – Он повысил голос: – Вы успеете, лейтенант?

– Конечно. – Шэффер уже связывал упаковки с взрывчаткой, скрепляя их липкой лентой. Он привязывал последнюю упаковку, когда его отбросило в сторону – автобус резко свернул налево и теперь мчался через сосновый лес по боковой дороге.

– Извините, лейтенант, – крикнул Смит. – Тут оказалось меньше мили.

– Нет оснований для паники, – бодро ответил Шэффер. Достав нож, он под корень обрезал запалы. Глянув в зияющую дыру на месте бывшего заднего окна, он замер, увидев фары настигающего их грузовика. – Впрочем. повод для небольшого волнения появился. У меня неважные новости, босс.

– Сам вижу. Сколько осталось, Хайди?

– За следующим поворотом.

Смит так же лихо прошел второй поворот. Впереди показался мост. и лучшие времена, подумал Смит, он не рискнул бы проехать через эту развалину даже на велосипеде. Теперь же надо было

прокатиться по ней на шеститонном автобусе. Добро бы еще под ним текли мирные воды какой-нибудь речушки. Тут же зияла черная бездна. Мост состоял из сцепленных попарно железнодорожных шпал. Держался он на ветхих деревянных опорах, которые на взгляд Смита не выдержали бы тяжести праздничного стола в саду сельского священника.

Смит атаковал это почтенное сооружение на скорости полсотни километров. Конечно, осторожность требовала вползти на мост как можно медленнее, но Смит решил, что это удовольствие не стоит растягивать. Цепи, которыми были обмотаны шины автобуса, скрежетали по шпалам, автобус подпрыгивал, а мост раскачивался из стороны в сторону. На середине у центральной опоры следовало приостановиться. Но это было так же выполнимо, как желание сорвать цветок эдельвейса в условиях схода снежной лавины. Только метра за три до конца моста Смит притормозил, и автобус медленно съехал на твердую дорогу.

Не дожидаясь остановки, Шэффер прыгнул через заднюю дверь, держа наготове пакет с взрывчаткой. Быстро добежав до середины моста, он прикрепил связку взрывпакетов к центральной опоре, сорвал предохранители и бросился назад, к автобусу, который уже медленно тронулся с места. Дружеские руки втащили его вовнутрь.

Он успел увидеть приближающуюся к мосту машину. Но тут два громких взрыва, сопровождавшихся яркими вспышками, почти слились в один. Остатки опор и шпал, взметнувшиеся в воздух, как в замедленной съемке, стали оседать вниз. Через секунду вместо моста зиял черный провал. Водитель грузовика, едва успевший нажать на тормоз, в безнадежной попытке удержаться на краю, лавировал из стороны в сторону. Но машину повело юзом и, наткнувшись на каменный выступ, она дважды перевернулась.

Шэффер изумленно помотал головой, закрыл дверь, сел на заднее сиденье, зажег сигарету, выбросил спичку в окно и изрек:

– Да, братцы, повезло вам, что я попал в вашу компанию.

– Столько достоинств – и такая скромность! – восхитилась Хайди.

– Редкое сочетание, – признал Шэффер. – Со временем ты найдешь во мне кучу всяческих добродетелей. Интересно, а сколько отсюда до аэродрома?

– Пять миль. Минут восемь пути. Кстати, это единственная дорога к нему. Так что хвоста не будет. Можно не торопиться.

– Вот и не будем. Скажи, золотишко, бутылки, которые ты захватила, все пустые?

– Те, что выбросили, да.

– Нет, я тебя просто не достоин, – уважительно сказал Шэффер.

– Наконец-то мы сошлись в суждениях, – съязвила Хайди. Шэффер улыбнулся, вытащил из ящика пару пива и направился к Смицу, который, не останавливая автобус, уступил ему место водителя.

Не прошло и трех минут, как, миновав перелесок, они уже выехали на открытое поле, а еще через пять, следуя инструкциям Хайди, Шэффер ввел автобус в узкие ворота, за которыми в свете фар хорошо просматривались два небольших ангара, чистая взлетная полоса и изрешеченный пулями бомбардировщик "Москито" с подломленным шасси.

– Что за чудный вид! – Шэффер кивнул в сторону изувеченного самолета. – Никак это личный транспорт Карнаби-Джонса?

Смит кивнул.

– С "Москито" началось и, надеюсь, в "Москито" все закончится. Это аэродром Оберхаузена. Штаб-квартира баварского горноспасательного авиаотряда.

– Трижды ура доблестным баварским авиагорноспасателям!

– Шэффер притормозил прямо у взлетной полосы, выключил фары и заглушил мотор. В полной темноте они молча расселись по местам и стали ждать.

Полковник Уайет-Тернер посмотрел в окно и впервые за всю

ночь с облегчением вздохнул: земля стала удаляться от "Москито".

– Нервничаете, командир? – язвительно поинтересовался он у Карпентера.

– Я свое отнервничал 3 сентября 1939 года, – бодро отозвался Карпентер. – Пришлось подняться повыше –из–за деревьев не видно сигнальных огней.

– А вы уверены, что мы летим правильным курсом?

– Абсолютно. Вон там гора Вайсшпитце. Лететь осталось минуты три. – Карпентер помолчал и задумчиво закончил: – Что–то не узнаю здешних мест. Как будто над луна–парком летим...

Командир корабля не преувеличивал. На фоне силуэта Вайсшпитце были видны сполохи гигантского пожара. Время от времени они расцветались огненными искрами, разлетавшимися пестрыми снопами во все стороны.

– Видно, что–то рвется, – протянул Карпентер. – Прямо в Шлосс Адлере. Что, кто–то из ваших ребят захватил с собой спички?

– Как видите. – Уайет–Тернер бесстрастно смотрел в окно.

– Фантастическое зрелище. – Востину так, – согласился Карпентер. Он тронул полковника за плечо и указал глазами куда–то вниз. – Но вот там есть кое–что позанимательнее.

Уайет–Тернер послушно перевел глаза. Во тьме ритмично загорались и гасли огни двух фар. Полковник, как зачарованный смотрел на них, медленно качая головой, не в силах поверить своим глазам.

Шэффер оставил фары гореть, и они ярким светом заливали посадочную площадку. Черная тень "Москито" с выпущенными шасси пробежала по полю. Не прошло и полминуты, как все пятеро уже сидели внутри бомбардировщика. Карпентер развернул машину на 180 градусов, – и моторы заработали на предельных оборотах. "Москито" взмыл вверх. Примерно с милю, пока самолет набирал высоту, они летели прямо навстречу горящему замку, освещавшему кровавым светом всю долину. Потом "Москито" взял курс на северо–запад, и гибнущий Шлосс Адлер навсегда исчез из виду.

Командир Карпентер лег на курс на высоте трех тысяч метров. Теперь не было необходимости лететь, задевая ветви деревьев; тогда он вынужден был следить, чтобы немецкие радарные установки не смогли достаточно долго держать "Москито" в зоне обнаружения, чтобы определить направление полета. А сейчас миссия выполнена, он летит домой, в Англию, и ни один военный самолет во всей Европе не сможет догнать их бомбардировщик. Пятеро только что взятых на борт пассажиров пребывали не в столь радужном настроении. Они не так удобно устроились, как Карпентер в своем кресле пилота. Конструкция "Москито" не предусматривала ни малейшего комфорта для пассажиров. Трое мужчин и две девушки скорчились на тощих тюфях. Полковник Уайет–Тернер сидел боком в кресле второго пилота, держа на: коленях автомат, который прихватил с собой, отправляясь на аэродром. Полковник развернулся так, чтобы одновременно видеть и пилота, и пассажиров. Объяснение Смита о причинах присутствия в их компании девушек не взволновало его, он думал о более существенных вещах.

Мэри, воспользовавшись аптечкой, которую нашла в самолете, перевязывала Смиту руку. Повернувшись к полковнику, майор сказал:

– Очень любезно с вашей стороны, сэр, встретить нас лично.

– Дело не в любезности, – по–солдатски прямо ответил Уайет–Тернер, – Я не мог не полететь сюда, иначе я бы просто свихнулся от неопределенности. Ведь это я вас сюда послал. – Он немного помолчал и добавил: – Погибли Торренс–Смиз, сержант Хэррод, а теперь вот, оказывается, еще Каррачола, Кристиансен и Томас. Столько жизней! Большая цена. Смит, страшная цена. Это были мои лучшие агенты.

– Все? – тихо спросил Смит.

– Я старею, – Уайет-Тернер устало покачал головой и привел ладонью по лицу. – Вы выяснили, кто из них... – Каррачола.

– Тед Каррачола! Каррачола? Невозможно поверить!

– И Кристиансен. – Голос Смита звучал по-прежнему спокойно, даже монотонно. – И Томас.

– И Кристиансен? И Томас? – Полковник внимательно посмотрел на Смита. – Вы должно быть, переутомились, майор.

– Да, я конечно, устал, – признался он. – Но когда я убивал предателей, я был в здравом уме и твердой памяти.

– Вы... вы их убили? Все трое предатели... Невозможно! Я не хочу в это верить!

– Тогда вы возможно, поверите вот этому. – Смит достал из кармана блокнот и протянул Уайет-Тернеру. – Здесь имена, адреса и явки всех немецких агентов в Южной Англии и имена всех английских агентов в Северо-Западной Европе, которых заменили немецкие шпионы. Вы узнаете почерк Каррачола? Ему пришлось это написать по моей просьбе.

Уайет-Тернер медленно, как сомнамбула, протянул руку и взял блокнот. Минуты три он, листая страницы, внимательно изучал написанное, наконец, закрыл блокнот, положил на колени.

– Это документ чрезвычайной важности. Нация в долгу перед вами, майор Смит.

– Благодарю вас, сэр.

– Во всяком случае, она могла бы оказаться в долгу, но, боюсь, ей не выпадет этот шанс. – С этими словами полковник направил свой "стен" прямо в грудь Смиту. – Вы ведь не допустите глупостей, майор, не правда ли?

– Какого черта... – начал было Карпентер, поворачиваясь к Уайет-Тернеру.

– Не отвлекайтесь, командир. – Уайет-Тернер повел автоматом в сторону Карпентера. – Кстати, прошу вас внести поправку к курсу. Через час мы должны приземлиться в аэропорту Лилля.

– Да этот парень свихнулся! – ошарашенно выговорил Шэффер.

– Если и свихнулся, – сухо заметил Смит, – то не сейчас. Леди и джентльмены, честь имею представить вам самого опасного шпиона во всей Европе, самого удачливого двойного агента всех времен и народов. – Он сделал паузу, ожидая реакции, но никто не проронил ни слова: чудовищность разоблачения не укладывалась в сознании. Тогда Смит продолжил: – Полковник Уайет-Тернер. вы сегодня же предстанете перед военным трибуналом, вам вынесут приговор и препроводят в Тауэр, откуда завтра утром выведут с повязкой на глазах, чтобы привести приговор в исполнение.

– Так вы знали? – услышанное явно не понравилось, Уайет-Тернеру. – Вы знали?

– Знал, – кивнул Смит. – И не я один. Вы три года работали в вермахте, после чего, как доложили, вам удалось перевестись в Берлин. Это правда. Но с помощью самих немцев. Когда же ход войны переломился, и уже не требовалось подсовывать союзным державам лживую информацию о предполагаемых наступательных операциях германских войск, вас отправили в Англию, откуда вы передавали немцам точные сведения о планах союзников и заодно выявляли английских агентов в Северо-Западной Европе. Сколько миллионов франков на вашем счету в цюрихском банке, полковник?

Командир Карпентер, глядя прямо перед собой сквозь лобовое стекло, медленно выговорил:

– А вы не перегибаете палку, старина?

– Протрите глаза и взгляните на "стен". Разве это не доказательство? – Смит опять повернулся к Уайет-Тернеру. – Вы недооценили адмирала Ролленда. Он несколько месяцев держал под подозрением вас и четырех сотрудников Отдела II. Ошибся он только в отношении Торренс-Смиза.

– Валяйте, выкладывайте ваши домыслы, – сказал Уайет-Тернер, оправившись от неожиданности. – Это поможет нам

скоротать время до посадки в Лилле.

– К несчастью для вас, это не домыслы. Адмирал вызвал нас с Мэри из Италии, потому что ему не на кого было положиться в Лондоне. Предательство, увы, штука очень заразная и стремительно распространяющаяся. Адмирал поставил нас в известность о том, что подозревает кое-кого из начальников секторов, но не сказал, кого именно. И когда самолет генерала Карнаби потерпел крушение, он поделился с вами замыслом операции, приняв меры к тому, чтобы вы не успели ни с кем из ее участников побеседовать с глазу на глаз.

– Так вот почему я сюда попал, – вмешался Шэффер, начиная кое-что понимать. – Потому что своим не доверяли...

– Удача, полковник, изменила вам в тот момент, когда Ролленд поручил вам назначить старшего группы, и вы выбрали меня. Ролленд был уверен, что именно так вы и поступите. Из штаба контрразведки, от самого вашего приятеля адмирала Канариса вам стало известно, что я двойной агент. И один только Ролленд знал, что это не так. На ваш взгляд, я был идеальной фигурой. Ролленд предусмотрел, чтобы со мной вы тоже не успели переговорить, но вы были за меня спокойны, полагали, что я правильно ориентируюсь, – Смит чуть улыбнулся. – Рад доложить, что я действительно ориентировался. А вам, наверное, не доставило удовольствия узнать, кто я таков на самом деле. Ролленд только сегодня вам объяснил.

– Значит, вам все было известно... – голос Уайет-Тернера прозвучал достаточно спокойно и злое. – И что же дальше, Смит? – спросил полковник, поигрывая автоматом.

– Мы все знали о вас, но у нас не было доказательств. Я получил их вчера вечером. Оказалось, что полковник Крамер извещен о том, что мы явимся за генералом Карнаби. Кстати, – Смит кивнул в сторону Джонса, – познакомьтесь с Картрайтом Джонсом, американским актером.

– Генерал Карнаби проводит уик-энд в загородном доме в Уилтшире. "Мистер Джонс замечательно справился с его ролью. Он сыграл ее на том же высоком уровне, на котором была инсценирована авария самолета – вы, вероятно, уже поняли, что это была инсценировка? – Уайет-Тернер попытался было что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Губы его беззвучно шевелились, кровь отхлынула от лица. – Откуда Крамер получил информацию? Ему передали ее из Берлина сразу после того, как Ролленд посвятил вас в план операции. Никто, кроме вас, не мог сообщить эти сведения немцам. Крамер знал даже о том, что мы зайдем в "Дикий олень", потому что я доложил об этом по рации, а вы, не теряя времени, передали информацию.

– Вы уверены? – спросила Хайди. – Может быть, ее передавал кто-то из тех троих – Каррачоло, Кристиан-сен или Томас, тот, кто убил Торренс-Смиза? Прямо рядом с гостиницей телефонная будка.

– Знаю. Томас не успел бы. Я отсутствовал в кабачке ровно семь минут. Торренс-Смиз вышел оттуда через три минуты после меня, вслед за кем-то из тех троих. Смизи был догадливый малый, он чувствовал, что что-то не так.

– Откуда? – спросил Шэффер.

– Теперь мы уже не сможем ответить на это наверняка. Скорее всего, он умел читать по губам. Во всяком случае, он засек того, кто стоял в телефонной будке, прежде чем тот успел связаться с Вайснером или Крамером. И была смертельная схватка. Пока убийца затащил труп во двор и вернулся к будке, ее уже кто-то занял. Я видел, как этот человек говорил по телефону. Так что убийце пришлось вернуться в пивную. Вайснер получил информацию от Крамера, а Крамеру ее сообщил человек, который сидит сейчас перед вами.

– Очень интересно. – В голосе Уайет-Тернера прозвучала издевка, но лицо выдавало растерянность. – Правда, захватывающую историю вы нам поведали. Вы закончили, майор Смит?

– Да. Вы не могли не вылететь нам навстречу, полковник, – ведь это был ваш единственный шанс на спасение. В моем последнем донесении адмиралу по радио я передал, что у меня в

руках все. Он вам объяснил, что это значит – все имена, все адреса. Мы бы никогда не вышли на вас через Каррачолу,

Кристиансена или Томаса, они сами не знали, на кого работают.

Вы связывались с ними через посредников – их имена и записаны в этом блокноте – и они, конечно, выдали бы вас, почуввав, что пахнет жареным. Нетрудно сделать выбор между виселицей и откровенностью, не так ли?

Вместо ответа Уайет–Тернер повернулся к Карпентеру и приказал:

– Возьмите курс на Лилль.

– Не обращайтесь внимания, командир, – сказал Смит. Уайет–Тернер направил "стен" на Смита:

– Ну, что, исчерпали свое красноречие? Не найдется ли еще какого-нибудь аргумента, чтобы я вас не застрелил?

– Почему бы не найтись, – кивнул Смит. – Как вы думаете, с какой стати адмирал Ролленд лично привез вас на аэродром? Он ведь никогда прежде этого не делал.

– Продолжайте. – Голос полковника прозвучал твердо и отрывисто, но в глазах стояла боль: он понял, что терпит поражение и почувствовал дыхание смерти.

Уайет–Тернер долгим взглядом посмотрел на Смита и перевел глаза на свой автомат. На прикладе ясно были видны две свежие царапины. Боль в его глазах сменилась отчаянием.

– Ну вот, вы поняли, – продолжил Смит. – Ровно тридцать шесть часов назад я своими руками спилил у вашей пушки боек.

Левой рукой Смит неуклюже вытащил из кармана свой "люгер". Уайет–Тернер, целясь ему в голову, несколько раз нажал на спуск, но каждый раз автомат издавал лишь сухой щелчок. Полковник с застывшим лицом опустил оружие на пол, но затем резко вскочил, распахнул входной люк и выбросил в него блокнот. Потом слабо улыбнулся Смицу:

– Документ исключительной важности – так, кажется, я его назвал?

– Примерно так. – Смит отдал свой пистолет Шэфферу и вытащил из кармана два других блокнота. – А вот и дубликаты.

– Дубликаты! – Улыбка на лице полковника погасла. – Дубликаты, – шепотом повторил он, обвел всех глазами и, увидев, что Смит вновь взял в руку пистолет, спросил:

– Хотите застрелить меня?

– Нет.

– Прекрасно.

Уайет–Тернер кивнул, опять распахнул люк, негромко спросил:

– Неужели вы можете представить меня в Тауэре? – И шагнул в пустоту.

– Нет, – покачал головой Смит. – Этого я представить не могу.

– Ну, теперь пора выходить на связь. – Смит захлопнул люк, морщась от боли, уселся в кресло второго пилота и взглянул на Мэри. – Адмирал, наверное, уже волнуется.

– Да, пора, – автоматически откликнулась Мэри и посмотрела на него, как на пришельца из другого мира.

– Как ты можешь сохранять невозмутимость после того, что произошло?

– Потому что предвидел это, малышка. Я знал, что он должен умереть.

– Знал, – пробормотала она. – Ну конечно же, конечно, знал.

– Последствия? – переспросила Мэри. Лицо у нее было пепельно-бледным.

– Мы с тобой вышли из игры, – объяснил Смит. – Лично я даже простым солдатом не смогу пойти на войну: если попаду в плен, меня расстреляют как шпиона.

– И значит?...

– Значит, для нас война окончена. И мы наконец-то сможем подумать о себе. Ты не против? – он нежно сжал ее руку, она улыбнулась в ответ.

– Нет, не против... Командир, можно воспользоваться вашей связью?

- Значит, его больше нет. – Адмирал Ролленд стоял у радиопередатчика с телефонной трубкой в руке. Он выглядел усталым и постаревшим. – Может быть, так оно и лучше, Смит. А вы получили всю информацию, какую хотели?
- Всю, – сэр.
- Великолепно! Просто великолепно! Я поднял на ноги всю полицию в стране. Как только списки будут у нас в руках... На аэродроме вас ждет машина. Увидимся через час.
- Есть, сэр. Да. еще одно. сэр. Я собираюсь сегодня утром вступить в брак.
- Собираетесь... что? – Седые кустистые брови адмирала поползли вверх.
- Собираюсь жениться, – раздельно проговорил Смит. – На мисс Мэри Эллисон.
- Но это невозможно, – запротестовал Ролленд. – Утром! Исклучено! Нужно спрашивать разрешения, и регистрационный отдел сегодня не работает...
- И это после всего, что я для вас сделал, – укоризненно перебил его Смит.
- Но это шантаж, сэр! Чистый шантаж! – Ролленд бросил трубку, устало улыбнулся и взялся за другой аппарат. – Коммутатор? Соедините меня с сектором подделки документов.
- Решено, – сказал Шэффер. – Вечером заваливаемся в этот кабачок.
- Ты же мечтал о гриль-баре "Савой", – напомнила Хайди.
- Да, какая разница! Итак, заваливаемся в этот кабачок, заказываем паштет, копченую форель, филе по-шотландски...
- Филе! Размечтался! Ты что – забыл про войну? Про нормирование продовольствия? Филе можно получить разве что из конины.
- Золотко! – Шэффер взял ее руки в свои и сказал значительно и проникновенно: – Золотко, прошу тебя никогда не произносить при мне этого слова. У меня аллергия на лошадей.
- Вы разве там у себя, в Монтане, их едите? – изумилась Хайди.
- Они меня сбрасывают, – виновато ответил Шэффер.

Обращений с начала месяца: 92, Last-modified: Tue, 18 Jul 2000 05:37:38 GMT